

МЕЖДУНАРОДНЫЙ БИЗНЕС

ЕЖЕКВАРТАЛЬНЫЙ ДЕЛОВОЙ ЖУРНАЛ

МБ

№4(10) 2024
Volume 4(10)

МЕЖДУНАРОДНЫЙ БИЗНЕС

ЕЖЕКВАРТАЛЬНЫЙ ДЕЛОВОЙ ЖУРНАЛ

4(10) 2024

Volume 4(10)

СОДЕРЖАНИЕ

- 3 **В.В. Шаповалов**
Приветственное слово главного редактора
- 5 **А.В. Фененко**
Глобален ли современный «глобальный мир»?
- 32 **Л.В. Шкваря, А.В. Федорченко**
Прогресс и проблемы регионального экономического сотрудничества стран Персидского залива
- 46 **В.Е. Снапковский**
Беларусь: достижения и дилеммы многовекторной политики и экономической дипломатии
- 62 **Е.Ю. Васенькина, Ю.Л. Мазуров**
Управление природопользованием и экологический менеджмент: актуальная ретроспектива трендов
- 76 **Л.И. Цветкова**
Интеллектуальный капитал как объект оценки и управления
- 100 **А. Бхатнагар**
Индо-российская экономическая коллаборация в Арктическом регионе
- 116 **Р.А. Баталов**
«Нестандартно мыслить и верить в то, что делаешь»: Роман Баталов - о российском бизнесе, важности коммуникации и любви к alma mater

CONTENTS

- 3 **Vladimir V. Shapovalov**
Welcome speech by the Editor-in-Chief
- 5 **A.V. Fenenko**
Is the Modern "Global World" Global?
- 32 **L.V. Shkvarya, A.V. Fedorchenko**
Progress and Problems of Regional Economic Cooperation Among the Countries of the Persian Gulf
- 46 **V.E. Snapkovsky**
Belarus: Achievements and Dilemmas of Multi-Vector Policy and Economic Diplomacy
- 62 **E.Yu. Vasenkina, Yu.L. Mazurov**
Environmental Governance and Environmental Management: Current Retrospective of Trends
- 76 **L.I. Tsvetkova**
Intellectual Capital as Object of Assessment and Management
- 100 **A. Bhatnagar**
Indo-Russian Economic Collaboration in the Arctic Region
- 116 **R.A. Batalov**
"Think Outside the Box and Believe in What You Do", Roman Batalov - on Russian Business, the Importance of Communication and Love for Alma Mater

Редакционный совет

Главный редактор

Шاپовалов Владимир Владимирович,
кандидат экономических наук, доцент кафедры
прикладного анализа международных проблем, декан
факультета международного бизнеса, Московский
государственный институт международных отношений
(университет) МИД Российской Федерации, Россия

Выпускающий редактор

Чикова Анастасия Евгеньевна,
преподаватель кафедры экономической политики
и государственно-частного партнерства, научный
сотрудник Центра прикладных исследований факультета
международного бизнеса, Московский государственный
институт международных отношений (университет)
МИД Российской Федерации, Россия

Редакционная коллегия

Глазьев Сергей Юрьевич – академик Российской
академии наук, доктор экономических наук,
профессор, заведующий кафедрой теории
и методологии государственного и муниципального
управления, Московский государственный университет
им. М.В. Ломоносова, Россия

Миловидов Владимир Дмитриевич – доктор
экономических наук, доцент, заведующий
кафедрой международных финансов, Московский
государственный институт международных отношений
(университет) МИД Российской Федерации, Россия

Ноздрева Раиса Борисовна – заслуженный деятель
науки РФ, доктор экономических наук, профессор,
Россия

Солодилова Наталья Зиновьевна – доктор
экономических наук, профессор кафедры «Проектный
менеджмент и экономика предпринимательства»,
директор Института экосистем бизнеса и креативных
индустрий, главный редактор журнала «Вестник УГНТУ.
Наука, образование, экономика. Серия экономика»,
Уфимский государственный нефтяной технический
университет, Россия

Роберто де Andrade Медроньо – ректор Федерального
университета Рио-де-Жанейро, Бразилия

Эрнесто Таволетти – доктор наук в области экономики
и управления предприятиями и производственными
комплексами, доцент кафедры управления бизнесом,
международной бизнес-стратегии и международного
маркетинга, Университет Мачераты, Италия

Корректор – Громов Михаил Сергеевич

Компьютерная верстка – Волков Дмитрий Евгеньевич

© МГИМО МИД России

Учредитель: Федеральное государственное
автономное образовательное учреждение
высшего образования «Московский государственный
институт международных отношений (университет)
Министерства иностранных дел Российской Федерации»

Зарегистрировано Федеральной службой по надзору
в сфере связи, информационных технологий
и массовых коммуникаций

Свидетельство о регистрации средства массовой
информации ЭЛ № ФС 77-85482 от 27.06.2023 г.

ISSN-Online 2949-639X. Выходит 4 раза в год

Адрес редакции:

119454, Москва, проспект Вернадского, д. 76, каб. 2037

Тел.: 8 (495) 229-54-20

веб-сайт: www.ibj.mgimo.ru

e-mail: ibj@inno.mgimo.ru

Editorial Board

Editor-in-Chief

Vladimir V. Shapovalov,
Ph.D. in Economics, Associate Professor at the Department
of Applied International Analysis, Dean of the School of In-
ternational Business, Moscow State Institute of International
Relations (University) of the MFA of the Russian Federation,
Russia

Commissioning Editor

Anastasia E. Chikova,
Lecturer at the Department of Economic Policy and Pub-
lic-Private Partnership, Researcher at the Centre for Applied
Research, Moscow State Institute of International Relations
(University) of the MFA of the Russian Federation, Russia

Editorial Team

Sergey Y. Glazyev – Academician of the Russian Academy
of Sciences, Doctor of Economics, Professor, Head of the
Department of Theory and Methodology of State and Mu-
nicipal Management, Lomonosov Moscow State University,
Russia

Vladimir D. Milovidov – Doctor of Economics, Associate
Professor, Head of the Department of International Finance,
Moscow State Institute of International Relations (Universi-
ty) of the MFA of the Russian Federation, Russia

Raisa B. Nozdreva – Honored Scholar of the Russian Feder-
ation, Doctor of Economics, Professor, Russia

Natalia Z. Solodilova – Doctor of Economics, Professor at
the Department “Project Management and Entrepreneurship
Economics”, Director of the Institute of Business Ecosystems
and Creative Industries, Editor-in-Chief of the journal “Bulle-
tin USPTU. Science, Education, Economy. Series Economy”,
Ufa State Petroleum Technical University, Russia

Roberto de Andrade Medronho – Rector of the Federal
University of Rio de Janeiro, Brazil

Ernesto Tavoletti – Doctor of Economics and Management
of Enterprises and Local System, Associate Professor at the
Department International Marketing and International
Business Strategy, University of Macerata, Italy

Proofreading - Mikhail S. Gromov

Computer layout - Dmitry E. Volkov

© Moscow State Institute of International Relations
(University) of the Ministry of Foreign Affairs
of Russian Federation The Founder: Moscow State Institute
of International Relations (University)
of the Ministry of Foreign Affairs of Russian Federation
The Federal Service for Supervision
of Communications, Information Technology
and Mass Media

Certificate of registry ЭЛ No ФС 77-85482,
27 June 2023

ISSN-Online 2949-639X. Published four times annually

The Publisher Address:

119454, Moscow, Prospect Vernadskogo, 76, office 2037.

Phone: +7 (495) 229-54-20

URL: www.ibj.mgimo.ru

e-mail: ibj@inno.mgimo.ru

УВАЖАЕМЫЕ ЧИТАТЕЛИ,

С большим удовольствием приветствую вас на страницах нового выпуска журнала «Международный бизнес», в котором представлены разнообразные статьи, интервью с экспертами и практические рекомендации, которые помогут вам быть в курсе ключевых тенденций, формирующих современный деловой ландшафт, принимать обоснованные решения и успешно адаптироваться к динамичной бизнес-среде.

В своей статье доктор политических наук, профессор кафедры международной безопасности Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова А.В. Фененко обсуждает концепцию «деглобализации» и ее влияние на современный экономический ландшафт. Автор приходит к выводу, что в результате усиления государственного контроля современная глобализация является лишь попыткой вернуть утраченные глобальные свободы прошлого.

Доктор экономических наук, профессор, профессор кафедры мировой экономики Российского экономического университета им. Г.В. Плеханова Л.В. Шкваря и доктор экономических наук, профессор, старший научный сотрудник кафедры мировой экономики МГИМО МИД России, ведущий научный сотрудник Института востоковедения РАН А.В. Федорченко анализируют состояние региональной экономической интеграции в странах Персидского залива, акцентируя внимание на новом этапе интеграции в XXI веке, который стал ответом на растущую неопределенность в мировой экономике.

Доктор исторических наук, профессор кафедры международных отношений Белорусского государственного университета (Республика Беларусь) В.Е. Снапковский анализирует многовекторность как ключевой элемент внешнеполитического курса Республики Беларусь, акцентируя внимание на взаимосвязи политики и экономики в контексте обеспечения национальных интересов. Исследование охватывает основные этапы внешнеполитической деятельности страны с 1991 года, включая эволюцию приоритетов и особенности экономической дипломатии, особенно в отношениях с Россией.

Кандидат географических наук, эксперт-аналитик департамента исследований топливно-энергетического комплекса Института проблем естественных монополий Е.Ю. Васенькина и доктор географических наук, профессор кафедры рационального природопользования Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова Ю.Л. Мазуров исследуют историческую эволюцию экологического менеджмента и его значимость в управлении природопользованием. Авторы анализируют ключевые этапы становления этой практики, а также ее влияние на «зеленую» экономику и устойчивое развитие.

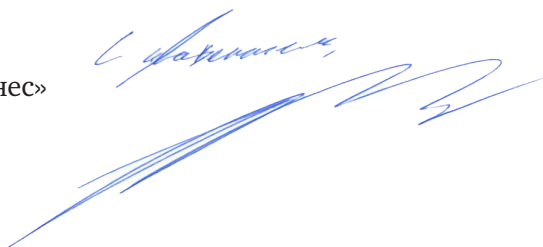
Доктор экономических наук, профессор кафедры управления рисками и страхования МГИМО МИД России Л.И. Цветкова рассматривает метод определения и оценивания интеллектуального капитала как объекта управления, подчеркивая важность его идентификации для эффективного контроля. Статья предлагает определение интеллектуального капитала и разработку логичного метода его оценки, что может быть полезно для повышения эффективности бизнес-процессов.

Заместитель руководителя отдела международных отношений Amity University А. Бхатнагар (Республика Индия) описывает трансформацию индийской экономики и подчеркивает стратегическую роль России в экономическом развитии Индии. Автор также подчеркивает перспективы индийско-российского сотрудничества в Арктике, охватывающего большое количество направлений.

Специальный гость номера, выпускник факультета международного бизнеса МГИМО МИД России, предприниматель и соучредитель группы компаний Mantera Group Р.А.Баталов делится своими взглядами на вызовы, с которыми сталкивается российский бизнес, и на то, как эффективно выстраивать взаимодействие внутри команды.

Надеюсь, что наш журнал станет для вас надежным источником знаний и вдохновения!

Главный редактор
журнала «Международный бизнес»
В.В. Шаповалов

ГЛОБАЛЕН ЛИ СОВРЕМЕННЫЙ «ГЛОБАЛЬНЫЙ МИР»?

А.В. Фененко

доктор политических наук, профессор кафедры международной безопасности Московского государственного университета им.М.В.Ломоносова,
Москва, Россия
e-mail: afenenko@gmail.com

Аннотация. В последние годы понятие «деглобализация» стало ключевым в политологическом нарративе. Под ним понимается свертывание глобализации и возвращение в мир национальных государств, включая такой его атрибут, как межгосударственные войны. Однако исследователи часто игнорируют тот факт, что всего 150-200 лет назад в мире существовала цивилизация, превосходящая нашу по степени глобальных свобод и взаимозависимостей. Исследователи выделяют период «первой глобализации» 1870-1914 годов. Автор предлагает расширить это понятие на все XIX столетие и доказывает, что уровень глобализации в то время не только не уступал современному, но и по ряду аспектов превосходил его. В известном смысле наши «глобальные свободы» - лишь бледная тень глобальных свобод XIX в. Причиной этому стало усиление роли государства. Глобализация XIX в. происходила в условиях слабого государства. С тех пор государство взяло под контроль все сферы общественной жизни, вводя систему жесткого контроля и регистрации. Мы живем в мире не ослабления, а усиления национальных государств, если принимать во внимание долгосрочный процесс с 1840-х гг. до наших дней. Это означает, что наша глобализация, возможно, была лишь не очень удачной попыткой вернуть прошлые глобальные свободы.

Ключевые слова: глобализация, глобальный мир, деглобализация, первая глобализация, Венский порядок, этатизм, фритредерство, протекционизм, миграция.

Поступила в редакцию: 01.12.2024
Принята к публикации: 09.12.2024

УДК 339.9.012
DOI: 10.24833/2949-639X-2024-4-10-5-31

ВВЕДЕНИЕ

На протяжении последних лет понятие «деглобализация» стало едва ли не ключевым в политологическом нарративе [22]. В самом общем смысле этот термин обозначает свертывание глобальных процессов в экономической, интеграционной и культурной сферах и возвращение в мир национальных государств, включая такой его атрибут, как межгосударственные войны. Говорить о торможении глобализации политологи начали еще 10-15 пятнадцать лет назад [6], однако в последнее время обсуждение проблематики «конца глобализации» приобрело

массовый характер [3]. Здесь, однако, возникает важный исследовательский вопрос: «Может ли в принципе закончиться такое явление, как глобализация? И если да, то в чем именно будет заключаться ее гипотетическое окончание?»

Хотя литература о глобализации настолько обширна, что заслуживает отдельного справочника [13], ее многообразие можно свести к трем базовым точкам зрения:

- глобализация как следствие глобального режима свободной торговли и свободного движения капитала [20];
- глобализация как результат укрепления транснациональных игроков - от транснациональных корпораций (ТНК) и международных организаций до террористических сетей [27];
- глобализация как американский проект, навязываемый миру США и их ближайшими союзниками [29].

Концептуально эти три подхода чрезвычайно близки друг другу, хотя первая и третья трактовки предполагают обратимость глобализации: она прекратится, если в силу каких-то причин рухнет система свободной торговли или США не смогут продвигать свой проект [1]. Методологической основой большинства исследований о глобализации выступает следующий принцип: на рубеже 1980-х и 1990-х годов (вариант - на рубеже 1960-х и 1970-х годов) начался принципиально новый этап истории человечества, отличный от того, что был во всей предшествующей мировой истории [35].

Между тем анализ истории проблемы показывает, что всего 150-200 лет назад в мире существовала цивилизация, превосходящая нашу по степени глобальных свобод и взаимозависимостей. В этом смысле наши «глобальные свободы» - лишь бледная тень глобальных свобод XIX века - времени, получившим название «первая глобализация». Данный термин был введен итальянским исследователем Томасом Пикетти [30] (и использовался не только им [32; 18]) для обозначения периода 1870-1914 годов. Считая этот термин относительно удачным, полагаю, что сама концепция «первой глобализации» нуждается в доработке по четырем причинам: хронологической (расширение ее рамок на все XIX столетие), исторической (осмысление глобальных процессов XIX в.), коммуникационной (взаимодействие индивидов в рамках глобального пространства XIX в.) и правовой (так называемых «глобальных свобод»: прав человека на совершение определенных действий в рамках формирующегося глобального пространства). Подобное углубление проблемы требует привлечения более широко круга источников, охватывающих не только экономические (как у Т.Пикетти), но также социальные, культурные и демографические сферы¹.

¹ Мираж глобализации. РСМД. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/mirazh-globalizatsii/> (дата обращения: 05.11.2024).

Гипотеза автора сводится к следующему. Во-первых, процесс «первой глобализации» происходил в рамках всего Венского порядка XIX в., а не только периода 1870-1914 годов. Во-вторых, «первая глобализация» по масштабу не уступала, а по ряду аспектов превосходила современную. В-третьих, современная глобализация до сих пор не вышла на уровень «глобальных свобод» (включая экономические), характерных для позапрошлого столетия. В-четвертых, невозможность восстановить глобальные свободы XIX в. вызвана объективной причиной - продолжающимся усилением, а не ослаблением, национального государства.

Исследование

Научная глобализация

Советские фантасты мечтали о мире, где ученые могут спокойно работать в разных странах, не ведая войн, национальных границ и взаимодействуя друг с другом. Читатели Кира Булычева помнят рассуждения его героини Алисы Селезневой в конце XXI в., что на Земле принята конвенция о запрете войн и беспрепятственной работе ученых во всех странах. В романе И.А. Ефремова «Туманность Андромеды» в будущем наступает «Век союза стран, век разных языков, век борьбы за энергию, век общего языка». Современные теоретики глобализации воспроизводят эти мемы фантастики, провозглашая в будущем глобальный мир устойчивого развития. Между тем такой мир существовал на протяжении XIX века, который знал периоды «долгого мира» между великими державами.

Хорошим примером транснационализма может служить европейская наука. В 1831-1836 гг. молодой английский натуралист Чарльз Дарвин совершил кругосветное путешествие на корабле «Бигль». Немецкий историк Якоб Филипп Фальмерайер в 1831-1834 гг. совершил научную экспедицию в Египет и Грецию (кстати, в свите русского графа Остермана-Толстого). Английский физик Джеймс Клер Максвелл стал иностранным членом Американской академии искусств и наук, членом Американского философского общества, членом-корреспондентом Геттингенской академии наук, почетным членом Нью-Йоркской академии наук, членом Нидерландской королевской академии наук, иностранным членом-корреспондентом Венской академии наук, почетным доктором физики Падуанского университета. В творчестве русского химика Д.И. Менделеева выделялся так называемый «Гейдельбергский период» 1859-1861 гг., а в 1900 он участвовал в работе Всемирной выставки в Париже, входил в состав Международного жюри как его вице-президент и председатель группы химического производства.

Не менее наднациональной была в XIX в. математика. Немецкий математик Иоганн Карл Фридрих Гаусс был членом Лондонского королевского общества, иностранным членом Парижской и Шведской академий наук, иностранным членом-корреспондентом и иностранным почетным членом Петербургской академии наук. В 1842 г. по рекомендации Гаусса русский математик Н.И. Лобачевский был избран иностранным членом-корреспондентом Геттингенского

королевского общества. Русский математик М.В. Остроградский обучался в Сорбонне и Коллеж де Франс, где посещал лекции знаменитых французских ученых - Лапласа, Фурье, Ампера, Пуассона и Коши. Немецкий математик Бернхард Риман был членом Парижской академии наук и Лондонского королевского общества. А французский математик Жюль Анри Пуанкаре, возглавлявший с 1906 г. Парижскую академию наук, был членом более 30 академий мира, в том числе иностранным членом-корреспондентом Петербургской академии наук. Все это опровергает популярный в литературе о глобализации тезис о том, что транснациональные сетевые связи считаются достоянием современности.

Показательна и судьба кумира русской философии В.С.Соловьева. Еще в 1875 г. он отправился в командировку в Лондон (через Берлин) для работы в Британском музее «с целью изучения индийской, гностической и средневековой философии». Осенью 1875 г. он поехал в Египет через Францию и Италию, затем вернулся в Италию, жил в Сорренто, Неаполе и Париже, откуда направился в Москву. В 1886 и 1888 гг. В.Соловьев посетил Австро-Венгрию, Германию и Францию, а в 1888 г. выступил в Париже с известной лекцией «Русская идея» о возможном синтезе православия и католичества. Итогом жизни философа за границей стало пробуждение у русского общества массового интереса к европейскому Средневековью.

Еще больше идеалу глобалистов соответствует становление египтологии и антиковедения. Основателем научной египтологии стал Отто Фридрих фон Рихтер - русский ученый-ориенталист и путешественник, уроженец Дерпта (совр. Тарту). В 1815 г. он оказался на берегах Нила и посетил крупнейшие центры древнего Египта - Мемфис и Фивы, где собрал коллекцию древностей (часть ее хранится в Воронежском художественном музее им. И.Н.Крамского). Теоретики глобализации немало написали о кризисе национального государства. В наше время фон Рихтер едва ли получил бы право беспрепятственно посещать любые исторические места Египта, собирать там древности и беспрепятственно вывозить их в Россию.

Другой основатель египтологии - француз Жан-Франсуа Шампольон - в 1828-1829 гг. организовал франко-тосканскую экспедицию в Египет, участниками которой были археолог Шарль Ленорман, архитектор Антуан Бибен, художник Нестор л'От, а от Тосканы - профессор университета Пизы Ипполито Розеллини, его дядя, архитектор Гаэтано Розеллини, и художник Джузеппе Анджелелли. «Поездка в Египет в 1828-1829 годах позволила французскому ученому скопировать множество надписей, начертанных на древнеегипетских памятниках. В результате в его распоряжении оказался ценнейший материал для дальнейших исследований письма, которое применяли в древности египтяне», - пишет об этом В.А. Томсинов [19]. Поддержку экспедиции Шампольона оказывал египетский паша Мухаммед Али, для которого французский ученый написал «Краткую заметку по истории Египта». В наше время власти государства едва ли позволили бы иностранной экспедиции вывести столько исторических ценностей и поручили бы иностранному лингвисту написать историю их страны.

Отдельного внимания заслуживает судьба немецкого историка Генриха Карла Бругша - классика мировой египтологии. На заре научной карьеры он изучал египетские экспонаты в музеях Парижа, Лондона, Турина и Лейдена. В 1853 г. и 1857-1858 гг. Г.К.Бругш по поручению прусского правительства побывал в двух экспедициях в Египте, причем первую он организовал в сотрудничестве с французским египтологом Огюстом Мариеттом. В 1860 г. историк отправился с прусским посольством в Персию, а после смерти его начальника - барона Минутоли - заведовал делами посольства. В 1864-1868 гг. Г.К.Бругш был прусским консулом в Каире, а в 1870 г. принял предложение вице-короля Египта управлять основанной в Каире «Школой египтологии». В 1873 г. ученый был главным комиссаром Египта на всемирной выставке в Вене, получив звание бея. В 1876 г. он организовал египетский отдел на всемирной выставке в Филадельфии, за что получил звание египетского паши [23]. В наше время вряд ли иностранный дипломат получил бы столь видный пост в другой стране - это было бы воспринято как отказ от ее суверенитета.

Похожим образом сложилась судьба французского египтолога Огюста Мариетта. Будучи французским подданным, он в 1857 г. при поддержке египетского хедива Саид-паши открыл в каирском предместье Булак музей, ставший в дальнейшем Египетским музеем в Каире. Огюст Мариетт был назначен директором Управления по делам египетских древностей и главным инспектором всех раскопок, проводившихся на территории. В 1867 г. Мариетт был награжден орденом Почетного легиона, а в 1879 г. египетский хедив присвоил ему титул паши. В современном якобы глобализированном мире это было бы воспринято как жесткое ограничение египетского суверенитета.

Другой пример транснационализма XIX в. - немецкий предприниматель и археолог Генрих Шлиман. Родившись в Мекленбурге, он в 1847 г. принял русское подданство, а в 1869 г. - гражданство США. С 1871 по 1890 г. он проводил раскопки Трои в Османской империи. Параллельно Шлиман работал в Греции: в 1876 г. он открыл царские гробницы в Микенах, в 1880 и 1886 гг. раскапывал Орхомен, в 1884 г. - Тиринф (совместно с В.Дерпфельдом). Не станем спорить о научных открытиях Шлимана: для нашей темы важнее иное. В современном мире едва ли правительства Турции и Греции позволили бы так легко иностранному бизнесмену организовать раскопки на их территории и тем более вывести из страны найденные ценности. Представим, сколько бюрократических процедур и согласований пришлось бы пройти Шлиману, чтобы только получить разрешение на раскопки, какие суммы пришлось бы легально заплатить их властям. Все это так диссонирует с популярными в недавнем прошлом концепциями о «кризисе государства» в результате глобализации: современное государство намного сильнее государства 1870-х гг.

В 1871 г. состоялась немецкая археологическая экспедиция в Пергам (Османская империя) под руководством Эрнста Курциуса и Фридриха Адлера. В 1878 г. директор берлинского Музея скульптуры Александр Конце обеспечил

финансовую поддержку раскопок, а Карл Хуман получил официальное разрешение османской стороны. 9 сентября 1878 г. начались первые раскопки в Пергаме, длившиеся один год при участии архитектора Рихарда Бона. В ходе работ были обнаружены фрагменты знаменитого Пергамского алтаря. Находки, которые согласно договору с османской стороной переходили в собственность Германии, перевозились к побережью, перегружались на немецкие корабли и отправлялись в Берлин. В 1886 г. Пергамский алтарь был торжественно выставлен в Берлине. Интересно, что в нашем мире, где происходит якобы кризис национальных государств, Турция ставит перед Германией вопрос о возвращении Пергамского алтаря.

История науки опровергает традиционный взгляд на современную глобализацию как период появления и развития наднациональных связей. Перед нами возникает иная картина. Мир транснационального взаимодействия существовал в XIX веке, затем в XX в. он был свернут по мере усиления национальных государств. Современная глобализация стала только попыткой вернуть некоторые компоненты транснационализма XIX в., т.е. своеобразным «эхом», «отлетающей тенью» позапрошлого столетия. Эта «тень» упала, однако на непреодолимое препятствие: современное национальное государство слишком сильно для того, чтобы реставрировать транснационализм XIX в. в полном объеме.

Миграционная глобализация

Сторонники идеи об уникальности характера нашей глобализации часто используют свой любимый аргумент: транснациональность XIX в. затрагивала всего-навсего 2-5% населения любой страны. Такие представления далеки от истины: XIX в. был временем передвижения колоссального числа людей по миру. Целые страны были рождены иммиграцией в них европейцев, которая была вызвана как высоким уровнем рождаемости, так и стремлением получить условия для реализации личности. По данным Всемирного банка, около 10% мирового населения переехали в другие страны: 60 млн человек переместились из Европы в Северную Америку и другие части Нового Света. То же самое произошло в густонаселенных Китае и Индии, из которых люди выезжали в менее густонаселенные страны, такие как Шри-Ланка, Бирма, Таиланд, Филиппины и Вьетнам. И эти данные не учитывают масштабную миграцию внутри самой Европы и в европейские колонии.

Позапрошлый век практически не знал нашего разделения на легальную и нелегальную иммиграцию - желанным считался любой иммигрант. Особенно популярной была философия, согласно которой главное для страны - численность ее населения как потенциальных производителей и солдат. К этому добавлялся фактор огромных малозаселенных пространств: картографирование Земного шара было завершено во второй половине XIX в., а с учетом приполярных пространств - только в середине XX в.

² Глобализация. Материалы Всемирного банка. URL: <https://www.un.org/ru/youthink/globalization.shtml> (дата обращения: 05.11.2024).

Классической страной мигрантов стали США. Их миграционное законодательство с самого начала его существования не было простым, и тем не менее XIX в. стал веком стремительного роста иммиграции. По современным расчетам, в период с 1820 по 1930 г. в США прибыли 25 млн европейцев, из них 3,5 млн британцев, 4,5 млн ирландцев, 1,5 млн норвежцев и шведов, 5-6 млн немцев (вопрос о том, какой процент из них составляли немецкие евреи, включая крещеных, остается, правда, дискуссионным) [11]. Французскую эмиграцию рассчитать труднее, поскольку в США эмигрировала из Канады часть франко-канадской общины, а жители Луизианы во время присоединения к Соединенным Штатам получили американское гражданство. Тем не менее, по данным на 2020 г., около 9,4 млн жителей США заявили о своем французском или франко-канадском происхождении. В 1848 г. США предоставили гражданство примерно 60 тыс. мексиканских жителей территории Нью-Мексико и 10 тыс. человек, проживающим в Мексиканской Калифорнии. Остальные 15 млн составили прибывшие во второй половине XIX в. итальянцы, греки, венгры, поляки и другие славяне, евреи. При этом существовал и феномен реэмиграции: немалая часть итальянцев и франко-канадцев позднее вернулись из США на родину, накопив определенную сумму денег.

В конце XIX в. 84,9% иммигрантов в США были выходцами из Европы. Однако в Соединенные Штаты шла и неевропейская эмиграция - речь идет о китайской [6]. К началу 1870-х гг. численность китайского мужского населения Калифорнии достигла 58,6 тыс. чел. и составила 14% всей рабочей силы. Благодаря китайцам в сельском хозяйстве Калифорнии появились новые отрасли - садоводство и овощеводство. В 1880 г. около 70% сезонных сельскохозяйственных рабочих в Калифорнии составляли китайцы [16]. Позднее это привело к принятию серии законов об ограничении китайской иммиграции. С 1855 г. началась японская иммиграция, и к 1907 г. в США, по разным данным, находились от 30 до 127 тыс. японцев, причем часть из них находилась на сезонных работах. На рубеже XIX-XX вв. в Америку стали прибывать ливанские и сирийские эмигранты, многие из них селились в «Маленькой Сирии» Нью-Йорка, затем в Бостоне и Детройте.

Британская империя в XIX в. создала иммиграцией две новые страны - Австралию (Австралийский союз) и Новую Зеландию. Первая британская колония - Новый Южный Уэльс - была основана в Австралии в 1788 г. С тех пор Австралия стала местом ссылки каторжников из Великобритании. В 1825 г. британским правительством была принята программа заселения Австралии. В 1840-х гг. колониальные власти установили новые правила для ускорения иммиграции: установить высокие цены на землю и предоставлять деньги для субсидирования иммигрантов. Начавшаяся в 1851 г. австралийская золотая лихорадка привела к приезду в страну британских, ирландских, в меньшей степени французских, немецких и даже китайских поселенцев. Согласно реконструкции австралийского исследователя Чарльза Прайса [31], среднегодовое число иммигрантов

в 1831-1860 гг. составляло 18 268, а в 1861-1900 гг. - 10 087 человек. В 1901 г. разрозненные австралийские колонии объединились в доминион - Австралийский союз, введя ограничения на небелую иммиграцию.

Массовая иммиграция в Новую Зеландию началась только в 1840 г. Централизованное переселение, организованное британским правительством, привело к маорийским земельным войнам 1845-1872 гг. В результате отбора земли у маори к 1870 г. в Новой Зеландии проживало уже около 250 тыс. не маори. Подавляющее большинство составляли английские, шотландские и ирландские колонисты.

Данные по Канаде сохранились хуже, но и они позволяют сделать интересные выводы. Строительство Трансконтинентальной железной дороги привело к увеличению потока мигрантов из Китая. В 1885 г. правительство Канады приняло специальный акт, ограничивающий иммиграцию из Китая, - его положения действовали до начала 1960-х гг. С 1896 г. ежегодный приток иммигрантов увеличился с 16 835 человек в 1896 г. до 141 464 человек в 1905 г. Всего же за 17 лет до начала Первой мировой войны в Канаду переселилось около 3 млн иммигрантов.

Много или мало было прав у иммигрантов-колонистов? С политической точки зрения, наверное, меньше, чем у нас: для получения избирательных прав в XIX в. нужно было получить сложные цензы оседлости и недвижимости. С гражданской точки зрения - намного больше. Помимо свободного хранения и применения огнестрельного оружия (в рамках закона), у них было право свободно распоряжаться природными ресурсами: свободно охотиться, вырубать леса, распоряжаться водными ресурсами и строить по своему усмотрению жилые и хозяйственные постройки. В XIX в. американский фермер, например, обнаружив родник или ручей на своем участке, мог спокойно выкопать пруд, а в наши дни ему потребовалась бы непростая система бюрократических согласований, включая согласие экологических организаций (к слову сказать, право свободного хранения огнестрельного оружия и охоты в определенных лесах имели и русские крестьяне - вспомним известное с детства стихотворение Н.А. Некрасова про деда Мазая). У граждан этих стран не было и института прописки в нашем понимании: законодательство боролось с бродяжничеством, нищенством, но спокойно относилось к свободному переезду из города в город при возможности снять жилье, чем пользовались многие жители. Существовала и полулегальная иммиграция: возможность высадиться на пустынном берегу и создать там поселение, а дети со временем могли натурализоваться.

Еще один пример - немецкая иммиграция в Латинскую Америку. В 1824-1855 гг. при поддержке властей в Бразилии обосновались около 20 тыс. немецких колонистов. В середине XIX в. немецкие поселения возникли в Чили, Венесуэле и в Аргентине, а в конце века - в Парагвае. К первой половине XX в. в Латинской Америке проживало порядка 1,5-2 млн человек немецкого происхождения. В 1940 г. 80% латиноамериканских немцев проживали на территории трех стран - Бразилии (до 900 тыс.), Аргентины (250 тыс.) и Чили (85 тыс.).

Активная немецкая миграция шла в Россию двумя потоками. Первый: колонизация религиозными общинами (прежде всего, лютеранской или меннонитской), которая вела к сохранению немецкой культуры и идентичности в поселениях [32]. Второй: принятие немецкими подданными или их детьми православия с их последующей интеграцией в русское общество - в том числе за счет смешанных браков. Манифесты Екатерины II 1762 и 1763 гг. позволили направить первую волну колонистов из Рейнланда, Гессена и Пфальца в район Поволжья [8]. Указ Александра I от 1804 г. направил в Причерноморье и Кавказ поток колонистов из Швабии, Баварии, Мекленбурга, Эльзаса, Швейцарии, частично Западной Пруссии. Третья колонизационная волна немцев шла в середине XIX в. на Волынь и в Черноземье. В Империи сложились компактные очаги [7] проживания немцев: остзейские (балтийские) немцы, шведско-немецкая община Выборга и Санкт-Петербурга, волынские немцы, малороссийские немцы (городские немецкие общины в Киеве и Чернигове), южнорусские или черноморские немцы, бессарабские немцы, крымские немцы, кавказские немцы, воронежские немцы, донские немцы, поволжские немцы, сибирские немцы. На 1913 г. в Российской империи проживали около 2,5 млн немцев, причем в эту статистику не включены обрусевшие немцы и их потомки.

Следы масштабной немецкой иммиграции в Россию сохранились до сих пор. Например, в поселке Рамонь под Воронежем есть замок принцессы Ольденбургской, построенный в 1880-х гг. в средневековом стиле. В самом Воронеже существует построенная во второй половине XIX в. лютеранская кирха святой Марии Магдалины. В 1866-1868 гг. в городе было построено Лютеранское, или Немецкое, кладбище, за которым ухаживал известный садовод по фамилии Карлсон (этот факт заставляет задуматься о численности немецких диаспор в русских городах). В Воронеже находится и ботанический сад им Б.Келлера - русского и советского биолога, потомка обрусевших немцев. Аналогично в Крыму знаменитый Никитский ботанический сад был основан Христианом Христиановичем Стевеном - русским ботаником шведского происхождения.

Помимо немецкой, в Россию активно шла и французская иммиграция. Ее отзвук мы можем найти в стихотворении М.Лермонтова «На смерть поэта»: «На ловлю счастья и чинов // Зброшен к нам по воле рока». По данным современных исследователей³, только в 1789-1799 гг. в Россию бежали от Французской революции 10 тыс. роялистов. Другая часть французов осталась в России после Отечественной войны 1812 г. (в одном Саратове проживали 3 509 солдат, 170 обер-офицеров, два генерала), а третья волна была связана с развитием русской промышленности во второй половине XIX века (вспомним семью Гишар из романа Б.Пастернака «Доктор Живаго»). «В Москве после сооружения храма Святого Людовика на Малой Лубянке французы стали обживать соседний Милютинский

³ Из истории французской диаспоры в России (XVIII-XX вв.). Евразия сегодня. URL: <https://eurasia.today/actual/iz-istorii-frantsuzskoy-diaspory-v-rossii-xviii-xx-vv-/> (дата обращения: 05.11.2024).

переулок. В центре города, напротив Художественного театра, в Камергерском переулке находилась гостиница Шевалье. Большой популярностью в Москве пользовались французский ресторан Донона и винный магазин Лева в Столешниковом переулке». Фамилии Савинье, Пашу, Вердые, Леже, Анжу были не такой уж редкостью даже в провинциальных городах Российской империи. Исследователи оценивают численность французской диаспоры в России в 50-100 тыс. человек, но эти данные приблизительны из-за быстрой русификации значительной части французов: достаточно вспомнить, например, имена композитора Ц. Кюи, полярника П. Анжу или дипломата А. Жомини.

В Россию шли другие иммиграционные волны, не поддающиеся статистическому учету. На севере не редким явлением была шведская иммиграция: часть фамилий русских военных и ученых, которых в массовой культуре привыкли считать немецкими, на самом деле были шведскими. На юге в Россию шла сербская и греческая иммиграции, что привело к появлению крупных общин понтийских греков. Например, советская писательница Валентина Осеева происходила из греческого рода Венераки, а династии Милорадовичей или Депрерадовичей в Российской империи были этническими сербами. В русских городах жили польские диаспоры, и для русского дворянина или интеллигента считалось почетно иметь польских предков. На Дальнем Востоке маньчжуры, по соглашениям России с империей Цин, пользовались экстерриториальной юрисдикцией. Мы спорим о том, подорвет ли мультикультурализм нашу национальную идентичность, забывая при этом, насколько мультикультурной была Российская империя.

Эти данные не просто показывают нам масштабы миграционных передвижений XIX в. В научной литературе стало банальностью писать о возникновении мультикультурного общества, но общества XIX в. были не менее мультикультурными, чем в наши дни. Социологи отмечают, что огромное количество людей не может назвать имен своих предков в XIX в., так что, возможно, многие из нас стали продуктом настоящего мультикультурализма.

Финансовая глобализация

Поэт А.А. Блок не случайно назвал XIX столетие «век акций, рент и облигаций». Мировая финансовая система стала создаваться сразу после окончания Наполеоновских войн [21]. В 1816 г. Британский банк ввел золотое обеспечение фунта стерлингов, в 1821 г. был установлен принцип свободного обмена (конвертации) фунта в золото. С тех пор британский фунт превратился в мировое расчетное средство - курсы остальных валют соотносились с курсом британского фунта, а соответственно, и с ценами на золото. Постепенно все ведущие страны переходили на золотой стандарт: США (1837), Германия, (1875), Франция (1878), Россия (1897).

Мировую валютную систему оформили Парижские соглашения 1867 г. В основу мировой расчетной системы был положен принцип монометаллизма в форме золотомонетного стандарта. Соответственно, каждая валюта должна была получить золотое содержание, что позволяло устанавливать их золотые паритеты.

Эмиссия кредитных денег осуществлялась с учетом объема золотого запаса конкретной страны. Если государство не имело золотого обеспечения национальной валюты, его финансовые операции осуществлялись на мировом рынке через ту валюту, к курсу которой привязывалась его финансовая система. На международном рынке валюты свободно конвертировались в золото: с этой целью Парижские соглашения установили принцип свободного перетока золота из страны в страну. Национальные валюты, выходя на мировой рынок, принимались или по золотому эквиваленту (бумажные деньги), или по весу и стоимости металла (металлические деньги).

Пополнять мировую финансовую систему могло открытие новых месторождений золота и увеличение его добычи. Это приводило к феномену «золотых лихорадок» - неорганизованных массовых добыч золота на новооткрытых месторождениях. Наиболее известными стали сибирская (1828), калифорнийская (1849), австралийская (1851), южноафриканская (1886), клондайкская (1896) и аляскинская (1898). И все же страны - участницы Парижской системы были поставлены в неравные условия. Страны, имевшие крупные залежи золота (Британская империя, США), чувствовали себя уверенно, регулярно пополняя золотые запасы; другие страны (Австро-Венгрия, Германия, Россия, Япония) использовали механизм финансовых заимствований на мировом рынке для поддержания золотого обеспечения своих валют. Промежуточную роль играла Франция, которая не имела крупных запасов золота, но стала центром регулирования финансовых потоков.

Глобальную роль этой системе придавали биржи. Антверпенская биржа существовала еще в XVI в., Амстердамская с 1602 г., Берлинская с 1685 г., в XVIII в. появились Парижская, Санкт-Петербургская, Лондонская, Венская и Нью-Йоркская, в XIX в. - Шанхайская, Гонконгская и Токийская биржи. В 1910 г. общая сумма ценных бумаг составляла приблизительно 600 - 815 миллиардов франков [15].

Аналогом Интернета в XIX в. выступал телеграф. В 1809 г. мюнхенским академиком Самуэлем Томасом Зёммерингом был изобретен первый телеграф, работа которого была основана на химических действиях тока, что ускорило передачу информации. Уже в первой половине XIX в. Европа стала покрываться телеграфными линиями, а в 1858 г. началось строительство трансатлантического телеграфа. В 1843 г. шотландский часовщик Александр Бейн создал прообраз факсов, способных на большие расстояния передавать копии не только текста, но и изображений - пусть и в недостаточно высоком качестве, но эту проблему в 1855 г. частично решил Джованни Казелли. Мы забыли, что в Первую мировую войну международные телеграфные линии были перерублены, что повлекло за собой быстрое развитие радио. Но в XIX в. телеграф позволял быстро передавать новости - информация на биржи Лондона, Нью-Йорка, Парижа, Вены и Санкт-Петербурга доходила оперативно.

В романе А. Дюма «Граф Монте Кристо» описан интересный эпизод. Граф, желая разорить своего врага Данглара, подкупает телеграфиста, чтобы тот передал

фальшивую новость - «Дон Карлос вернулся в Испанию». Биржа среагировала на нее, и банк Данглара понес убытки. Оказывается, это были не фантазии Дюма, а реалии того времени. Биржи быстро обменивались информацией посредством телеграфа, что влекло за собой подъемы и спады акций на различных биржах. Первым международным финансовым кризисом исследователи считают события 1825-1826 годов [2]. Отделение Латинской Америки от испанской и португальской короны привело к притоку капитала из Великобритании для финансирования разработки золотых и серебряных рудников и государственного долга новых государств. Растущий торговый дисбаланс и исчерпание золотых резервов Британского банка вынудили его увеличить учетную ставку. Крах лондонского фондового рынка в октябре 1825 г. спровоцировал декабрьскую банковскую панику, которая вскоре распространилась на Европейский континент. Кризис распространился на Латинскую Америку, так как заморские кредиты не были пролонгированы, а сокращение инвестиций и экспорта уменьшило доходы бюджетов и вызвало дефолты по государственным долгам. Массовые банкротства были зафиксированы в это же время в США, Латинской Америке и Франции.

Карл Маркс описывал в «Капитале» мировые финансовые кризисы 1857 и 1863 гг. Первый начался в США из-за банкротства серии строительных и железнодорожных компаний и перебрался на Великобританию, а затем - на остальную Европу. По итогам кризиса потребление чугуна в мире сократилось в среднем на 14-18%, хлопчатобумажных изделий - на 13-15%. Второй был вызван Гражданской войной в США и сокращением поставок американского хлопка в Европу. Его прямым последствием стала Парагвайская война (1864-1870), в которой Великобритания руками Бразилии стремилась добраться до парагвайского хлопка. Крупные инвестиции от Великобритании и Франции получил Египет, надеясь, что его хлопок станет альтернативой американскому.

В 1894 г. Ф. Энгельс издал из черновики Маркса третий том «Капитала» - «Процесс капиталистического производства, взятый в целом». В нем выделяются семь главных сюжетов: превращение прибавочной стоимости в прибыль, превращение прибыли в среднюю прибыль, тенденция прибыли к падению, превращение товарного и денежного капитала в торговый капитал, деление прибыли на капитал, приносящий процент, превращение прибавочной стоимости в земельную ренту и доход. Однако Маркс не касался проблем государственного ограничения на движения капитала. Основоположник научного коммунизма не выводит формул, как вмешательство государственной бюрократии может помешать превращению прибавочной стоимости в прибыль, как подъем налогов может препятствовать превращению прибыли в среднюю прибыль, как антимонопольное законодательство может изменить деление прибыли на капитал, приносящий процент. (Превращение прибыли в среднюю прибыль в наши дни может быть легко прервано решением суда раздробить слишком мощную компанию, близкую к монополии). Маркс не рассматривает и проблему того, как внешнеэкономические ограничения могут помешать финансистам воспользоваться

каким-то фондовым рынком. «Капитал» Маркса был написан под условия слабого государства, что давало предпринимателям намного больше свободы, чем мы можем представить в наше время.

«Долгая депрессия» 1873-1896 гг. демонстрирует нам масштаб «глобализации по Марксу». Предпосылкой к ней стало спонсируемое Великобританией развитие кредитного рынка Латинской Америки и неспособность южноамериканских стран покрыть кредиты. Все началось с краха на Венской бирже (она так и не оправилась от этой катастрофы), вызвав крах на биржах Цюриха, Амстердама, а затем и Нью-Йорка. Немецкие банки отказали в пролонгации кредитов, выданных американским заемщикам. О своем банкротстве был вынужден объявить, например, Джей Кук - президент Объединенной Тихоокеанской железной дороги. Все это привело к спаду производства до 1878 г. и стагнации до середины 1890-х гг. в большинстве стран мира.

Отечественный экономист А. Паршев приводил⁴, например, следующие статистические данные о России со ссылкой на В. Андрианова: «...начиная с 1895 г. в России ежегодно учреждалось более десятка иностранных промышленных предприятий, чему способствовали высокая норма прибыли, гарантированные заказы из государственного казначейства, льготные таможенные пошлины. Кроме того, введенная в России золотая валюта обеспечивала устойчивость курса рубля. В 1900 г. общий объем иностранных инвестиций в экономику России оценивался в 750 млн руб... Для кредитования российской экономики на Западе образовывались банковские консорциумы. Одним из условий предоставления кредитов было участие иностранного банка в акционерном капитале коммерческих банков и промышленных предприятий. В результате к началу промышленного подъема (1910-1913 гг.) в России не было ни одного крупного коммерческого банка (за исключением Волжско-Камского), в котором в той или иной форме не были представлены интересы европейского иностранного капитала...». Перетоки финансов между разными странами в конце XIX в. шли с большей интенсивностью, чем в наши дни, поскольку не было современных национальных ограничений на эту деятельность.

Насколько массовой была эта глобализация? Точную статистику по XIX в. найти сложно. Однако в литературе мы постоянно сталкиваемся с интересным явлением: герои произведений массово играют на биржах - самостоятельно или через биржевого агента. Последний был частым гостем в любом сколько-нибудь обеспеченном частном доме, нередко завтракая вместе с семьей клиента. Биржа была такой же частью повседневной жизни, как в наши дни оплата услуг через Интернет. У этого явления есть интересное объяснение: биржевой рынок XIX в. еще не был монополизирован, и выход на него отдельных частных лиц был

⁴ Почему Россия не Америка. Библиотека Максима Мошкова. URL: https://lib.ru/POLITOLOG/PARSHEW/parshew.txt_with-big-pictures.html (дата обращения: 05.11.2024).

нормой. В этом смысле глобализация XIX в. в самом деле приходила во многие дома городского среднего класса разных стран, делая их зависимыми и от финансового рынка в Латинской Америки, и от военных действий в Новой Зеландии.

Торговая глобализация

«Первая глобализация» охватывала не только финансовую сферу. В мировой торговле на протяжении XIX в. преобладало фритредерство (от англ. free trade - свободная торговля) - свободная конкуренция товаров разных стран. Великобритания и Франция, как промышленные лидеры мира, стремились придать ей всемирный характер. Они с помощью войн навязывали режим свободной торговли Аргентине (1843-1852), Китаю (1840-1860), через неравноправные соглашения - Японии (1858). Но и между развитыми странами действовал во многом такой же режим: в 1860 г. Великобритания и Франция заключили соглашение о свободной торговле, что постепенно распространяло эту систему на европейские страны⁵. Россия, впрочем, перешла к системе свободной торговли еще в 1857 году, хотя этот переход не был абсолютным: в ряде отраслей сохранялись таможенные тарифы.

По данным Всемирного банка, за период 1870-1914 гг. доля экспорта в объеме мировых доходов удвоилась и составила 8%. За период с 1815 по 1914 г. объемы совокупного экспорта стран Европы выросли приблизительно в 40 раз. На протяжении XIX в. торговые обороты стабильно росли на 3% ежегодно. Такой рост позволил экспорту вырасти с доли в 6% от ВВП в начале XIX века до 14% на момент начала Первой мировой войны⁶. «Житель Лондона мог заказать по телефону товары из любой точки мира, попивая чай в постели, и ожидать их доставки прямо до двери», - писал экономист Джон Мейнард Кейнс⁷ (что опровергает миф о невероятной роли интернет-торговли в современном мире). Однако эти расчеты, вероятно, занижены: они не учитывают политику крупных компаний, продававших товары, не включенные в официальную статистику.

Для понимания масштабов свободной торговли в XIX в. важны свидетельства французского социолога Гюстава Лебона в «Психологии социализма» (1906), который описывал, как немецкий торговый дом доставил ему буквально домой в Париж фотографические пластины: «Совсем другие приемы в немецкой промышленности. Спустя немного времени после предшествующих неудач, мне понадобился в небольшом количестве прокатанный кобальт, металл не особенно редкий. Я написал первостепенным парижским домам по части химических продуктов. Ввиду незначительности заказа они не потрудились даже ответить. Только один из них уведомил меня, что он, может быть, доставит мне требуемый

⁵ World Economic Outlook. IMF. URL: <https://www.imf.org/external/pubs/weomay/weocon.htm> (дата обращения: 05.11.2024).

⁶ Trade and Globalization. Our World in Data. URL: <https://ourworldindata.org/trade-and-globalization> (дата обращения: 06.11.2024).

⁷ Global Man, Circa 1913. The Globalist. URL: <https://www.theglobalist.com/global-man-circa-1913/> (дата обращения: 06.11.2024).

предмет через несколько недель. Прождав три месяца и безотлагательно нуждаясь в этом металле, я обратился к одному из торговых домов Берлина. Несмотря на то что в этот раз дело шло о заказе лишь в несколько франков, я получил ответ с обратной почтой, и пластинка металла указанных мною размеров была доставлена через неделю» [14].

Попробуем оценить этот пассаж Лебона с точки зрения теории глобализации. Уже на исходе XIX в. любой француз мог написать в Берлин и заказать мелкий товар, несмотря на предельно враждебные отношения двух государств. Почтовые коммуникации и денежный перевод позволяли немецкому торговому дому переслать эти товары во Францию. Наконец, во Франции существовали постоянные немецкие торговые представительства, которые взаимодействовали с клиентами. Наша транснациональная торговля через Интернет только технически улучшает существовавшую в прошлом систему (да и то, в отличие от XIX в. наш современник должен думать о прохождении товара определенного объема, веса и марки через таможеню). Скорость доставки фотографических пластинок месье Лебону не сильно отличалась от скорости доставки книг нашему современнику через систему «Амазон». «Опасность со стороны Германии, - пишет в свою очередь Швоб, - это верно, но мы говорим также - опасность со стороны Англии, Австралии, Америки и даже России, и даже Китая», - писал об этом сам Лебон [14], описывая конкуренцию иностранных товаров на внутреннем французском рынке.

Сведения Лебона подтверждают и материал по отечественной истории. В России остатки того времени мы можем увидеть в центре Санкт-Петербурга в виде зданий стиля модерн, принадлежавших некогда немецкому, британскому или даже французскому торговому дому. Например, дом американской компании «Зингер», построенный в 1902-1904 гг. по проекту архитектора Павла Сюзора, ставший с 1938 г. «Домом книги». «Везде танцклассы, вывески менял, а рядом: «Henriette», «Basile», «Andre», - описывала А.Ахматова Санкт-Петербург 1870-х годов. Позднее Ахматова в «Поэме без героя» специально указала: «Угол Марсова поля. Дом, построенный в начале XIX века братьями Адамини». После этих строк странно читать пассажи о том, что современная глобализация сделала вывески на английском языке неотъемлемой частью любого мегаполиса: люди позапрошлого века даже не придавали значения вывескам на иностранном языке. Эти вывески никого не удивляли, как и наличие у части населения страны (причем не только у дворянства) русско-французского билингвизма.

Исследователь В.Сартар⁸ приводит пример деятельности в России двух наднациональных монополий. Немецкие предприниматели Герман Энгельбрехт и Георг Вильгельм Шредеры в первой половине XIX в. входили в число 50 крупнейших экспортных коммерсантов Российской империи. Сеть отделений фирмы Шредеров включала в себя Лондон, Ливерпуль, Амстердам, Триест, Бремен,

⁸ Международные фирмы в Российской империи, 1800—1917 гг. История государства. URL: <https://statehistory.ru/5990/Mezhdunarodnye-firmy-v-Rossiyskoy-imperii--1800-1917-gg/> (дата обращения: 06.11.2024).

Гамбург, Ригу и Петербург, а также города Нового Света: Агуадиллу в Карибском бассейне, Нью-Йорк, Новый Орлеан, Лиму, Рио-де-Жанейро и Батавию. Другой пример - фирма «Э.Г. Брандт и К°». В 1830 г. она совместно с торговыми домами Штиглицев и Е.Губбарда контролировала 25% российского внешнеторгового оборота. В 1869 г. фирма Брандта выступила как соучредитель Петербургского Международного коммерческого банка.

Торговые потоки имели и обратную направленность. «Первоначально российский керосин (как и прочие нефтепродукты) в основном экспортировался в европейские страны, главным образом в Англию, Австрию, Голландию, Турцию и Италию. Позже отечественные нефтепродукты стали проникать и в страны Дальнего Востока: Индию, Индокитай, Китай, Японию. В 1890 г. 70% русского керосина экспортировалось в Европу, но уже 3-4 года спустя больше половины его отправлялось в восточные страны. Керосин в ящиках из Батума доставлялся на парусных и паровых судах, а наливной - исключительно на паровых. Свыше 95% вывозимого керосина из Батума доставлялось английскими пароходами, которые фрахтовались в Лондоне», - пишет А.Манько⁹. Транснациональная торговля процветала, как видим, задолго до создания «Семи сестер» и ОПЕК.

У Лебона мы также узнаем, что современная проблема - утечка производства на Восток и превращение Азиатско-Тихоокеанского региона в «мастерскую мира» - волновала умы европейцев уже в конце XIX века. «Народы Востока стали производить один за другим все европейские продукты и всегда при условиях такой дешевизны, что всякая борьба с ними становится невозможной. В Японии существуют теперь часовое, фаянсовое, бумажное, парфюмерное производства и даже производство так называемых «парижских товаров». Таким образом, европейские продукты все более и более вытесняются с рынков Востока», - писал он где-то в 1900 году. Еще большие тревоги у Лебона вызвал экономический подъем Китая в недалеком будущем. «Китай еще не вступил в промышленное движение, но близок момент, когда он устремится в него. Можно тогда предвидеть, что со своим бесчисленным населением, при отсутствии потребностей и при огромных запасах угля, он через несколько лет будет первым коммерческим центром мира, регулятором рынков, а пекинская биржа будет устанавливать цены на все товары остального мира. Для оценки могущества этой конкуренции может служить тот факт, что американцы, признав себя неспособными бороться с нею, не нашли другого средства, как воспретить китайцам доступ на их территорию. Недалек час, когда европейский купеческий корабль будет редкостью в морях Востока» [14]. Эти наблюдения доказывают, что многие проблемы «глобального мира», которые мы привыкли считать современными, существовали и широко обсуждались еще в самом конце XIX века.

⁹ Из истории экспорта нефтепродуктов. Нефтяное хозяйство. URL: https://oil-industry.net/history/istoriya-otrasli-v-publikatsiyakh-zhurnala.php?ELEMENT_ID=179455 (дата обращения: 06.11.2024).

Фритредерство уже во второй половине XIX в. создало глобальную торговую систему. «Важными регионами, где открывались отделения международных торговых фирм, являлись США, прежде всего благодаря хлопковым и табачным плантациям, а также Куба и острова Карибского бассейна, где выращивался сахарный тростник. Спрос на сахар-сырец был высок и в России. Из Южной Америки импортировали естественные красители для тканей, каучук, зерно, хлопок и кофе, из Африки выводили кофе, из Азии - чай, табак и предметы роскоши. В России международных коммерсантов интересовали зерно, лен и пенька, меха и металлы. Этими поставками, связанными с внешнеэкономическими сделками, занималось множество торговцев в России. Гамбург являлся своеобразным посредником в торговле с Англией и другими странами, в том числе с Россией. Многие гамбургские купцы, торговавшие с царской Россией, в первой половине XIX в. стремились открыть новые рынки на Карибах и в Южной Америке»¹⁰. Для нашей темы важно, что глобальный переток товаров существовал задолго до современной глобализации, причем законодательство национальных государств налагало на него в XIX в. меньше ограничений, чем в наше время.

Однако и антипод фритредерства - протекционизм - закрывал рынок для определенных товаров, но поощрял ввоз капитала. В первой половине XIX в. британцы инвестировали в промышленность США и Германских государств. Во второй половине XIX в. окрепшие немецкие, британские и американские компании охотно вкладывали инвестиции в русскую, австрийскую и японскую промышленность. В. Ленин под влиянием британского экономиста Т. Гоббса в начале XX в. говорил о приоритете вывоза капитала над вывозом товаров. Классическая «деиндустриализация» - вынос производства в другие страны - шла в начале XX в. в Великобритании и Франции. Этот процесс задержали только мировые войны, требовавшие мощной военной промышленности, но начался он отнюдь не в 1970-х годах.

Соединенные Штаты Америки получали 15,5% от общего мирового экспорта капитала, причем этот процент превышал долю таких регионов, как Азия и Африка, в которые инвестиции шли постоянно, и был немногим ниже суммы инвестиций, направлявшихся в Латинскую Америку. В начале XX в. Великобритании принадлежало 60% от общего экспорта капитала в Соединенных Штатах, Германии - 18,4%, Нидерландам - 9,5% Франции - 4% [9]. Для нашей темы важны не абсолютные цифры (объем ввозимого в США капитала), но сам факт существования глобальных перетоков капитала. *Финансовые рынки и системы межбанковского перевода технически уступали современным, но юридически они имели гораздо больше свобод для переброски финансов в другие страны.*

¹⁰ Международные фирмы в Российской империи, 1800—1917 гг. История государства. URL: <https://statehistory.ru/5990/Mezhdunarodnye-firmy-v-Rossiyskoy-imperii--1800-1917-gg/> (дата обращения: 06.11.2024).

Ленин в работе «Империализм как высшая стадия капитализма» (1916) также привел интересные данные о перетоке капитала в протекционистской системе: «Самая обычная вещь: условием займа ставится расходование части его на покупку продуктов кредитующей страны, особенно на предметы вооружения, на суда и т.д. Франция в течение двух последних десятилетий (1890-1910) очень часто прибегала к этому средству. Вывоз капитала за границу становится средством поощрения вывоза товаров за границу. Сделки между особенно крупными предприятиями бывают при этом таковы, что они стоят - как выразился «мягко» Шильдер - «на границе подкупа». Крупн в Германии, Шнейдер во Франции, Армстронг в Англии - образцы таких фирм, тесно связанных с гигантскими банками и с правительством, которые не легко «обойти» при заключении займа» [15]. Политика взаимодействия государств и транснациональных корпораций для получения контроля над определенными рынками - не особенность нашего времени, а, скорее, попытка возрождения практики, существовавшей до Первой мировой войны.

На многочисленных форумах и конференциях можно часто услышать дежурные фразы, что современный уровень глобализации ведет к уже необратимым системным изменениям. События XIX века не подтверждают этих прогнозов. Монополии XIX века имели едва ли не больше влияния, чем их последователи в наше время. Национальное законодательство еще не было столь развитым, чтобы ограничить их торговую и финансовую активность, а колониализм открывал перед ТНК немыслимые в наши дни возможности.

Глобализация негосударственных субъектов

Но, может быть, XIX в. не знал так называемых новых или негосударственных акторов, якобы созданных современной глобализацией? И здесь ответ «нет» - прекрасно знал. Эти организации были весьма сильны и могли отлично конкурировать с государствами.

Европейские державы зачастую вели колониальную экспансию не напрямую, а через предоставление патентов определенным компаниям. Британская и Голландская Ост-Индские компании существовали еще с XVII века, владея определенными территориями, по размеру даже превышающими монополии. До 1858 г. британская Индия принадлежала, например, не Британской короне, а британской Ост-Индской компании. Последняя ведала сбором налогов в ряде индийских образований, имела в своем распоряжении вооруженные силы, включая флот. Для освоения Южной Африки британское правительство использовало ту же схему выдачи лицензий частным компаниям на право ведения собственной политики. Ключевыми из них стали Нигерская компания (1886), Британская Восточно-Африканская компания (1888) и Британская Южно-Африканская компания (1889). Именно в эти годы британский предприниматель Сесиль Родс создал алмазную компанию «De Beers», которая к моменту его смерти контролировала 90% мирового алмазного рынка [24]. И это не было особенностью

Великобритании: аналогично в 1876 г. бельгийский король Леопольд II санкционировал создание Международной ассоциации Конго. Фактически это была не колония, а коммерческое предприятие, занимавшееся заготовкой древесины и поиском полезных ископаемых.

Современный «наднациональный» Интернет тоже имел свой аналог. В 1865 г. был Международный телеграфный союз - международная организация, в рамках которой правительствами и частным сектором координировались глобальные сети и услуги электросвязи. Позже она стала Международным союзом электросвязи и получила статус Специализированного агентства ООН, что, кстати, сократило ее полномочия. В 1863 г. появился Международный красный крест, имевший широкие полномочия по участию в военных действиях. Глобализировалось и международное левое движение. В 1864-1876 гг. действовал Первый интернационал (официальное Международное товарищество рабочих, МТР), объединявший ячейки из 13 европейских стран и США. В 1889 г. ему на смену пришел II Интернационал, в 1900 г. было учреждено Международное социалистическое бюро, находившееся в Брюсселе. Поскольку социалисты все сильнее укреплялись в парламентах и правительствах всех стран (после 1905 г. - и в России), то возникал весьма могущественный наднациональный центр управления социалистами.

В XIX в. возник целый слой людей, которые вели наднациональный образ жизни - в основном это были революционеры, жившие в разных странах мира. Не только К. Маркс и Ф. Энгельс, но и русские А. Герцен и Н. Огарев, французы П.Ж. Прудон и О. Бланки, немцы В. Либкнехт и Ф. Лассаль, итальянцы Дж. Мадзини и Дж.Гарибальди подолгу жили в эмиграции (даже юный Луи Бонапарт, будущий император Наполеон III, жил в эмиграции в Великобритании, бежав из заключения во Франции). Глобализировалось и радикальное направление революционеров - терроризм. Итальянские и польские террористы, русские народо-вольцы и эсеры наводили не меньший страх на простых граждан, чем сегодня «исламские экстремисты». Это, кстати, доказывает, насколько развитой была система банковского кредита и денежных переводов.

Двадцать лет назад было модно говорить о борьбе транснациональных корпораций поверх национальных государств. Читатели с удивлением обнаружат, что то же самое писал В.Ленин в книге «Империализм как высшая стадия капитализма». Целая глава получила название «Раздел мира между союзами капиталистов» - в ней была описана борьба между американской «Всеобщей электрической компанией» и германской «Всеобщей компанией электричества». «И вот в 1907 году между американским и германским трестом заключен договор о разделе мира. Конкуренция устраняется. «Вс. эл. Ко» (Г. Е. С.) «получает» Соединенные Штаты и Канаду; «Вс. об-ву эл.» (А. Е. Г.) «достается» Германия, Австрия, Россия, Голландия, Дания, Швейцария, Турция, Балканы. Особые - разумеется, тайные - договоры заключены относительно «обществ-дочерей», проникающих в новые отрасли промышленности и в «новые», формально еще не поделенные,

страны. Установлен взаимный обмен изобретениями и опытами», - писал автор [15]. В наши дни эти строки вызвали бы настоящий информационный бум и волну журналистских расследований, но в 1916 г. их заметил узкий слой читателей Ленина.

Это не были частные наблюдения Ленина. Национальные государства уже в начале XX в. были обеспокоены превращением корпораций в подобие феодалов, неподконтрольных государственной власти. В 1880-х гг. среди отраслей, которые в Конгрессе считались монополизированными, были производство нефти, сахара, рельсов, свинца, цинка, джута, угля и хлопкового масла. Во всех перечисленных отраслях, о которых доступны соответствующие данные, производство между 1880 и 1890 гг. росло быстрее, чем американское производство в целом. Тресты обеспечивали рост производства и снижение цен, однако они были опасны для государств.

Классический пример - американской нефтяной компании “Standard Oil” (“Standard Oil Company and Trust”) [26]. Она была основана в 1870 г. американским предпринимателем Джоном Рокфеллером (1839-1937) на базе компании «Рокфеллер, Андрюс и Флаглер». К 1880 г. компания перерабатывала 95% нефти, добываемой в США. В 1882 г. ее создатель Дж.Рокфеллер организовал “Standard Oil Trust” - группу из 40 компаний индустрии (трест), что давало ему возможность контролировать всю отрасль переработки нефти. Однако в 1890 г. Конгресс принял «Закон Шермана»: антимонопольный закон, провозгласивший преступлением препятствование свободе торговли созданием треста (монополии) и вступление в сговор с такой целью. После судебного процесса с правительством США Федеральный суд в 1909 г. постановил ликвидировать “Standard Oil”. В 1911 г. компания разделилась на несколько самостоятельных фирм: бывшая холдинговая компания “Standard Oil of New Jersey” (48% активов), “Standard Oil of New York” (9% активов, преобразована в “Mobil”). “Standard Oil of California” (затем “Chevron”), “Standard Oil of Ohio” (позднее “Sohio”), “Standard Oil of Indiana” (позднее “Amoco”), “Continental Oil” (позднее “Conoco”).

В противовес «Стандарт ойл» в 1996 г. в Бремене был создан «Европейский Нефтяной союз» при активном участии российских нефтепромышленников¹¹. Он включал в себя нефтяные предприятия Нобелей, Ротшильдов и Немецкого банка (в Румынии и на Кавказе). Но в 1918 г. предприятия и собственность братьев Нобелей были национализированы. Впоследствии они стали основой для нефтедобывающей и нефтеперерабатывающей промышленности СССР.

Современные теоретики глобализации писали о том, что мир транснациональных корпораций идет на смену миру национальных государств. В действительности уже в начале XX в. антимонопольное законодательство резко сократило

¹¹ За кулисами Нобелевской монополии. Либмонстр. URL: <https://libmonster.ru/m/articles/view/3A-КУЛИСАМИ-НОБЕЛЕВСКОЙ-МОНОПОЛИИ?ysclid=m309pap0ef571934522> (дата обращения: 06.11.2024).

права ТНК. Мы продолжаем жить в мире национальных государств, а не наднациональных систем, как в Средневековье. Это позволяет нам по-новому посмотреть и на современную глобализацию. Тезис британского исследователя Ст.Кинга [28] о том, что она заканчивается, можно трактовать иначе: глобализация пока так и не восстановила полноценную глобализацию XIX века, а ее окончание - это осознание политическими элитами невозможности реставрировать прошлое.

Возвратима ли «первая глобализация»?

Здесь, пожалуй, мы подошли к ключевой проблеме: можно ли вернуть глобальные свободы XIX в. в условиях якобы глобализирующегося мира? Если говорить коротко, то нет (примечательно, что даже самые последовательные «глобалисты» вроде пресловутого Джорджа Сороса отнюдь не обещают нам возвращения социально-экономических свобод позапрошлого столетия). Причина этого связана с усилением, а не ослаблением и не размыванием института национального государства.

Во-первых, за минувшие сто лет резко расширилась национальная бюрократия. Государства, как показал еще немецкий социолог Макс Вебер, бюрократизировали все сферы общественной и экономической жизни. Сегодня на совершение какого-либо действия нам потребуется взять некий документ, дающий на него разрешение. Получение такого документа (в широком смысле слова) потребует согласования и прохождения по целой серии бюрократических ступеней с неясным результатом. Иначе говоря, прав совершить что-то без бюрократических разрешений у современного человека мало, и здесь нет большой разницы между, например, Россией, США и КНР.

Во-вторых, в современном мире изменилась концепция юриспруденции.

Правосудие XIX в. носило карательный характер: наказано будет только то лицо, чья виновность доказана. Другое дело, что жестокость наказаний, применяемых к виновным, зачастую поражает наших современников. Правосудие XXI в., наряду с карательным, приобрело более превентивный характер: государственные органы предпринимают меры, чтобы лицо не могло совершить преступление - например, через контроль над источником его доходов. Такой подход предполагает сокращение глобальных гражданских свобод, которые казались невыблемыми в позапрошлом веке.

В-третьих, в XX в. абсолютное большинство государств стали не либеральными, а социальными. В основе либерализма позапрошлого столетия лежал принцип: «Не смейте считать деньги в чужом кармане». Сегодня государства, создав бюджетно-налоговые механизмы перераспределения доходов, прекрасно считают и контролируют наши деньги (в современном мире, например, почти каждому следует отчитаться об источнике доходов - норма, немыслимая для европейских обществ XIX века). Это само по себе делает невозможными те глобальные свободы, какие были у людей позапрошлого века: хотя бы потому, что, меняя место жительства, нам следует согласовать налоговые проблемы и предоставить длинный список документов о собственных доходах, а часто и своей семье.

В-четвертых, современные технические системы контроля на основе искусственного интеллекта дают национальным государствам полномочия, какие казались невозможными в позапрошлом веке. Социологи давно указали, что в современном мире практически невозможно быстро сменить имя, фамилию и придумать себе новую биографию. В XIX и даже в первой половине XX века это было теоретически возможно с переездом в иную страну, иной город или при смене документов. В современном мире человек «просвечен» в электронных базах данных буквально с рождения и появление нового имени потребует создания просто немыслимого количества электронных документов - причем в базах, контроля над которыми нет даже у служащих соответствующих учреждений. Тем, кто говорит о кризисе или упадке национального государства, следовало бы задать себе простой вопрос: «Легко ли в наши дни приобрести другой СНИЛС или ИНН?»

В-пятых, на укрепление роли национального государства сыграло экологическое законодательство. В научной литературе его нередко подают как пример «транснациональных угроз». В действительности национальное экологическое законодательство резко сократило права граждан на свободное распоряжение природными ресурсами. Свободы позапрошлого века вроде свободной охоты, вырубki леса на дрова, свободного разведения в лесу огня (неотъемлемая часть рассказов К.П.Паустовского), самостоятельной добычи полезных ископаемых в горах кажутся нам уже частью иной ушедшей цивилизации. Использование природных ресурсов теперь требует не только лицензий, но и согласия всевозможных природоохранных органов, что само по себе резко усилило полномочия национального государства. Эти нормы распространяются, кстати, и на частные владения: свободная охота уже невозможна без предварительного соглашения.

Предвижу возражения, что современная глобализация стала «ответственной» в отличие от безответственной первой. Не станем спорить о моральной оценке происходящих процессов. Любая «ответственность» предполагает определенное ограничение свобод, в том числе глобальных. Это само по себе делает современную глобализацию предельно ограниченной по сравнению с «первой глобализацией».

Заключение

Сокращение глобальных свобод стало естественным процессом подъема института национального государства. Глобализация XIX в. происходила в условиях слабого государства. С тех пор государство взяло под контроль все сферы общественной жизни, вводя систему жесткого контроля и регистрации. Этот процесс означал неизбежное усиление национальной бюрократии как основы любого национального государства. За минувшие 100 лет государство укрепились по трем направлениям, создав бюджетно-налоговые механизмы перераспределения национальных доходов, взяв под контроль отношения работодателей и работников

и введя фактическую монополию на природные ресурсы, в том числе с помощью жестких экологических стандартов. Мы живем в мире не ослабления, а усиления национальных государств, если принимать во внимание долгосрочный процесс с 1840-х гг. до наших дней. Это означает, что наша глобализация, возможно, является лишь не очень удачной попыткой вернуть прошлые глобальные свободы.

ЛИТЕРАТУРА:

1. *Алексеева Т.А.* Неолиберальное государство в контексте глобализации // Сравнительная политика. 2011. Т. 2. №2 (4). С. 44-56.
2. *Балдов Д.В., Сулов С.А.* Мировые продовольственные кризисы и производственные проблемы // Вестник НГИЭИ. 2014. №3 (34). С. 3-17.
3. *Барановский В.Г.* Новый миропорядок: преодоление старого или его трансформация? // Мировая экономика и международные отношения. 2019. Т. 63. №5. С. 7-23.
4. *Бек У.* Трансформация политики и государства в эпоху глобализации // Свободная мысль - XXI. 2004. №7. С. 3-11.
5. *Богатуров А.Д., Фененко А.В.* Кризис стратегии «навязанного консенсуса» // Свободная мысль. 2008. №11. С. 5-18.
6. *Гарусова Л.Н., Журбей Е.В., Владимирова Д.А.* Китайские иммигранты в США - историческая ретроспектива // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2018. №2. С. 8-16.
7. *Герман А.А.* История немцев России. Учебное пособие. М.: МаВи групп. 2020. 648 с.
8. *Дитц Я.* История поволжских немцев-колонистов. 3-е изд. М.: Готика. 2000. 496 с.
9. *Захматова М.Р.* Экспансия частного капитала США в Западной Европе. М.: Наука. 1966. 186 с.
10. *Кирьянова Л.Г., Мазурина О.А.* Теории глобализации в контексте постклассической науки // Известия Томского политехнического университета. 2007. Т. 311. №7. С. 115-120.
11. *Кучер Н.А.* К вопросу о периодизации иммиграционной политики США в XIX в. // Известия Алтайского государственного университета. Серия: История, Политология. 2012. № 4-1 (76). С. 144-148.
12. *Лебедева М.М.* Новый мировой порядок: параметры и возможные контуры // Полис. Политические исследования. 2020. №4. С. 24-35.
13. *Лебедева М.М.* Политическая организация мира в условиях современных мегатрендов: сценарии развития // Вестник ВолГУ. Серия: История. Регионоведение. Международные отношения. 2021. Т. 26. №3. С. 11-31.
14. *Лебон Г.* Психология социализма. СПб.: Макет. 1996. 510 с.
15. *Ленин В.И.* Империализм как высшая стадия капитализма. М.: Госполитиздат. 1949. 184 с.
16. *Нестерова Е.А.* Китайская иммиграция: политика Российской империи и США (вторая половина XIX - начало XX в.) // Россия и АТР. 2001. №3. С. 111-118.
17. *Паньков В.С.* 2020 год - глобализация или деглобализация? // Международная жизнь. 2010. №5. С. 163-176.
18. *Савельев Н.Н.* Река времени: История глобализации мирового развития. Краснодар: Пересвет. 2002. 256 с.
19. *Томсинов В.А.* Краткая история египтологии. М.: Вече. 2004. 319 с.

20. Чешков М. Глобализация: сущность, нынешняя фаза, перспективы. Pro et Contra // Международные процессы. 1999. Т. 4. №4. С. 114-127
21. Arrighi G. The Long Twentieth Century: Money, Power, and the Origins of Our Times. L.: Verso. 1994. 432 p.
22. Bergeijk van P.A.G. On the Brink of Deglobalisation ... Again // Cambridge Journal of Regions, Economy and Society. 2018. No. 11(2). Pp. 59-72.
23. Brugsch H.K., Chisholm H. Encyclopedia Britannica. (11th ed.). Cambridge: University Press. 1911. 679 p.
24. Epstein E.J. The Rise and Fall of Diamonds: the Shattering of a Brilliant Illusion. N.Y.: Simon and Schuster. 1982. 301 p.
25. Held D., McGrew A., Goldblatt D., Perraton J. Global Transformations. Cambridge: Polity Press. 1999. 91 p.
26. Henderson W. Standard Oil: The First 125 Years. N.Y.: Motorbooks International. 1996. 128 p.
27. Hirst P., Thompson G. Globalization in Question: The International Economy and the Possibilities of Governance. Cambridge: Polity Press. 1996. 430 p.
28. King St.D. Grave New World. The End of Globalization. The Return of History. New Haven: Yale University Press. 2018. 304 p.
29. Latouche S. The Westernization of the World. The Significance, Scope and Limits of the Drive towards Global Uniformity. Cambridge: Polity Press. 1996. 160 p.
30. Piketty Th. Capital in the Twenty First Century. Cambridge: An Imprint of Harvard University Press. 2014. 704 p.
31. Price Ch. Australians: Historical Statistics. Sydney: Fairfax, Syme & Weldon Associates. 1987. 470 p.
32. Rennan W. The Globalisation Timeline // Integrated Assessment Journal. 2003. No. 3. Pp. 137-144.
33. Smick D. Could Globalization Crack Up? // International Economy. 2012. Vol. 26 (4). Pp. 1-18.
34. Stumpp K. Die Russlanddeutschen [The Russian-Germans]. Stuttgart: Verlag Landsmannschaft der Deutschen aus Rubland. Nachdruck. 1993. 147 p. (In German).
35. Wallerstein I. Globalization or the Age of Transition // International Sociology. 2000. Vol. 15(2). No. 6. Pp. 249-265.

IS THE MODERN “GLOBAL WORLD” GLOBAL?

A.V. Fenenko

Doctor of Political Science, Professor at the Department of International Security,
Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia
e-mail: afenenko@gmail.com

Abstract. The term “deglobalisation” has recently evolved into almost a key concept in the political narrative. It is understood as the dismantling of globalisation and the return of nation-states to the world which is characterised by interstate wars. However, experts often overlook the fact that only 150-200 years ago there was a civilisation in the world that surpassed ours in the scale of global freedoms and interdependencies. According to the researchers of the phenomenon, the first period of globalisation occurred in 1870-1914. The author proposes to extend it over the whole XIX century, proving that the globalisation level at that time not only kept up with modern requirements but also exceeded them. To some extent, today's “global freedoms” are merely a pale shadow of those enjoyed by people in the XIX century.

The reason for that was the strengthening of the state role. The globalisation in the XIX century evolved in the context of a weak state. Since then, the state has exerted its control over all spheres of life, tightening its grip and introducing registration. Thus, from the perspective of this long-term process, i.e. from 1840s until today, we have lived in the world of strengthening rather than weakening of the nation-states. This means that our globalisation may have been just a poor attempt to regain the global freedoms of the past.

Keywords: globalisation, global world, deglobalisation, the first globalisation, the Vienna Order, statism, free trade, protectionism, migration.

Received: December 01, 2024

Accepted: December 09, 2024

UDC 339.9.012

DOI: 10.24833/2949-639X-2024-4-10-5-31

REFERENCES:

1. Alekseeva T.A. Neoliberal'noe gosudarstvo v kontekste globalizacii [Neoliberal State in the Context of Globalization]. *Comparative Politics [Sravnitel'naya politika]*, 2011, vol. 2, no. 2 (4), pp. 44-56. (In Russ.).
2. Baldov D.V., Suslov S.A. Mirovye prodovol'stvennye krizisy i proizvodstvennye problemy [World Food Crises and Production Problems]. *Vestnik NGIEI [NGIEI Bulletin]*, 2014, no. 3 (34), pp. 3-17. (In Russ.).
3. Baranovsky V.G. Novyj miroporyadok: preodolenie starogo ili ego transformaciya? [New World Order: Overcoming the Old or Its Transformation?]. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya [World Economy and International Relations]*, 2019, vol. 63, no 5, pp. 7-23. (In Russ.).
4. Beck U. Transformaciya politiki i gosudarstva v epohu globalizacii [Transformation of Politics and State in the Era of Globalisation]. *Svobodnaya mysl' - XXI [Free Thought - XXI]*, 2004, no. 7, pp. 3-11. (In Russ.).

5. Bogaturov A.D., Fenenko A.V. Krizis strategii «navyazannogo konsensusa» [Crisis of the Strategy of the “Imposed Consensus”]. *Svobodnaya mysl [Free Thought]*, 2008, no.11, pp. 5-18. (In Russ.).
6. Garusova L.N., Zhurbey E.V., Vladimirova D.A. Kitajskie immigranty v SShA - istoricheskaya retrospektiva [Chinese Immigrants in the USA - Historical Retrospective]. *Oikumena. Regionovedcheskie issledovaniya [Oikumena. Regional Studies]*, 2018, no. 2, pp. 8-16. (In Russ.).
7. German A.A. *Istoriya nemcev Rossii. Uchebnoe posobie [History of the Germans of Russia. Study Guide]*. Moscow, MaVi Group, 2020, 648 p. (In Russ.).
8. Dietz Ya. *Istoriya povolzhskih nemcev-kolonistov. 3-e izd. [History of Volga Germans-Colonists. 3rd ed.]*. Moscow, Gothic, 2000, 496 p. (In Russ.).
9. Zakhmatova M.R. *Ekspansiya chastnogo kapitala SShA v Zapadnoj Evrope [Expansion of the US Private Capital in Western Europe]*. Moscow, Nauka, 1966, 186 p. (In Russ.).
10. Kiryanova L.G., Mazurina O.A. Teorii globalizatsii v kontekste postklassicheskoy nauki [Theories of Globalisation in the Context of Post-Classical Science]. *Izvestiya Tomskogo politekhnicheskogo universiteta [Proceedings of Tomsk Polytechnic University]*, 2007, vol. 311, no. 7, pp. 115-120. (In Russ.).
11. Kucher N.A. K voprosu o periodizatsii immigratsionnoy politiki SShA v XIX v. [Towards a periodisation of US immigration policy in the 19th century]. *Izvestiya Altajskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya, Politologiya [IProceedings of the Altai State University. Series: History, Political Science]*, 2012, no. 4-1 (76), pp. 144-148.
12. Lebedeva M.M. Novyj mirovoj poryadok: parametry i vozmozhnye kontury [New World Order: Parameters and Possible Contours]. *Politicheskie issledovaniya [Polis. Political Studies]*, 2020, no. 4, pp. 24-35. (In Russ.).
13. Lebedeva M.M. Politicheskaya organizatsiya mira v usloviyah sovremennykh megatrendov: scenariy razvitiya [Political Organisation of the World in the Conditions of Modern Megatrends: Scenarios of Development]. *Vestnik VolGU. Seriya: Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya [Bulletin of VolSU. Series: History. Regional Studies. International Relations]*, 2021, vol. 26, no. 3, pp. 11-31. (In Russ.).
14. Lebon G. *Psihologiya socializma [Psychology of Socialism]*. Saint Petersburg, Maket, 1996, 510 p. (In Russ.).
15. Lenin V.I. *Imperializm kak vysshaya stadiya kapitalizma [Imperialism as the Highest Stage of Capitalism]*. Moscow, Gospolitizdat, 1949, 184 p. (In Russ.).
16. Nesterova E.A. Kitajskaya immigratsiya: politika Rossijskoj imperii i SShA (vtoraya polovina XIX - nachalo XX v.) [Chinese Immigration: the Policy of the Russian Empire and the USA (Second Half of XIX - Beginning of XX Century)]. *Rossiya i ATR [Russia and APR]*, 2001, no. 3, pp. 111-118. (In Russ.).
17. Pankov V.S. 2020 god - globalizatsiya ili deglobalizatsiya? [2020 - Globalisation or Deglobalisation?]. *Mezhdunarodnaya zhizn' [International Life]*, 2010, no. 5, pp. 163-176. (In Russ.).
18. Savelyev N.N. *Reka vremeni: Istoriya globalizatsii mirovogo razvitiya [The River of Time: History of Globalisation of World Development]*. Krasnodar, Peresvet, 2002, 256 p. (In Russ.).
19. Tomsinov V.A. *Kratkaya istoriya egiptologii [A Brief History of Egyptology]*. Moscow, Veche, 2004, 319 p. (In Russ.).
20. Cheshkov M. Globalizatsiya: sushchnost', nyneshnyaya faza, perspektivy. Pro et Contra [Globalisation: Essence, Current Phase, Prospects. Pro et Contra]. *Mezhdunarodnye processy [International Processes]*, 1999, vol. 4, no. 4, pp. 114-127. (In Russ.).

21. Arrighi G. *The Long Twentieth Century: Money, Power, and the Origins of Our Times*. L., Verso, 1994. 432 p.
22. Bergeijk van P.A.G. On the Brink of Deglobalisation ... Again. *Cambridge Journal of Regions, Economy and Society*, 2018, no. 11(2), pp. 59-72.
23. Brugsch H.K., Chisholm H. *Encyclopedia Britannica. (11th ed.)*. Cambridge, University Press, 1911, 679 p.
24. Epstein E.J. *The Rise and Fall of Diamonds: the Shattering of a Brilliant Illusion*. N.Y., Simon and Schuster, 1982, 301 p.
25. Held D., McGrew A., Goldblatt D., Perraton J. *Global Transformations*. Cambridge, Polity Press, 1999, 91 p.
26. Henderson W. *Standard Oil: The First 125 Years*. N.Y., Motorbooks International, 1996, 128 p.
27. Hirst P., Thompson G. *Globalisation in Question: The International Economy and the Possibilities of Governance*. Cambridge, Polity Press, 1996, 430 p.
28. King St.D. *Grave New World. The End of Globalisation. The Return of History*. New Haven, Yale University Press, 2018, 304 p.
29. Latouche S. *The Westernisation of the World. The Significance, Scope and Limits of the Drive towards Global Uniformity*. Cambridge, Polity Press, 1996, 160 p.
30. Piketty Th. *Capital in the Twenty First Century*. Cambridge, An Imprint of Harvard University Press, 2014, 704 p.
31. Price Ch. *Australians: Historical Statistics*. Sydney, Fairfax, Syme & Weldon Associates, 1987, 470 p.
32. Rennen W. The Globalisation Timeline. *Integrated Assessment Journal*, 2003, no. 3, pp. 137-144.
33. Smick D. Could Globalisation Crack Up? *International Economy*, 2012, vol. 26 (4), pp. 1-18.
34. Stumpp K. *Die Russlanddeutschen [The Russian-Germans]*. Stuttgart, Verlag Landsmannschaft der Deutschen aus Rubland. Nachdruck, 1993, 147 p. (In German).
35. Wallerstein I. Globalisation or the Age of Transition. *International Sociology*, 2000, vol. 15(2), no. 6, pp. 249-265.

ПРОГРЕСС И ПРОБЛЕМЫ РЕГИОНАЛЬНОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО СОТРУДНИЧЕСТВА СТРАН ПЕРСИДСКОГО ЗАЛИВА

Л.В. Шкваря

доктор экономических наук, профессор, профессор кафедры мировой экономики Российского экономического университета им. Г.В. Плеханова, Москва, Россия
e-mail: destard@rambler.ru
ORCID: 0000-0001-6653-939X

А.В. Федорченко

доктор экономических наук, профессор, старший научный сотрудник кафедры мировой экономики МГИМО МИД России, ведущий научный сотрудник Института востоковедения РАН, Москва, Россия
e-mail: a.fedorchenko@inno.mgimo.ru
ORCID: 0000-0002-5951-5936

Аннотация. Статья содержит анализ состояния региональной экономической интеграции в странах Персидского залива (Совет сотрудничества арабских государств Персидского залива, ССАГПЗ). Особое внимание акцентируется авторами на новом этапе интеграции, который в XXI веке стал ответом на рост неопределенности в мировой экономике. Страны ССАГПЗ переместились в фокус исследований в силу возросшей значимости региона в современной геоэкономической ситуации, чем и определяется актуальность исследования. Авторами установлено, что за последние четверть века страны ССАГПЗ активно увеличивали взаимную торговлю на основе сформированного общего рынка (несмотря на сохраняющиеся изъятия). Этот показатель достигает в ССАГПЗ 20%. Активизировалось региональное инвестиционное и проектное сотрудничество между государствами. Однако, несмотря на существующий прогресс, странам ССАГПЗ, как показало исследование, не удалось решить основные проблемы интеграционного развития, которые сохраняются в настоящее время - как экономические, так и политические, вызываемые и внутрирегиональной ситуацией, и глобальными вызовами. Как представляется, перед странами ССАГПЗ стоит задача добиться независимости в истинном смысле этого слова, а затем добиться большего успеха в условиях глобализации.

Ключевые слова: Ближний Восток, ССАГПЗ, региональная экономическая интеграция.

Поступила в редакцию: 30.11.2024
Принята к публикации: 08.12.2024

УДК 332.135
DOI: 10.24833/2949-639X-2024-4-10-32-45

ВВЕДЕНИЕ

Экономическая глобализация как центростремительная и вестернизирующаяся система все более активного, последовательного и всестороннего встраивания субъектов хозяйствования в глобальные процессы в сфере торговли, формирования производственных цепочек, структурирования мировых рынков, прежде всего стратегических, миграции капитала и рабочей силы, а также финансиаризации на протяжении почти полувека исследуется многими авторами. При этом отмечаются происходящие на глобальном уровне изменения - все более активные попытки наднационального регулирования и контроля странами Центра с помощью различных инструментов и механизмов, прежде всего на основании использования международных экономических организаций, подконтрольных западным структурам [2]. Подчеркивается, что глобализация значительно трансформировала форматы международных отношений как на мировом, так и на региональном уровнях, способствовала росту нестабильности, турбулентности и различного рода угроз и вызовов.

Соответственно, суверенными государствами и их объединениями предпринимаются попытки противостоять этим тенденциям, в том числе в рамках процессов региональной экономической интеграции, так как «Геоэкономика усиливает региональные тенденции» [6].

Совет сотрудничества стран Персидского залива также столкнулся со стремительной волной глобализации, которая оказывает заметное качественное и количественное влияние на интеграционные процессы в объединении. Это глобализационное давление требует от государств Залива разработки новых подходов к региональной экономической интеграции. Традиционно целью ССАГПЗ как интеграционного объединения с момента его создания в 1981 г. (во время ирано-иракской войны) является укрепление отношений между государствами-членами, координация, сотрудничество и интеграция во всех областях для достижения различных целей, всестороннее объединение, укрепление и тесные связи между народами государств-членов, содействие развитию промышленности, сельского хозяйства, науки и техники в шести странах и поощрение экономического сотрудничества между частными предприятиями. С первых дней своего создания ССАГПЗ в основном занимался защитой общих интересов шести стран, координацией дипломатических позиций и формированием общих политических взглядов по международным и региональным вопросам. К концу 1980-х годов объем промышленного производства вырос в 21,2-31,7 раза [8]. Это придало важный импульс экономическому росту шести стран и способствовало более быстрому экономическому развитию. Политический профицит региона также возрос с увеличением доходов от продажи нефти, что привело к росту государственных доходов.

Тем не менее в странах ССАГПЗ сохранялись внутренние разногласия экономического и политического характера. Например, страны часто не берут на себя обязательств по скорейшему выполнению взаимных соглашений. Отсутствие комплексного видения, четко определяющего цели, средства и график реализации, привело к неспособности технических специалистов и экспертов предоставить конкретные и обязательные рекомендации всем сторонам. Это дополнялось конкуренцией между странами ССАГПЗ за влияние в объединении, в регионе и в целом в арабском мире, что вызывало напряженность в отношениях между ними, при сохранении ситуации, когда каждое государство-член имело свою собственную независимую внешнюю политику. Совет не имеет каких-либо договорных внешнеполитических полномочий. Устав ССАГПЗ предусматривает только внешнеполитическую координацию и политическое сотрудничество. Государства-члены сохраняют суверенитет в большинстве политических и экономических аспектов внешней политики и выступают против любых ограничений своего суверенитета.

Также сохранялись и внутренние (внутристрановые) проблемы в странах ССАГПЗ [3], несмотря на проводимые попытки структурной трансформации, зачастую достаточно успешные [1]. Кроме того, в сфере экономики государства-члены ССАГПЗ стремились создавать однотипные структуры в национальных экономиках, такие как предприятия черной металлургии, поскольку эта отрасль стала символом экономической независимости благодаря исторической роли, которую она сыграла в Европе. Так обстоит дело, например, в атомной и нефтехимической промышленности, уделяя особое внимание освоению природных ресурсов. Сходство и схожесть экономических структур и производственной базы между странами ССАГПЗ, а также относительное сходство в системе экспортируемых товаров ставит их экономики в состояние конкуренции, а не в состояние интеграции.

На процесс арабской интеграции повлияли региональные проекты, продвигаемые международными институтами, такие как Ближневосточный проект, являющийся альтернативой арабской региональной системе. Также достаточно часто наблюдалась эскалация региональной нестабильности, как правило, инициируемой внерегиональными силами. Экономическая нестабильность в большом количестве арабских стран из-за волнений и конфликтов не обеспечивает возможности развития интеграции.

Исследование

В эпоху экономической глобализации и ее различных вызовов важность экономических блоков и региональных слияний возрастает. Поэтому перед лицом этих международных проблем региональное сотрудничество и интеграция стали доминирующими. Повсеместно - в теории и на практике - усилилось внимание к экономическим интересам в регионах и их попыткам противостоять как Западу, так и Востоку, сохраняя баланс сил и снижая неопределенность.

Регион Персидского залива активно реагирует на глобализацию. С началом нового века экономическая интеграция в ССАГПЗ постепенно трансформируется, ощущается растущий интерес широкого спектра к региону со стороны крупных региональных и особенно внерегиональных игроков. Чтобы справиться с серьезными вызовами глобализации, внутренними и внешними, экономическими и политическими, сохранить региональный порядок и максимально использовать свои возможности, страны Персидского залива продолжают ускорять темпы регионального экономического сотрудничества, трансформировать национальную экономику, региональное и внерегиональное взаимодействие. Они готовы работать вместе в областях, которые имеют общие интересы [8].

К 2009 г. ССАГПЗ достиг стадии таможенного союза. Был введен единый 5%-й тариф на импорт из третьих стран. Доля внутрирегионального экспорта без учета вывоза нефти повысилась до 33-36%. Таможенный союз, в связи со снижением внутрирегиональных торговых тарифов, позволил шести странам Персидского залива сформировать единую торговую группу и расширить свое мировое влияние. Таможенный союз не только стимулирует приток ресурсов, но и противостоит импорту конкурентоспособной продукции. Сегодня страны ставят своей задачей формирование общего рынка на региональном уровне. Эту цель провозглашают экономические соглашения между странами ССАГПЗ от 2021, 2022 и 2024 гг.¹

Таким образом, одной из основ трансформации региональной экономической интеграции является экономическая составляющая (прежде всего внутрирегиональная, обеспечивающая рост регионального экономического потенциала на основе дальнейшей его диверсификации и обеспечения экономической безопасности, включая цифровизацию). В результате совокупный ВВП стран ССАГПЗ имеет тенденцию к росту (табл. 1), хотя традиционно сохраняющаяся достаточно резкая дифференциация по уровню социально-экономического развития неоднократно отмечалась исследователями [5].

Таблица 1. Объем ВВП стран ССАГПЗ в 2012-2022 гг., млрд долл.

Table 1. GDP of the GCC Countries in 2012-2022, billion dollars

Страна	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021	2022	2023
Бахрейн	0,031	0,033	0,033	0,031	0,032	0,035	0,038	0,039	0,035	0,039	0,044	0,045
Катар	0,187	0,199	0,206	0,162	0,152	0,161	0,183	0,176	0,144	0,180	0,237	0,237
Кувейт	0,174	0,174	0,163	0,115	0,109	0,121	0,138	0,136	0,106	0,137	0,175	0,158
ОАЭ	0,385	0,400	0,414	0,370	0,369	0,391	0,427	0,418	0,349	0,415	0,507	0,501
Оман	0,087	0,09	0,093	0,079	0,075	0,081	0,092	0,088	0,076	0,088	0,115	0,109
СА	0,742	0,754	0,767	0,669	0,666	0,714	0,847	0,839	0,734	0,869	1,108	1,066
ССАГПЗ	1,606	1,65	1,676	1,426	1,403	1,503	1,725	1,696	1,444	1,728	2,186	2,116

Источник: составлено автором на основе: *Gross Domestic Product: Total and Per Capita, Current and Constant (2015) Prices, Annual*. UNCTAD URL: <https://unctadstat.unctad.org/datacentre/dataviewer/US.GDPTotal> (дата обращения: 24.11.2024).

¹ Water Resources Conservation System in the Gulf Cooperation Council Countries. GCC Media Center. URL: <https://gcc-sg.org/ar/JointGulf/RulesAndAgreements/Rules/Pages/default.aspx> (дата обращения: 24.11.2024).

И хотя в 2023 г. совокупный ВВП ССАГПЗ превысил 2,1 трлн долларов (13-е место в мире), как видно из табл. 1, обеспечить устойчивость этому процессу в последнее десятилетие не удастся, так как высокая зависимость от мирового рынка углеводородов сохраняется, как и волатильность последнего, хотя отраслевая структура постепенно трансформируется. Однако этот процесс идет нелинейно в ССАГПЗ (табл. 2).

Таблица 2. Отраслевая структура ВВП стран ССАГПЗ в 2012-2022 гг., % от ВВП
Table 2. Sectoral Structure of GCC GDP in 2012-2022, % of GDP

Страна	Отрасль	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021	2022
Бахрейн	С/х	0,28	0,28	0,30	0,32	0,34	0,29	0,29	0,29	0,32	0,29	0,30
	Промышленность	48,02	48,40	46,85	40,68	39,64	41,57	43,34	43,32	41,05	46,22	43,53
	Услуги	51,70	51,32	52,85	59,00	60,02	58,14	56,37	56,39	58,63	53,49	56,17
Катар	С/х	0,09	0,09	0,11	0,16	0,18	0,21	0,21	0,25	0,32	0,28	0,24
	Промышленность	72,00	70,23	67,91	55,41	51,08	54,40	58,23	55,03	49,64	57,10	62,98
	Услуги	27,91	29,67	31,98	44,44	48,75	45,39	41,56	44,72	50,0	42,62	36,77
Кувейт	С/х	0,32	0,32	0,40	0,47	0,46	0,46	0,40	0,34	0,40	0,38	0,37
	Промышленность	66,83	65,50	62,34	48,68	45,99	49,25	53,53	51,44	39,52	48,11	46,33
	Услуги	32,85	34,18	37,26	50,85	53,55	50,29	46,07	48,22	60,08	51,51	53,30
ОАЭ	С/х	0,63	0,63	0,63	0,72	0,75	0,76	0,71	0,75	0,96	0,94	0,82
	Промышленность	56,57	54,20	51,99	43,35	41,03	42,53	46,92	44,52	42,17	47,14	51,46
	Услуги	42,80	45,16	47,38	55,92	58,22	56,71	52,37	54,73	56,86	51,92	47,71
Оман	С/х	0,96	1,08	1,05	1,65	1,92	1,92	1,79	1,92	2,36	2,05	2,11
	Промышленность	63,70	61,37	58,83	50,60	46,43	47,87	52,20	49,38	45,06	49,03	47,81
	Услуги	35,34	37,55	40,11	47,75	51,65	50,21	46,01	48,70	52,58	48,92	50,08
СА	С/х	2,09	2,19	2,31	2,80	2,98	2,89	2,55	2,64	3,09	2,87	2,53
	Промышленность	62,69	59,79	57,04	45,11	42,87	45,34	50,48	47,43	41,23	47,60	56,17
	Услуги	35,22	38,02	40,65	52,09	54,15	51,77	46,97	49,93	55,68	49,52	41,29

Источник: составлено автором на основе: *Gross Domestic Product: GDP by Type of Expenditure, VA by Kind of Economic Activity, Total Shares, Annual. UNCTAD. URL: <https://unctadstat.unctad.org/datacentre/dataviewer/US.GDPComponent> (дата обращения: 24.11.2024).*

Как видно из табл. 2, у Катара, Саудовской Аравии и ОАЭ доля промышленности в структуре ВВП заметно увеличилась за десятилетие, в то время как Бахрейн, Кувейт и Оман значительно нарастили долю услуг при сокращении удельного веса промышленности. Услуги эти, прежде всего, финансовые. Общий объем активов фондов национального благосостояния стран ССАГПЗ составляет около 4,4 трлн долларов, или 34% от общего объема активов 100 крупнейших фондов национального благосостояния в мире². Сельское хозяйство продолжает испытывать проблемы в развитии [4], будучи ограниченным в ресурсной базе.

² HE GCCSG: The GCC is Making Progress Towards. GCC Media Center. URL: <https://gcc-sg.org/ar/MediaCenter/News/Pages/news2024-10-31-2.aspx> (дата обращения: 21.11.2024).

Однако некоторые «расхождения» в направленности отраслевой структуры в ССАГПЗ в определенной степени стали началом укрепления взаимодополняемости экономик и в последние годы содействовали росту объемов внутрирегиональной торговли, хотя ее доля в совокупном товарообороте стран остается нестабильной в различные годы (табл. 3 и 4).

Таблица 3. Объем внутрирегиональной торговли ССАГПЗ в 2012-2022 гг., млрд долл.
Table 3. GCC Intra-Regional Trade Volume 2012-2022, billion dollars

Страна	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021	2022
Экспорт											
Бахрейн	3,696	6,533	9,292	5,974	4,121	3,685	3,694	4,194	3,667	4,957	5,648
Катар	8,691	8,863	9,430	6,515	-	3,996	3,214	2,434	2,729	5,952	8,922
Кувейт	1,907	1,916	1,988	2,114	1,674	1,885	2,052	1,858	1,743	2,015	2,322
ОАЭ	27,748	17,564	18,177	20,603	17,163	31,680	44,768	46,959	41,588	52,149	59,017
Оман	3,287	8,362	4,844	3,608	3,426	5,337	6,841	6,073	7,668	7,003	7,035
СА	10,828	11,883	11,806	12,385	12,331	12,803	13,120	12,390	13,305	25,822	36,091
ССАГПЗ	56,157	55,121	55,537	51,199	38,715	59,386	73,689	73,908	70,7	97,898	119,035
Импорт											
Бахрейн	1,956	10,593	9,865	6,180	5,305	6,697	8,356	7,458	4,770	6,746	2,550
Катар	4,077	4,007	4,861	5,102	-	3,519	1,368	1,293	0,829	0,921	1,786
Кувейт	3,942	4,786	5,400	5,324	4,943	5,346	6,224	5,634	4,804	6,245	6,928
ОАЭ	9,387	8,688	8,275	7,889	9,316	13,781	15,387	15,360	11,928	15,345	19,136
Оман	8,512	13,950	10,632	12,321	4,754	11,840	14,033	11,474	13,904	15,495	19,436
СА	10,23	12,825	12,644	12,667	10,036	11,430	15,832	14,478	12,850	17,529	20,721
ССАГПЗ	38,104	54,849	51,677	49,483	34,354	52,613	61,2	55,697	49,085	62,281	70,557

Источник: составлено автором на основе: Trademap Country Export/Import to/from Gulf Cooperation Council (GCC). Trademap. URL: https://www.trademap.org/Bilateral_TS.aspx?npvmt=1%7c682%7c%7c%7c38%7cTOTAL%7c%7c%7c2%7c1%7c1%7c2%7c2%7c1%7c1%7c1%7c1%7c1%7c1 (дата обращения: 24.11.2024).

Таблица 4. Доля внутрирегиональной торговли ССАГПЗ в 2012-2022 гг., % от общего объема внешней торговли

Table 4. Share of GCC Intra-Regional Trade in 2012-2022, % of Total Foreign Trade

Страна	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021	2022
Экспорт											
Бахрейн	0,35	0,61	0,93	0,86	0,73	0,53	0,45	0,55	0,56	0,54	0,45
Катар	0,82	0,83	0,95	0,94	-	0,57	0,39	0,32	0,41	0,65	0,72
Кувейт	0,18	0,18	0,20	0,31	0,30	0,27	0,25	0,24	0,27	0,22	0,19
ОАЭ	2,63	1,64	1,83	2,97	3,06	4,52	5,40	6,12	6,32	5,70	4,74
Оман	0,31	0,78	0,49	0,52	0,61	0,76	0,83	0,79	1,17	0,76	0,56
СА	1,03	1,11	1,19	1,79	2,20	1,83	1,58	1,61	2,02	2,82	2,90
ССАГПЗ	0,89	0,86	0,93	1,23	1,15	1,41	1,48	1,60	1,74	1,78	2,15
Импорт											
Бахрейн	13,73	56,90	49,15	37,74	36,04	38,51	40,58	40,12	30,86	36,12	16,42
Катар	15,63	14,82	15,95	15,65	-	11,77	4,32	4,43	3,21	3,29	5,33
Кувейт	14,46	16,34	17,15	16,68	16,04	15,93	17,35	16,80	17,32	19,58	19,28
ОАЭ	3,60	2,95	2,77	2,75	3,44	5,03	5,88	5,73	4,83	4,42	4,55
Оман	30,27	40,63	36,28	42,48	20,54	44,79	54,45	48,81	48,77	49,99	50,39
СА	6,76	7,87	7,52	7,45	7,73	9,02	11,71	10,03	9,78	11,47	10,91
ССАГПЗ	14,08	23,25	21,47	28,65	13,97	20,84	22,38	20,99	19,13	20,8	17,8

Источник: составлено автором на основе данных из табл. 3.

Помимо торговли и инвестиций, страны ССАГПЗ развивают региональное сотрудничество в различных сферах и направлениях - от единой полицейской службы до формирования взаимоотношений с зарубежными странами и электронного правительства³.

Так, сотрудничество в сфере транспорта и коммуникаций направлено на координацию создания комплексных инфраструктурных проектов в портах, аэропортах, на автомобильном и железнодорожном транспорте, а также на поддержку учреждений, которые в настоящее время занимаются этими видами деятельности в государствах-членах. Оно также направлено на координацию политики в области авиации, воздушного и железнодорожного транспорта между странами ССАГПЗ на различных уровнях. Сотрудничество и координация между странами ССАГПЗ в сфере транспорта и коммуникаций осуществляются через комитет министров транспорта и коммуникаций и его подкомитеты. Ниже приводится краткое описание того, что было достигнуто в этой жизненно важной сфере. Например, происходит строительство железной дороги, которая имеет целью объединить все страны ССАГПЗ.

Разрабатываются крупные проекты, в том числе в сфере цифровизации, транспорта и др. Каждая страна ССАГПЗ является участником проектов в рамках китайской инициативы «Один пояс, один путь». Страны ССАГПЗ все более активно и настойчиво проникают на Африканский континент [7]. Инфраструктура Персидского залива более развита, чем когда-либо.

Имело место увеличение энергетического и демографического потенциала ССАГПЗ, сформировался крупный потребительский рынок и огромные инвестиционные ресурсы.

Усилилась политическая составляющая региональной экономической интеграции. Так, несмотря на то что разногласия в ССАГПЗ не исчезли, государства в последние пять лет стремятся к поиску консенсуса и преодолению противоречий, в частности с Катаром, для консолидации региона и усиления его позиций на Ближнем Востоке и в арабском мире в целом. Мы связываем это с тем обстоятельством, что политика каждой страны стала более многовекторной. В основе нынешней внешней политики ССАГПЗ лежит попытка укрепления прочных отношений с другими странами - как региональными, так и внерегиональными - и решения проблем на региональном и международном уровнях. В этих условиях, для обеспечения баланса и защиты национальных интересов, выстраивания более эффективной внешней политики объединению важно консолидировать свои усилия.

Проблемы региональной экономической интеграции в ССАГПЗ в XXI веке

Совет сотрудничества стран персидского залива (ССАГПЗ) с момента своего образования 38 лет назад всегда сталкивался со многими взлетами, падениями и вызовами

³ Areas for Integration Co-operation in the GCC. Countries. GCC Media Center. URL: <https://gcc-sg.org/ar/JointGulf/Cooperation/Pages/default.aspx> (дата обращения: 21.11.2024).

Сегодня страны стремятся не только формировать общий рынок внутри объединения шести стран, ориентируясь на взаимное экономическое сотрудничество, но и совместно предотвратить региональную и страновую маргинализацию с точки зрения потери контроля над национальными экономическими и политическими решениями перед лицом различных сил, которые создавали и создают различные ситуации в мире, регионе и отдельных странах.

Однако на этом пути государства сталкиваются с определенными трудностями. Одним из основных объективных показателей развития региональной экономической интеграции остается объем внутрирегиональной торговли и его доля в совокупном внешнеторговом процессе интегрирующихся стран. Как видно из табл. 3 и 4, за последние 10 лет стоимостные показатели внутрирегиональной торговли в рамках формирующегося общего рынка увеличились более чем в два раза, в то время как удельный вес этой торговли вырос незначительно и остается невысоким - порядка 20% в 2022 г. При этом Оман импортирует из стран ССАГПЗ более $\frac{1}{2}$ совокупного импорта (максимальный показатель за период), а Катар - лишь 5,33%. Как видно, региональная торговля дифференцирована по странам ССАГПЗ, как и выгоды от экономической интеграции.

Страны ССАГПЗ активизировали процессы диверсификации, цифровизации, экологизации на уровне интеграционного объединения [9]. Эти тенденции также сталкиваются с проблемами, связанными с отсутствием собственной базы для осуществления такой деятельности. Кроме того, опасение вызывает замедление темпов экономического роста ССАГПЗ, что может обострить проблемы региональной экономической интеграции. Так, по оценкам, экономический рост стран ССАГПЗ значительно замедлится в этом году из-за сокращения добычи нефти, причем самым медленным он будет в Саудовской Аравии. Несколько стратегических инициатив правительства Саудовской Аравии, включая Директиву о центральном офисе, которая требует от иностранных компаний открывать региональные офисы в Эр-Рияде, чтобы сохранить доступ к прибыльным государственным контрактам, привели к массовой миграции международных компаний в Эр-Рияд, что нарушает «интеграционное равновесие».

Среди политических проблем можно отметить недавний «дипломатический кризис» в ССАГПЗ, когда Саудовская Аравия, ОАЭ и Бахрейн решили отозвать своих послов из Катара из-за политики этой страны в регионе [10].

Тем не менее, на повестке дня - формирование валютного союза с введением общей валюты⁴, хотя до сих пор предпринимаемые усилия успехом не увенчались.

Региональное экономическое сотрудничество Совета сотрудничества стран Персидского залива находится на подъеме. Являясь динамичной платформой, ССАГПЗ усиливает способность региона противостоять внешним потрясениям, связанным с рисками. Сотрудничество в регионе Персидского залива сыграло

⁴ GCC: Gulf Nations Plan To Launch Common Currency & Ditch US Dollar (2024). Watcher. Guru. URL: <https://watcher.guru/news/gcc-gulf-nations-plan-to-launch-common-currency-ditch-us-dollar> (дата обращения: 22.11.2024).

огромную роль в экономическом развитии шести стран Аравийского полуострова, обеспечивая им «движущий эффект». Если в будущем валютный союз будет создан в соответствии с графиком, региональная экономика Персидского залива, несомненно, получит множество возможностей и мотиваций.

Для активизации региональной экономической интеграции в ССАГПЗ можно обозначить несколько направлений. Прежде всего, важно активно и совместно планировать различные модели экономического развития для создания диверсифицированной экономики. Как невозобновляемый ресурс, нефть в конечном счете будет исчерпана. Развитие ненефтяной промышленности становится все более актуальным и имеет большое значение.

Жизненно важной с точки зрения интеграционного сотрудничества остается задача правильно решать сельскохозяйственные проблемы. Природные условия залива суровы, а сельскохозяйственная экономика характеризуется высокими инвестициями и низкой доходностью. Страны Персидского залива стремятся снизить свою зависимость от сельскохозяйственной продукции. Чрезмерная зависимость от импорта продукции вызывает необходимость для ССАГПЗ встать на путь высокотехнологичного развития сельского хозяйства, что возможно прежде всего на региональном уровне. Имплементация передовых технологий позволит снизить инвестиционные затраты и сделать сельское хозяйство по-настоящему важным элементом развития национальной экономики.

Страны по-прежнему упорно работают над повышением прозрачности и выполняемости процесса принятия решений. С точки зрения регионального сотрудничества нахождение консенсуса способствует своевременному выявлению и разрешению проблем, так что сотрудничество имеет потенциал для дальнейшего развития.

На наш взгляд, необходимо оценить роль России в ближневосточных интеграционных процессах. Крупные инвестиционные проекты и сотрудничество в сфере энергетики, строительства и транспорта едва ли подвержены большим рискам, хотя и будут временно заморожены вплоть до стабилизации ситуации в странах, прошедших через смену власти. «Стартовой площадкой» обновления всего комплекса делового партнерства станет не торговый обмен, а производственное кооперирование на основе взаимного перетока прямых инвестиций, технологий и квалифицированной рабочей силы. В частности, проникновение на Аравийский полуостров через «инвестиционные ворота» представляется наиболее реалистичным. В дополнение к традиционным направлениям торгово-инвестиционного сотрудничества (ВТС, химия, машиностроение, энергетика, транспорт) имеет смысл обратить внимание на отрасли, в которых наша страна имеет весомые конкурентные преимущества - водоснабжение и сельское хозяйство. При всех сценариях развития региона Россия будет иметь в нем потенциально растущий рынок для своей сельскохозяйственной продукции, в первую очередь зерна. В настоящее время основными направлениями российского зернового экспорта являются Ближний Восток и Северная Африка, и экспорт в этот

регион имеет потенциал роста. Здесь возможен как товарный экспорт, так и производственное сотрудничество, которое может быть реализовано в форме привлечения инвестиций из арабских стран в российские проекты с их ориентацией на экспорт. Увеличение экспорта потребует расширения пропускной способности железных дорог и морских портов, и эти области также могут стать объектами инвестиционного сотрудничества. Новые сферы расширения влияния могут включать в себя долгосрочные проекты в области образования, в ходе которых возможна опосредованная подготовка пророссийского лобби, традиции создания которого уходят еще в советскую эпоху.

После восстановления системы политической стабильности в ближневосточном регионе для России могут возникнуть новые возможности расширения многостороннего сотрудничества с арабскими государствами. Представляется необходимым и вполне реальным подготовка и осуществление в этом регионе при содействии мирового сообщества, включая РФ, экономических, образовательных, социальных и иных проектов как эффективного противовеса планам военно-силового навязывания демократии. Это поддержит стабильность правящих режимов и создаст условия для постепенной модернизации сложившихся на протяжении длительного времени систем управления с учетом местных ресурсов, традиций, племенных, клановых и этноконфессиональных отношений. Несовершенство хозяйственных моделей и медлительность в их реформировании создают заколдованный круг: экономическое отставание обостряет социальные, этнические и конфессиональные конфликты, которые, в свою очередь, ведут к дальнейшей деградации национальных экономик⁵.

Развитие гуманитарного сотрудничества с Арабским миром требует соответствующего финансирования с российской стороны. Как показывает опыт развитых стран, упрочению позиций внерегиональной державы в этой части мира очень способствует так называемая «помощь развитию». Здесь необходимо оптимизировать приток российских финансовых ресурсов: выделять деньги на хорошо выверенные проекты, имеющие социальную отдачу, - в первую очередь в водоснабжении, добыче энергоносителей, строительстве, транспорте и масштабных образовательных программах. Особое значение имеют проекты, направленные на решение проблемы трудоустройства и создание «социальных лифтов» в молодежной среде. Тем самым наша страна внесет свой вклад в противодействие распространению идеологии радикальных исламистских движений.

⁵ Акимов А., Наумкин В. Перспективы развития ситуации в странах Ближнего Востока до 2020 года. РСМД. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/perspektivy-razvitiya-situatsii-v-stranakh-blizhnego-vostoka/> (дата обращения: 21.11.2024).

Заключение

Проведенный анализ состояния региональной экономической интеграции в странах Персидского залива позволил выявить не только достижения, но и сохраняющиеся вызовы, с которыми сталкиваются государства-члены Совета сотрудничества арабских государств Персидского залива (ССАГПЗ). Несмотря на прогресс в создании таможенного союза и углублении экономического сотрудничества, страны региона продолжают испытывать значительные внутренние и внешние трудности, которые препятствуют более глубокой интеграции. Необходимость достижения экономической независимости и устойчивого развития в условиях глобализации становится ключевой задачей для этих государств.

Актуальность исследования определяется не только растущей значимостью Персидского залива в глобальной экономике, но и необходимостью разработки комплексных стратегий, которые помогут странам ССАГПЗ эффективно справляться с экономическими и политическими вызовами. Важно отметить, что для успешной интеграции необходимо преодоление существующих разногласий между государствами-членами, а также формирование общего видения и стратегии дальнейшего развития.

С учетом глобальных изменений страны ССАГПЗ должны не только укреплять свои внутренние экономики, но и активно искать новые пути взаимодействия на международной арене. Разработка и реализация совместных проектов в таких областях, как цифровизация, транспорт и сельское хозяйство, могут послужить основой для устойчивого роста и повышения конкурентоспособности региона.

Таким образом, будущее региональной интеграции в Персидском заливе зависит от способности государств-членов к компромиссам и совместным усилиям, направленным на решение как внутренних, так и внешних вызовов. Также на этот процесс значительно влияет региональная и общемировая ситуация. Успешная интеграция может стать важным шагом к укреплению экономической безопасности и повышению устойчивости региона в условиях быстроменяющегося глобального ландшафта.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Айдрус И.А.З., Шкваря Л.В. Экономическое развитие и структурные сдвиги в экономиках стран Персидского залива (опыт Бахрейна). М.: РУДН. 2016.
2. Гринин А.Л. Анализируя глобальные проблемы XXI в. Обзор и прогноз на основе доклада Римскому клубу «Come On!» // Век глобализации. 2020. № 4 (36). С. 47-64. DOI: 10.30884/vglob/2020.04.04
3. Лукасян Г.Л. Макроэкономические проблемы стран - экспортеров нефти в условиях нестабильности мирового рынка // Вестник РУДН. Серия: Государственное и муниципальное управление. 2018. Т. 5. № 4. С. 411-425.

4. *Русакович В.И.* Сельское хозяйство Султаната Оман: современные особенности и роль современных технических возможностей развития // *Сегодня и завтра Российской экономики*. 2023. № 116. С. 52-62. DOI: 10.26653/1993-4947-2023-116-05
5. *Русакович В.И.* Современные тенденции социально-экономического развития ССАГПЗ: статистический анализ // *Международная торговля и торговая политика*. 2024. Т. 10. № 2 (38). С. 60-73. DOI: 10.21686/2410-7395-2024-2-60-73
6. *Стрыгин А.В.* Генезис геополитического осмысления процессов социально-политического и социально-экономического развития современного мира // *Россия и Азия*. 2019. № 4 (9). С. 70-75.
7. *Федорченко А.В., Артющук В.Ф.* Экономическое проникновение в Африку стран Персидского залива // *Азия и Африка сегодня*. 2020. № 4. С. 26-33. DOI: 10.31857/S032150750009089-9
8. *Шкваря Л.В.* Проблемы субрегиональной межарабской экономической интеграции в условиях глобализации: диссертация на соискание ученой степени доктора экономических наук. М.: РУДН. 2008.
9. *Шкваря Л.В.* Интеграционный потенциал арабских стран: объективная необходимость и условия экономической интеграции // *Экономика. Предпринимательство. Окружающая среда*. 2005. Т. 1. № 21. С. 103-112.
10. *Шкваря Л.В.* Интеграция и дипломатический кризис: современные реалии ССАГПЗ // *Вестник МГИМО-Университета*. 2020. Т. 13. № 2. С. 163-182. DOI: 10.24833/2071-8160-2020-2-71-163-182

PROGRESS AND PROBLEMS OF REGIONAL ECONOMIC COOPERATION AMONG THE COUNTRIES OF THE PERSIAN GULF

L.V. Shkvarya

Doctor of Economics, Professor, Professor at the Department of World Economy of the Plekhanov Russian University of Economics, Moscow, Russia
e-mail: destard@rambler.ru
ORCID: 0000-0001-6653-939X

A.V. Fedorchenko

Doctor of Economics, Professor, Senior Research Fellow at the Department of World Economy of the Moscow State Institute of International Relations (MGIMO-University), Leading Research Fellow at the Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
e-mail: a.fedorchenko@inno.mgimo.ru
ORCID: 0000-0002-5951-5936

Abstract. This article provides an analysis of the state of regional economic integration within the countries of the Persian Gulf (Gulf Cooperation Council, GCC). Special emphasis is placed on a new stage of integration, which has emerged as a response to the growing uncertainty in the global economy. The GCC countries have gained prominence in research due to the increasing significance of the re-

gion in the contemporary geo-economic landscape, underscoring the relevance of this study. However, despite the progress made, the GCC countries have, as the research indicates, failed to address the fundamental challenges of integrative development, which continue to persist today - both economic and political in nature - stemming from regional circumstances and global challenges. It appears that the GCC countries face the task of achieving independence in the truest sense of the word, and subsequently, achieving greater success in the context of globalization.

Keywords: Middle East, GCC, regional economic integration.

Submitted: November 30, 2024

UDC 332.135

Accepted: December 08, 2024

DOI: 10.24833/2949-639X-2024-4-10-32-45

REFERENCES:

1. Aidrus I.A.Z., Shkvarya L.V. *Ekonomicheskoe razvitie i strukturnye sdvigi v ekonomikah stran Persidskogo zaliva (opyt Bahrejna) [Economic Development and Structural Shifts in the Economies of the Persian Gulf Countries (Bahrain's Experience)]*. Moscow, RUDN, 2016. (In Russ.).
2. Grinin A.L. Analiziruya global'nye problemy XXI v. Obzor i prognoz na osnove doklada Rimskomu klubu «Come On!» [Analysing the Global Problems of the XXI Century. Review and Forecast Based on the Report to the Club of Rome "Come On!"]. *Vek globalizacii [Century of Globalisation]*, 2020, no. 4 (36), pp. 47-64. DOI: 10.30884/vglob/2020.04.04 (In Russ.).
3. Gukasyan G.L. Makroekonomicheskie problemy stran - eksporterov nefti v usloviyah nestabil'nosti mirovogo rynka [Macroeconomic Problems of Oil-Exporting Countries in the Conditions of Instability of the World Market]. *Vestnik RUDN. Seriya: Gosudarstvennoe i municipal'noe upravlenie. [RUDN Bulletin. Series: State and Municipal Management]*, 2018, vol. 5, no. 4, pp. 411-425. (In Russ.).
4. Rusakovich V.I. Sel'skoe hozyajstvo Sultanata Oman: sovremennye osobennosti i rol' sovremennykh tekhnicheskikh vozmozhnostej razvitiya [Agriculture of the Sultanate of Oman: Modern Peculiarities and the Role of Modern Technical Development Opportunities]. *Segodnya i zavtra Rossijskoj ekonomiki [Today and Tomorrow of the Russian Economy]*, 2023, no. 116, pp. 52-62. DOI: 10.26653/1993-4947-2023-116-05 (In Russ.).
5. Rusakovich V.I. Sovremennye tendencii social'no-ekonomicheskogo razvitiya SSAGPZ: statisticheskij analiz [Modern Trends in Socio-Economic Development of the GCC: Statistical Analysis]. *Mezhdunarodnaya trgovlya i trgovaya politika [International Trade and Trade Policy]*, 2024, pp. 10, pp. 2 (38), pp. 60-73. DOI: 10.21686/2410-7395-2024-2-60-73 (In Russ.).
6. Strygin A.V. Genezis geopoliticheskogo osmysleniya processov social'no-politicheskogo i social'no-ekonomicheskogo razvitiya sovremennogo mira [Genesis of Geopolitical Comprehension of the Processes of Socio-Political and Socio-Economic Development of the Modern World]. *Rossiya i Aziya [Russia and Asia]*, 2019, no. 4 (9), pp. 70-75. (In Russ.).
7. Fedorchenko A.V., Artyushkin V.F. Ekonomicheskoe proniknovenie v Afriku stran Persidskogo zaliva [Economic Penetration of the Persian Gulf Countries into Africa]. *Aziya i Afrika segodnya [Asia and Africa Today]*, 2020, no. 4, pp. 26-33. DOI: 10.31857/S032150750009089-9 (In Russ.).

8. Shkvarya L.V. *Problemy subregional'noj mezharabskoj ekonomicheskoy integracii v usloviyah globalizacii: dissertaciya na soiskanie uchenoj stepeni doktora ekonomicheskikh nauk [Problems of Subregional Inter-Arab Economic Integration in the Context of Globalisation: Dissertation for the Degree of Doctor of Economic Sciences]*. Moscow, RUDN, 2008. (In Russ.).
9. Shkvarya, L.V. Integracionnyj potencial arabskih stran: ob»ektivnaya neobhodimost' i usloviya ekonomicheskoy integracii [Integration Potential of the Arab Countries: Objective Necessity and Conditions of Economic Integration]. *Ekonomika. Predprinimatel'stvo. Okruzhayushchaya sreda [Economics. Entrepreneurship. Environment]*, 2005, vol. 1, no. 21, pp. 103-112. (In Russ.).
10. Shkvarya L.V. Integraciya i diplomaticheskij krizis: sovremennye realii SSAGPZ [Integration and Diplomatic Crisis: Modern Realities of the GCC]. *Vestnik MGIMO-Universiteta [Bulletin of MGIMO-University]*, 2020, vol. 13, no. 2, pp. 163-182. DOI: 10.24833/2071-8160-2020-2-71-163-182 (In Russ.).

БЕЛАРУСЬ: ДОСТИЖЕНИЯ И ДИЛЕММЫ МНОГОВЕКТОРНОЙ ПОЛИТИКИ И ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ДИПЛОМАТИИ

В.Е.Снапковский

доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры международных отношений Белорусского государственного университета,
Минск, Беларусь
e-mail: ulsnap44@inbox.ru
ORCID: 0000-0002-7133-8549

Аннотация. В статье проанализированы роль и значение многовекторности в разработке и реализации внешнеполитического курса Республики Беларусь. С точки зрения методологии основное внимание уделено взаимосвязи политики и экономики в государственном курсе страны на международной арене, экономическим аспектам обеспечения национальных интересов Беларуси. Автором использованы методы периодизации и сравнительно-исторического анализа этапов внешнеполитической деятельности Беларуси. При помощи метода контент-анализа изучены основополагающие доклады президента А.Лукашенко и его взгляды по вопросам внешней политики и внешнеэкономической деятельности. Охарактеризованы основные этапы внешней политики страны за 33 года независимого существования (с 1991 г.). Выявлены особенности каждого из внешнеполитических этапов парламентской республики и президентского правления, показана эволюция внешнеполитических приоритетов страны. Раскрыты характерные черты и сущностные характеристики третьего (2014-2020) и четвертого (с августа 2020 и по настоящее время) этапов внешнеполитической деятельности Беларуси и особенности ее экономической дипломатии, в первую очередь в отношениях с Россией. Автор, основываясь на официальных позициях, национальных интересах и внешнеполитическом дискурсе, обусловленном политическим реализмом, считает необходимым возврат Беларуси к политике многовекторности.

Ключевые слова: Республика Беларусь, внешняя политика, внешнеэкономическая деятельность, экономическая дипломатия, внешнеполитические приоритеты, многовекторность, Союзное государство, коллективный Запад.

Поступила в редакцию: 08.12.2024
Принята к публикации: 11.12.2024

УДК 332.132
DOI: 10.24833/2949-639X-2024-4-10-46-61

ВВЕДЕНИЕ

Пройденный Беларусью после 1991 г. более чем 30-летний период развития по пути независимости дает веские основания для подведения итогов и определения перспектив дальнейшего движения. В самостоятельную жизнь вступает

новое поколение белорусских граждан, которое родилось в условиях независимости и не представляет свою жизнь вне рамок собственного национального государства. Для них, как и для представителей старших поколений, важно знать, представлять и осознавать этапы исторического развития Республики Беларусь, ее национально-государственного строительства, основные направления внутренней и внешней политики. После распада СССР и полноценного выхода на международную арену Беларусь перестала ассоциироваться, может быть пока что только юридически, с привычным определением «союзная республика» или просто «республика», имея в виду ее государственно-политический статус в составе советского федеративного государства. В политическом лексиконе, да и в обыденной жизни, мы уже привыкли или еще привыкаем к новым понятиям, таким как «государственный суверенитет», «езависимость», «белорусская внешняя политика» и «экономическая дипломатия». Минск теперь ассоциируется не только со столицей Беларуси, но и с самостоятельным центром принятия внешнеполитических решений.

Исследование

Этапы внешней политики независимой Беларуси

Учитывая опыт трех десятилетий самостоятельного развития Беларуси, выделим этапы формирования и развития ее внешней политики. Автор в публикациях, посвященных первому, второму и третьему (уже в обобщенном виде) десятилетиям внешней политики Республики Беларусь, представил ее периодизацию, основанную на типе политического режима, который управляет страной. В этом плане четко выделяется внешнеполитическая деятельность парламентской республики и президентской республики [10].

Парламентский период (1991 - июль 1994 гг.), имея в виду его краткосрочность и органичную целостность, не подразделяется на более короткие временные отрезки. Основное содержание этого неполного трехлетнего отрезка времени составляет процесс международного признания Республики Беларусь, ее выхода на международную арену как независимого государства, установления дипломатических отношений с большинством государств планеты, расширения активности Беларуси на международной арене с учетом нового государственно-политического статуса. Безусловным приоритетом этого периода являлась концентрация усилий по развитию отношений со странами СНГ, в первую очередь с Россией, и с развитыми странами Запада («возвращение в Европу»). Крайне важным и исторически значимым был вклад Беларуси в укрепление международной безопасности в связи с ее добровольным отказом от ядерного статуса и присоединением к другим международным соглашениям в области ядерного и обычного разоружения [5]. Достигнутые в этой области решения были реализованы в начальный период президентского правления, когда в ноябре 1996 г. российские стратегические ракеты оказались выведенными с территории страны,

и Беларусь де-юре стала безъядерным государством. В экономическом приближении этот этап характеризуется социально-экономическим кризисом, разрывом связей с бывшими союзными республиками, в первую очередь с Россией, началом переориентации торгово-экономических отношений на страны Центральной и Западной Европы и США. Одним из приоритетов внешней политики молодого государства был провозглашен курс на демократические преобразования и рыночную экономику [4].

Последующий 30-летний президентский период во внешнеполитической истории суверенной Беларуси подразделяется на четыре этапа [13].

Первый охватывает 1994–1999 гг. Это пятилетка активной интеграционной политики с Россией. Этап начинается с приходом к власти президента Александра Лукашенко, провозгласившего интеграцию с Россией одним из ключевых элементов своей предвыборной программы, и завершается двумя важнейшими событиями: подписанием белорусско-российского Договора о создании Союзного государства 8 декабря 1999 г. и сменой президента Российской Федерации 31 декабря 1999 г. Эти годы также являются периодом укрепления восточного вектора внешней политики белорусского государства посредством создания более тесных интеграционных объединений с Россией и другими странами СНГ (Таможенного союза) при одновременном свертывании политического диалога со странами Запада и расширении сотрудничества со странами Азии, Африки и Латинской Америки. В области внешнеэкономической деятельности продолжалось наращивание торгово-экономического и инвестиционного сотрудничества с ЕС и США, набирали обороты хозяйственные связи с КНР. Тогда же родилось и понятие «многовекторности», ставшее позднее основой и визитной карточкой внешней политики белорусского государства. Оно распространялось на сферы политики, экономики и культуры. Термин «многовекторная политика» впервые был озвучен в докладе А.Лукашенко на Первом Всебелорусском съезде 19 октября 1996 г., который сказал: «С учетом нашего геополитического положения единственно эффективной может быть только многовекторная, сбалансированная внешняя политика» [3].

Второй этап внешнеполитической деятельности белорусского государства в период президентского правления охватывает 2000–2014 гг., и его можно назвать временем начала проведения «многовекторной политики». «Многовекторность» стала трактоваться в выступлениях белорусского президента и других руководящих деятелей страны, а вслед за ними и в работах белорусских и зарубежных исследователей как один из ключевых принципов внешней политики Беларуси. Что касается автора, то он больше склоняется к тому, чтобы считать многовекторность внешнеполитической стратегией официального Минска в 2000–2020 гг. [10]. Второй этап завершился началом в 2014 г. российско-украинского конфликта, оказавшем значительное воздействие на нашу страну, ее внешнюю политику и международное положение. В эти годы произошло закрепление суверенного статуса Беларуси, и начала осуществляться более или менее

полноценная многовекторная внешняя политика. Страна обрела черты геополитического субъекта, способного самостоятельно определять и реализовывать свою внешнюю политику в соответствии с национальными интересами [14]. Во внешнеэкономической сфере этот этап наполнен усилением прагматизма и «экономизации» в отношениях с Россией, сложным поиском баланса геостратегических и экономических интересов, которые обе дружественные страны пытались совместить через разрешение торгово-экономических конфликтов [12].

С 2014 г. до августа 2020 г. продолжался третий этап внешнеполитической деятельности первого президента Республики Беларусь, который можно назвать временем «более гибкой, сбалансированной и независимой внешней политики». На этом этапе политика многовекторности стала приобретать более реальные и адекватные черты и приближаться к настоящему значению этого слова, понимаемое как сбалансированное развитие отношений со всеми географическими векторами внешней политики государства. В эти годы шел трудный и противоречивый процесс обретения Беларусью своей национальной и международной идентичности [6].

Третий этап внешнеполитической деятельности Беларуси отличается от предыдущего более последовательным и успешным курсом реализации многовекторной политики. Если в течение второго этапа официально Минску пришлось пережить два кризиса в отношениях с Западом (2004-2006 и 2010-2012 гг.), то 6-летний третий этап характеризуется как самый успешный период в истории внешней политики президентской республики. Беларусь избавилась от западных санкций, которые были сняты или приостановлены, стала переговорной площадкой в урегулировании российско-украинского конфликта, провела ряд важных международных форумов (саммит «нормандской четверки», Парламентскую ассамблею ОБСЕ), умело балансировала между Москвой и Брюсселем, наращивала потенциал взаимодействия с Китаем и другими ключевыми странами и регионами «дальней дуги», проводила активную экономическую дипломатию, ставшую визитной карточкой белорусского государства [7].

Четвертый этап внешнеполитической деятельности Беларуси периода президентского правления начался в августе 2020 г. и продолжается в настоящее время. Объявленные белорусской Центральной избирательной комиссией 9 августа результаты президентских выборов спровоцировали острый внутривнутриполитический кризис, привели к обострению отношений официального Минска с соседними государствами (Польшей, Литвой, Латвией), коллективным Западом в целом. Ухудшились отношения с Украиной, не признавшей политических реалий в стране (избрание А.Лукашенко президентом). Россия однозначно приняла сторону действующего президента, оказав ему политическую, дипломатическую, экономическую и информационную поддержку, которая, однако, была обусловлена выполнением ряда требований, прежде всего проведением конституционной реформы [2].

События 2020-2022 гг. (последствия президентской кампании, посадка самолета в Минском аэропорту, миграционный кризис на границах с западными соседями, начало Специальной военной операции (СВО) в Украине, обострение отношений с Западом, введение Западом новой волны более жестких санкций) положили конец (убежден, что временный) политике многовекторности. Поэтому новый этап в истории внешней политики Республики Беларусь можно охарактеризовать как откат в реализации политики многовекторности и обвал в отношениях с Западом. Этот кризисный перелом имеет вынужденный характер, обусловленный чрезмерно острой реакцией Запада на действия официального Минска сначала внутри страны, а затем - его безоговорочной поддержкой СВО. Жесткая конфронтация с коллективным Западом не подразумевает отказа белорусского руководства от принципиального и долговременного курса на развитие отношений по всем векторам и азимутам как географическим, так и тематическим. Вместе с тем происходил поворот Беларуси в сторону так называемой «дальней дуги» и резкое сокращение экономического, научно-технического и культурного сотрудничества со странами Запада.

В условиях возросшей турбулентности в Европе Беларусь вынуждена отойти от проведения политики ситуационного нейтралитета и усилить интеграцию с Россией в области геополитики, военной стратегии и обороны, государственного управления, экономики и культуры [1]. Отказ от стремления к нейтралитету и снятие положения о безъядерном статусе страны зафиксированы в новой редакции Конституции, принятой 27 февраля 2022 г., которая представлена в ст. 18 в новой расширенной формулировке. Исключено положение о стремлении к нейтралитету, введено положение об исключении военной агрессии с территории Беларуси в отношении других государств¹.

Многовекторная внешняя политика и экономическая дипломатия

Президент А.Лукашенко в первые годы своего правления неоднократно высказывался за сбалансированный и прагматический подход к проведению внешнеполитического курса. В конце 1990-х годов он провозгласил курс на многовекторную внешнюю политику. Это проявилось в активизации связей со странами Азии, Африки и Латинской Америки и во вступлении страны в 1998 г. в Движение неприсоединения. Как оказалось позднее, участие в этом довольно размытом в организационном и внешнеполитическом плане объединении более чем ста государств различных континентов не оправдало надежд официального Минска. Несмотря на то что в научной литературе нет более или менее точного определения понятия «многовекторная внешняя политика Республики Беларусь», этот политический курс следует понимать как определенное исправление дисбаланса в интеграционной политике с Россией. Об этом А.Лукашенко говорил в 1999 г. и позднее, употребляя выражения «слишком сильный крен на Восток» [3], «мы

¹ Конституция Республики Беларусь. Президент Республики Беларусь. URL: <https://president.gov.by/ru/gosudarstvo/constitution> (дата обращения: 30.11.2024).

летели на одном крыле», имея в виду приоритетное развитие отношений Беларуси с Россией в ущерб другим направлениям и как стремление проводить активную политику по всем азимутам, в том числе на западном направлении.

На сайте белорусского МИД дано обоснование многовекторности внешней политики, которая обусловлена важным геополитическим положением Беларуси на границе мировых центров силы, культур и цивилизаций, непростой историей страны, испытавшей на себе разрушительные последствия многочисленных европейских войн и конфликтов. Многовекторность рассматривается как «фундаментальный принцип, предполагающий развитие сбалансированных конструктивных отношений с партнерами в различных регионах мира»². Этот принцип продолжает сохранять свое значение, несмотря на резкий поворот в отношениях с Западом, произошедший после августа 2020 г. «На фоне беспрецедентного политического и экономического давления Европейского союза, США и других стран Запада на Беларусь отношения с ними трансформировались из партнерских и взаимовыгодных в жесткое противостояние»³, говорится в разделе «Приоритетные направления внешней политики Республики Беларусь» на сайте белорусского МИД. Вместе с тем, как неоднократно заявляло белорусское руководство, Минск остается открытым для диалога с западными странами с целью выхода на позитивную траекторию сотрудничества, в первую очередь в торгово-экономической и инвестиционной сферах⁴.

В 2010-е гг. концепция многовекторности была дополнена внешнеэкономическим тезисом о сбалансированном развитии внешней торговли («три трети»). Это означало стратегический курс на равновесное развитие экономических отношений с тремя главными партнерами Беларуси - Россией, ЕС и странами «дальней дуги» (Азии, Африки и Латинской Америки)⁵. Однако быстрых и видимых успехов в этом направлении добиться не удалось как в силу сложности поставленной задачи, так и неблагоприятных изменений в мировой политике и экономике (российско-украинский конфликт, санкционная политика со стороны Запада, торговый протекционизм, пандемия коронавируса). В 2019 г. доля России и стран ЕАЭС во внешней торговле Беларуси составила более 50%, ЕС - около 23% и «дальней дуги» 27%⁶. В 2022 г. эти пропорции еще больше возросли в сторону России и ЕАЭС, перейдя отметку в 60%⁷.

² Принципы, цели и задачи Республики Беларусь на международной арене. Министерство иностранных дел Республики Беларусь. URL: https://mfa.gov.by/foreign_policy/aims (дата обращения: 30.11.2024).

³ Приоритетные направления внешней политики Республики Беларусь. Министерство иностранных дел Республики Беларусь. URL: https://mfa.gov.by/foreign_policy/priorities/ (дата обращения: 30.11.2024).

⁴ Там же.

⁵ Беларусь-ЕС: риски превышают возможности. Минский диалог. URL: <https://minskdialogue.by/research/opinions/belarus-es-riski-prevyshaiut-vozmozhnosti> (дата обращения: 01.12.2024).

⁶ Общая информация о внешней торговле: направления, задачи, итоги за актуальный период. Министерство иностранных дел Республики Беларусь. URL: http://mfa.gov.by/export/foreign_trade/ (дата обращения: 30.10.2024).

⁷ Беларусь и Россия. Министерство иностранных дел Республики Беларусь. URL: <https://mfa.gov.by/bilateral/russia/> (дата обращения: 30.10.2024).

В целом внешнеполитические приоритеты адекватно отражали национальные интересы и особенно внешнеэкономические потребности белорусского государства, его стремление развивать сбалансированные отношения с основными акторами и интеграционными группировками на международной арене. После распада СССР Беларусь как тесно интегрированная часть советского народнохозяйственного комплекса была вынуждена больше других бывших союзных республик уделять главное внимание отношениям с постсоветскими государствами, в частности с Россией [12]. Кроме экономических, культурных и гуманитарных соображений важное значение для Беларуси имели геополитические и военнo-стратегические расчеты и калькуляции. Они определили значительную зависимость Минска от Москвы в вопросах безопасности (впрочем, не только их) и включение Беларуси в сферу жизненных интересов России. С другой стороны, увеличилась и зависимость России от Беларуси в сфере геополитики и военной стратегии, поскольку Беларусь остается фактически единственным союзником России на западном направлении после разрыва отношений с коллективным Западом после 24 февраля 2022 г. [2].

В вопросе о внешнеполитических векторах для Беларуси важны отношения со всеми ключевыми центрами силы на евроазиатском континенте. С Евросоюзом у нее самая протяженная граница и высокая степень взаимозависимости экономического, социального, культурного и, наконец, политического характера. Не менее значимым вектором для белорусской дипломатии являются страны «дальней дуги», где важное место занимает близкий, несмотря на географию, и дружественный Китай, с которым установлены отношения стратегического партнерства. Однако, как было подчеркнуто, основным экономическим партнером и единственным стратегическим союзником была и останется Россия.

Беларусь выступает за поиск новых региональных форматов, в том числе за продвижение идей «интеграции интеграций», высказанных еще в 2011 г., и Большого евразийского партнерства. Данные инициативы должны быть дополнены сотрудничеством в рамках сопряжения ЕАЭС и китайского проекта «Один пояс, один путь». Такую же по силе актуальность имеет и углубление взаимодействия с ключевыми экономическими объединениями и национальными экономиками Евразии. Особое значение имеет вопрос о стратегическом сотрудничестве с Китаем, которое стало предметом недовольства со стороны Запада. В феврале 2021 г. белорусский президент заявил: «Мне прямо в глаза было сказано: вы уходите от Китая, Китая не должно быть в центре Европы»⁸. А.Лукашенко ответил, что Китай поддержал Беларусь, когда 5-6 лет назад Запад атаковал ее масштабными санкциями. Поэтому Минск не закрыл Пекину путь в Европу.

⁸ Доклад Президента Беларуси на VI Всебелорусском народном собрании 11 февраля 2021 г. Президент Республики Беларусь. URL: <https://president.gov.by/ru/events/shestoe-vsebelorusskoe-narodnoe-sobranie> (дата обращения: 30.06.2024).

Президент А.Лукашенко о внешней политике и стратегическом выборе Беларуси

Первое концептуальное изложение основ внешней политики белорусского государства, которое вступило во второе десятилетие независимости, представлено в программном докладе «Внешняя политика Республики Беларусь в новом мире», с которым А.Г.Лукашенко выступил 22 июля 2004 г. на совещании с руководителями заграничных учреждений Республики Беларусь. Докладчикам была поставлена задача оценить «наш государственный внешнеполитический ресурс» и «правильно представить себе место нашей страны на континенте и в мире».

В докладе выделены четыре характерные черты современного геополитического положения Беларуси. 1) Беларусь — это средняя по европейским меркам страна; 2) Это развитая экономика открытого типа, где около 60% валового внутреннего продукта экспортируется; 3) Она расположена на чувствительнейшем геополитическом перекрестке, средоточии торговых и транзитных путей; 4) Беларусь — страна с внушительным военным потенциалом, входящая в число 50 первых государств мира. Президент сформулировал главную стратегическую задачу страны — понизить уязвимость экономики и непосредственно вытекающие из этого внешнеполитические риски. Имелось в виду уйти от «уязвимости одного рынка» (российского, хотя в докладе он прямо так не назван)⁹. Однако уменьшить зависимость от поставок энергоносителей и российского рынка в силу разных причин, прежде всего внешнего характера, не удалось. Поэтому перед правительством позднее была поставлена задача достигнуть более или менее равномерного распределения торговых потоков между тремя главными партнерами Беларуси (треть — ЕАЭС, треть ЕС, треть — остальной мир или «дальняя дуга»). В начале 2020-х гг., однако, пришлось отказаться и от этой внешнеэкономической стратегии, сделав больший упор на торгово-экономических связях с Россией, Китаем и другими странами «дальней дуги».

В декабре 2010 г. на IV Всебелорусском народном собрании А.Лукашенко выдвинул и обосновал курс «равной приближенности» Беларуси к Востоку и Западу. Он предполагал сбалансированное развитие восточного и западного векторов внешней политики, формирование пояса добрососедства по всему периметру границ Беларуси. Ключевая задача, которая вытекала из следования такому стратегическому курсу, заключалась в максимально эффективном использовании геополитического ресурса страны. Стратегия «равной приближенности» к Востоку и Западу давала шанс максимально эффективно использовать выгодное географическое положение, транзитный и промышленный потенциал страны¹⁰. После

⁹ Внешняя политика Республики Беларусь в новом мире: выступление Президента Республики Беларусь А.Г. Лукашенко на совещании с руководителями заграничных учреждений 22 июля 2004 г. Президент Республики Беларусь. URL: <http://www.president.gov.by/press18726.html#doc>. (дата обращения: 30.06.2024).

¹⁰ Доклад Президента Беларуси на IV Всебелорусском народном собрании 6 декабря 2010 г. Президент Республики Беларусь. URL: <https://president.gov.by/ru/events/doklad-prezidenta-respubliki-belarus-aleksandra-lukashenko-na-chetvertom-vsebelorusskom-narodnom-sobranii-5895> (дата обращения: 30.06.2024).

преодоления отката в отношениях с Западом (2010-2013 гг.) политика «равной приближенности» принесла свои плоды в виде расцвета многовекторности и экономической дипломатии [9].

К своим идеям, мыслям и высказываниям о роли и месте Беларуси в Европе и мире президент обратился в докладе на VI Всебелорусском народном собрании (февраль 2021 г.). Вновь была подтверждена мысль о том, что Беларусь по мировым меркам - это небольшое средневропейское государство. Ее роль и место в международной политике охарактеризованы следующим образом: «Мы утвердились в статусе самостоятельного игрока на международной арене и надежного участника различных интеграционных объединений. Сохранили свои миротворческие позиции. Выдвинули ряд инициатив глобального масштаба»¹¹. К ним относится предложение о цифровом добрососедстве и практические шаги по его реализации, поддержанные многими государствами. Отмечен общепризнанный вклад Беларуси в мирное урегулирование ситуации на юго-востоке Украины.

А. Лукашенко, говоря о выборе Беларуси между сильными мира сего, подошел к решению этой дилеммы уже с других позиций, чем в программном докладе 2004 г. или докладе на IV Всебелорусском народном собрании (ВНС) 2010 г. Если в 2010 г. говорилось о равноудаленности или равноприближенности к Востоку и Западу, то в условиях обострения стратегического соперничества между Россией и Западом возможности балансирования между ними, проведения эффективной многовекторной политики резко ограничились, а после 24 февраля 2022 г. вообще исчезли. Это поставило страну в трудное положение, вынудив отказаться от политики ситуационного нейтралитета, стать на сторону России, вступившей в острое противостояние с НАТО, США и ЕС. Беларусь вновь оказалась в положении прифронтового государства. Президент Беларуси, подчеркивая геополитическую важность своей страны с точки зрения коллективного Запада, сказал в феврале 2021 г.: «Для сведения: мы на Востоке первые, за нами Россия. Беларусь рассматривается [Западом] как ее неотъемлемая часть»¹². В этих условиях была подтверждена неизменная роль Беларуси как донора стабильности в центре Европы и целом континенте, а также как надежного партнера в сфере региональной безопасности.

Белорусский президент в докладе на VI ВНС еще раз разъяснил суть концепции многовекторности, «которая вызывает столько вопросов. Даже у наших братьев». Ответ был направлен в адрес российских политических кругов, считавших, что белорусская политика многовекторности не сочетается с союзными обязательствами Минска в области внешней и военной политики и геостратегии [2].

¹¹ Доклад Президента Беларуси на VI Всебелорусском народном собрании. Президент Республики Беларусь. URL: <https://president.gov.by/ru/events/shestoe-vsebelorusskoe-narodnoe-sobranie#block-after-media-scroll> (дата обращения: 02.12.2024).

¹² Доклад Президента Беларуси на VI Всебелорусском народном собрании. Президент Республики Беларусь. URL: <https://president.gov.by/ru/events/shestoe-vsebelorusskoe-narodnoe-sobranie#block-after-media-scroll> (дата обращения: 02.12.2024).

Разъясняя свою политику, А.Лукашенко отверг критику насчет того, что Беларусь якобы сидит или пытается усидеть на двух стульях. Ее цель - обеспечить диверсификацию международных связей, прежде всего экономических, достигнуть равновесия в региональной безопасности и конечно сохранить свою политическую устойчивость [6]. Исходя из всего сказанного, было заявлено: «Я не вижу весомых причин отказываться от подобной многовекторности. Это объективная реальность для любого здравого политика, который когда-либо будет руководить Беларусью»¹³.

В 2000-2020 гг. А.Лукашенко пытался уменьшить зависимость от России, что нашло отражение как в концепциях и доктринальных установках, так и в реализуемых внешнеполитических стратегиях и курсах (многовекторная внешняя политика, возрождение концепции нейтралитета, равноприближенность к Востоку и Западу, интеграция интеграций). В политической сфере эту зависимость удалось уменьшить, правда больше символически, о чем говорило определенное «выгорание» проекта союзного государства и ставка президента России В. Путина на создание Евразийского экономического союза, экономизацию и прагматизм в отношениях с Минском, в экономической же и военной сферах она не уменьшилась [6]. В условиях возросшей турбулентности в Европе Беларусь была вынуждена покончить с политикой многовекторности и ситуационного нейтралитета и усилить интеграцию с Россией в области геополитики, военной стратегии и обороны, государственного управления, экономики и культуры [9]. Это нашло отражение в новой редакции Конституции (февраль 2022 г.), новой Концепции национальной безопасности¹⁴ и Военной доктрине¹⁵, одобренных Всебелорусским народным собранием в апреле 2024 г.

Новый этап отношений с Российской Федерацией

Стабилизация внутривнутриполитической ситуации в стране после политического кризиса 2020 г. позволила придать новый импульс ускорению интеграции с Россией. 4 ноября 2021 г. на заседании Высшего Госсовета Союзного государства (СГ) был утвержден пакет интеграционных документов, включающий «Основные направления реализации положений Договора о создании Союзного государства на 2021-2023 гг.», частью которых являлись 28 отраслевых союзных программ по экономической интеграции. В рамках их выполнения в значительной мере унифицировано законодательство двух стран в различных сферах хозяйствования, заложена основа для проведения единой макроэкономической,

¹³ Доклад Президента Беларуси на VI Всебелорусском народном собрании. Президент Республики Беларусь. URL: <https://president.gov.by/ru/events/shestoe-vsebelorusskoe-narodnoe-sobranie#block-after-media-scroll> (дата обращения: 03.12.2024).

¹⁴ Концепция национальной безопасности Республики Беларусь. Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. URL: <https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=P924v0005> (дата обращения: 30.06.2024).

¹⁵ Военная доктрина Республики Беларусь. Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. URL: <https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=p924v0006> (дата обращения: 30.06.2024).

денежно-кредитной, налоговой и таможенной политики, формирования общих рынков и социально-экономического пространства¹⁶.

Спустя два года политики общественность и эксперты констатировали, что правительства и профильные ведомства двух стран выполнили около 90% намеченных в соответствии с программами мероприятий. На заседании Совета Министров Союзного государства 29 ноября 2023 г. в Москве одобрены «Основные направления реализации положений Договора о создании Союзного государства на 2024-2026 гг.» Документ состоит из 11 разделов, включающих в себя вопросы макроэкономической политики, деятельности в сфере статистики общего финансового рынка, согласованной налоговой политики и сотрудничества в таможенной сфере, единых промышленной и аграрной политики, функционирования объединенных энергетических рынков и эксплуатации объектов атомной энергии, объединенной транспортной системы, построения единого информационного пространства, а также взаимодействия в культурно-гуманитарной, научно-технической и социальной сферах. «Основные направления» утверждены на заседании Высшего Госсовета СГ 29 января 2024 г.¹⁷

Россия продолжала оставаться главным экономическим партнером Беларуси, и ее доля во внешней торговле нашей страны увеличилась, превысив половину ее внешнеторгового оборота. В 2022 г. двусторонний товарооборот вырос на 13% до рекордного для взаимной торговли показателя в 43,4 млрд долл., при этом российский экспорт сократился на 7,7% (до 21,3 млрд долл.), а импорт вырос на 41,2% (до 22,0 млрд долл.). По данным белорусской статистики, в 2022 г. впервые в истории товарооборот между странами достиг отметки в 50 млрд долл. В 2023 г. взаимный товарооборот вырос до 55 млрд долл. США, при этом экспорт составил 31 млрд, а импорт - 23 млрд долл. Впервые для Беларуси сложилось большое положительное сальдо в торговле с Россией¹⁸.

С началом СВО изменился общий контекст белорусско-российской интеграции. Все более отчетливо дает о себе знать новая военно-политическая и экономическая реальность. Углубляющаяся изоляция двух стран от Запада и возрастающее санкционное давление ставят задачи не только по гармонизации финансово-экономических систем двух стран, но и по выработке механизмов, способных компенсировать негативное воздействие западных ограничений. Так, основным вектором развития в финансовой сфере стал отказ от доллара и евро во взаимных расчетах и переход на российские рубли¹⁹.

¹⁶ Политические отношения. Посольство Российской Федерации в Республике Беларусь. URL: <https://belarus.mid.ru/ru/countries/bilateral-relations/political-relations/> (дата обращения: 17.12.2023).

¹⁷ ВГС утвердил Основные направления реализации положений Договора о создании СГ на 2024–2026 годы. Беларусь сегодня. URL: <https://www.sb.by/articles/vgs-utverdil-osnovnyie-napravleniya-realizatsii-polozeniy-dogovora-o-sozda> (дата обращения: 18.02.2024).

¹⁸ Межгосударственные отношения РФ и Белоруссии. РИА Новости. URL: <https://ria.ru/20230524/diplomatiya-1873560847.html?ysclid=lqav1io3l178763154> (дата обращения: 17.12.2023).

¹⁹ После начала СВО интеграция с Россией стала для Белоруссии вопросом выживания. Яндекс Дзен. URL: https://dzen.ru/a/Y7Lcgaq_PRqakRnc (дата обращения: 19.12.2023).

Белорусско-российский отношения на нынешнем этапе переживают период конструктивного и взаимовыгодного развития. Два союзных государства являются участниками ряда интеграционных объединений, вектор развития которых определяет характер многосторонних связей на перспективу. С момента подписания Договора о создании Союзного государства российско-белорусские отношения прошли большой и сложный путь и вышли в настоящее время на высокий уровень союзной поддержки и стратегического партнерства. Их неотъемлемой частью остается тесная и углубляющаяся внешнеполитическая координация, в том числе на площадках ООН, СНГ, ОДКБ, ШОС, ОБСЕ, МАГАТЭ²⁰.

В новой повестке для белорусско-российских отношений важное и незаменимое место должны занимать принципы взаимной выгоды и прагматизма, добрососедства, союзных и дружественных отношений, общепринятые нормы и принципы международного права. На шкале внешнеполитических приоритетов Республики Беларусь отношения с Российской Федерацией сохранили бы ведущее место в следующей формулировке: «стратегический союз (союзные отношения) на основе национальных интересов». Такую концепцию автор проводит в своих исследованиях, начиная с конца 1990-х гг. [12]. Эта формула, на наш взгляд, представляет собой наиболее оптимальное сочетание интеграционной политики и принципов независимости и суверенитета, на которых строится внешняя политика и национальная безопасность двух различных по силе, возможностям и влиянию государств, вступивших между собой в процесс сближения во всех сферах общественной жизни.

Заключение

33-летний опыт самостоятельного существования показывает, что Республика Беларусь продолжает свой путь развития как независимого европейского государства. Ее внешняя политика внесла весомый и признанный вклад в укрепление международной и европейской безопасности и процесс разоружения. Беларусь стала первым в мире государством, добровольно отказавшимся в 1990-е гг. от ядерного оружия. Установлены добрососедские отношения с окружающими государствами, развиваются интеграционные связи с постсоветскими странами, с некоторыми крупными и влиятельными государствами (Россия и Китай) налажено стратегическое партнерство. Внешняя политика, сориентированная на защиту безопасности и обеспечение свободы действий на мировой арене, стала более прагматичной, а деятельность белорусской дипломатии - более профессиональной. Особенно зримых успехов удалось добиться в 2014-2020 гг. (до начала августовского политического кризиса в стране), когда белорусская дипломатия

²⁰ Интеграция России и Беларуси в 2022 году вышла на новый уровень. RuBaltic.Ru. URL: <https://www.rubaltic.ru/article/politika-i-obshchestvo/20221228-integratsiya-rossii-i-belarusi-v-2022-godu-vyshla-na-novyy-uroven/?ysclid=Iqct5ig7mz601098107> (дата обращения: 05.12.2024).

умело балансировала между центрами силы на Западе и Востоке. Вместе с тем потенциал многовекторной внешней политики не удалось реализовать в полной мере, а после 2020 г. западный вектор оказался отброшенным в прошлое. В условиях переформатирования мирового порядка Беларусь, как следует из заявлений ее руководства, остается приверженной курсу на восстановление конструктивного диалога с Западом без выдвижения предварительных условий.

Проанализированные высказывания и оценки президента Беларуси по вопросам внешней политики, геополитики и геостратегии отражали официальные взгляды и подходы белорусского руководства к этим важнейшим проблемам государственной деятельности во внешней сфере. Они претерпели изменения, притом по некоторым вопросам довольно существенные, особенно в 2010-х и начале 2020-х гг. Отошли на задний план проблемы цивилизационного выбора Беларуси (между Востоком и Западом или равной приближенности к ним). Страна стала прифронтовым государством и остается единственным союзником России на западном направлении. На передний план вышли вопросы укрепления национальной безопасности в ее внутренних и внешних аспектах, консолидации правящего класса и своих сторонников, противостояния коллективному Западу и усиления военных союзнических обязательств и интеграционной политики в отношениях с Россией. Что касается политики многовекторности (потенциальной и реальной), то она продолжает оставаться фирменным знаком деятельности Беларуси на международной арене, реализуясь на восточном и южном направлениях в сфере международной безопасности, экономической дипломатии, гуманитарного и культурного сотрудничества.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Бахлова О.В., Бахлов И.В. Внешние вызовы и угрозы для Союзного государства Белоруссии и России: европейский вектор // Современная Европа. 2022. № 2. С. 56-68. DOI: 10.31857/S020170832202005X
2. Громыко А.А. Российско-белорусское сотрудничество: время стратегических решений. Аналитический доклад. М.: Ассоциация внешнеполитических исследований имени А.А.Громыко, Институт Европы РАН. 2021. 22 с. DOI: 10.15211/978-5-98163-173-3
3. Кравченко П.К. Беларусь на переломе: дипломатический прорыв в мир: выступления, статьи, интервью, беседы, дипломатические документы и переписка. Минск: БИП-С Плюс. 2009. 635 с.
4. Кравченко П.К. Беларусь на переломе. Восстановление государственности и дипломатический прорыв в мир // Белорусская думка. 2016. № 12. С. 9-21.
5. Лаумулин М.Т. Беларусь между Востоком и Западом. Международное положение, социально-экономическое и политическое развитие страны. Нур-Султан: КИСИ при Президенте РК. 2021. 600 с.
6. Макей В. На службе народа и государства // Белорусская думка. 2017. № 3. С. 3-10.
7. Макей В. На службе народа и государства // Белорусская думка. 2017. № 4. С. 3-13.

8. *Снапковский В.Е.* Анализ внешней политики Республики Беларусь: пособие. Минск: БГУ. 2021. 243 с.
9. *Снапковский В.Е.* Белорусско-российские отношения в начале 2020-х гг. // Дипломатия Беларуси в условиях новых вызовов: материалы II Международной научной конференции (21 марта 2024 г., г. Минск). 2024. С. 35-41.
10. *Снапкоўскі У.Е.* Беларуска-расійскія адносіны: зборнік навуковых артыкулаў. Минск. 2009. 139 с.
11. *Снапкоўскі У.Е.* Знешняя палітыка Беларусі: зборнік дак. і матэрыялаў. Минск. 2008. 639 с.
12. *Снапкоўскі У.Е.* Тры дзясяцігоддзі незалежнасці: перыядызацыя гісторыі знешняй палітыкі Рэспублікі Беларусь // Беларусь у сучасным свеце: материалы XXII Международной научной конференции, посвященные 102-летию образования Белорусского государственного университета (26 октября 2023 г., г. Минск). 2023. С. 66-72.
13. *Snapkouski U.E.* Foreign Policy of the Republic of Belarus: Milestones and Priorities // Journal of Belarusian State University. International Relations. 2021. No. 1. Pp. 36-43.

BELARUS: ACHIEVEMENTS AND DILEMMAS OF MULTI-VECTOR POLICY AND ECONOMIC DIPLOMACY

V.E. Snapkovsky

Doctor of Historical Sciences, Professor, Professor at the Department of International Relations of the Belarusian State University, Minsk, Republic of Belarus

e-mail: ulsnap44@inbox.ru

ORCID: 0000-0002-7133-8549

Abstract. The article analyses the role and importance of multi-vector approach in the development and implementation of the foreign policy of the Republic of Belarus. From the methodological point of view, the main attention is paid to the relationship between politics and economics in the state course of the country in the international arena, as well as economic aspects of ensuring the national interests of Belarus. The author used the methods of periodisation and comparative historical analysis of the stages of Belarus' foreign policy. Using the method of content analysis, the fundamental reports of President A.Lukashenko and his views on foreign policy and foreign economic activity were studied. The main stages of the country's foreign policy over 33 years of independent existence (since 1991) are characterised. The features of each of the foreign policy stages, including the parliamentary republic and presidential rule, are revealed, and the evolution of the country's foreign policy priorities is shown. The characteristic features and essential characteristics of the third (2014-2020) and fourth (from August 2020 to the present) stages of Belarus's foreign policy, as well as the features of its economic diplomacy, primarily in relations with Russia, are revealed. Based on official positions, national interests, and foreign policy discourse conditioned by political realism, the author considers it necessary for Belarus to return to a multi-vector policy.

Keywords: Republic of Belarus, foreign policy, foreign economic activity, economic diplomacy, foreign policy priorities, multi-vector policy, Union State, collective West.

Submitted: December 08, 2024
Accepted: December 11, 2024

UDC 332.132
DOI: 10.24833/2949-639X-2024-4-10-46-61

REFERENCES:

1. Bakhlova O.V., Bakhlov I.V. Vneshniye vyzovy i ugrozy dlya Soyuznogo gosudarstva Belorussii i Rossii: yevropeyskiy vektor [External Challenges and Threats for the Union State of Belarus and Russia: a European Vector]. *Sovremennaya Yevropa [The Modern Europe]*, 2022, no. 2, pp. 56-68. DOI: 10.31857/S020170832202005X. (In Russ.).
2. Gromyko A.A. Rossiysko-belorusskoye sotrudnichestvo: vremya strategicheskikh resheniy. Analiticheskiy doklad [Russian-Belarusian Cooperation: Time for Strategic Decisions. Analytical Report]. Moscow, Assotsiatsiya vneshnepoliticheskikh issledovaniy imeni A.A.Gromyko, Institut Yevropy RAN, 2021, 22 p. DOI: 10.15211/978-5-98163-173-3. (In Russ.).
3. Kravchenko P.K. Belarus' na perelome: diplomaticheskiy proryv v mir: vystupleniya, stat'i, interv'yū, besedy, diplomaticheskiye dokumenty i perepiska [Belarus at a Turning Point: Diplomatic Breakthrough into the World: Speeches, Articles, Interviews, Conversations, Diplomatic Documents and Correspondence]. Minsk, BIP-S Plus, 2009, 635 p. (In Russ.).
4. Kravchenko P.K. Belarus' na perelome: Vosstanovleniye gosudarstvennosti i diplomaticheskiy proryv v mir [Belarus at the Turning Point: Restoration of Statehood and Diplomatic Breakthrough into the World]. *Belaruskaya dumka [Belarusian Thought]*, 2016, no. 12, pp. 9-21. (In Russ.).
5. Laumulin M.T. Belarus' mezhdū Vostokom i Zapadom. Mezhdunarodnoye polozheniye, sotsial'no-ekonomicheskoye i politicheskoye razvitiye strany [Belarus between East and West. International Position, Socio-Economic and Political Development of the Country]. Nur-Sultan, KISI pri Prezidente RK, 2021, 600 p. (In Russ.).
6. Makey V. Na sluzhbe naroda i gosudarstva [In the Service of the People and the State]. *Belaruskaya dumka [Belarusian Thought]*, 2017, no. 3, pp. 3-10. (In Russ.).
7. Makey V. Na sluzhbe naroda i gosudarstva [In the Service of the People and the State]. *Belaruskaya dumka [Belarusian Thought]*, 2017, no. 4, pp. 3-13. (In Russ.).
8. Snapkovskiy V.E. Analiz vneshney politiki Respubliki Belarus': posobiye [Analysis of the Foreign Policy of the Republic of Belarus: a Textbook]. Minsk, BGU, 2021, 243 p. (In Russ.).
9. Snapkovskiy, V.E. Belorussko-rossiyskiye otnosheniya v nachale 2020-kh gg. [Belarusian-Russian Relations in the Early 2020s]. *Diplomatiya Belarusi v usloviyakh novykh vyzovov: materialy II Mezhdunarodnoi nauchnoi konference (21 marta 2024, Minsk) [Diplomacy of Belarus in the Context of New Challenges: Materials of the II International Scientific Conference (March 21, 2024, Minsk)]*, 2024, pp. 35-41. (In Russ.).
10. Snapkoŭski U.E. Bielaruska-rasijskija adnosiny: zb. navuk. artykulaŭ [Belarusian-Russian Relations: Collection of Scientific Articles]. Minsk, 2009, 139 p. (In Belarusian).
11. Snapkoŭski U.E. Zniešniaja palityka Bielarusi: zb. dak. i materyjalaŭ [Foreign Policy of Belarus: Collection of Documents and Materials]. Minsk, 2008, 639 p. (In Belarusian).

12. Snapkoŭski U.E. Try dziasiahoddzi niezaliežnasci: pieryjadyzacyja historyi zniešniaj palityki Respubliki Bielaruś [Three Decades of Independence: Periodization of the History of the Foreign Policy of the Republic of Belarus]. *Bieluś u sučasnym sviecie: materialy XXII Meždunarodnoj nauchnoj konferencii, posvjashhennye 102-letiju obrazovanija Belorusskogo gosudarstvennogo universiteta (26 oktjabrja 2023, Minsk) [Belarus in the Modern World: Materials of the XXII International Scientific Conference Dedicated to the 102nd Anniversary of the Formation of the Belarusian State University (October 26, 2023, Minsk)]*, 2023, pp. 66-72. (In Belarusian).
13. Snapkouski U.E. Foreign Policy of the Republic of Belarus: Milestones and Priorities. *Journal of Belarusian State University. International relations*, 2021, no. 1, pp. 36-43.

УПРАВЛЕНИЕ ПРИРОДОПОЛЬЗОВАНИЕМ И ЭКОЛОГИЧЕСКИЙ МЕНЕДЖМЕНТ: АКТУАЛЬНАЯ РЕТРОСПЕКТИВА ТРЕНДОВ

Е.Ю. Васенькина

кандидат географических наук, эксперт-аналитик департамента исследований топливно-энергетического комплекса Института проблем естественных монополий, Москва, Россия
e-mail: vaselena@gmail.com
ORCID: 0009-0001-3684-6046

Ю.Л. Мазуров

доктор географических наук, профессор кафедры рационального природопользования Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия,
e-mail: jmazurov@yandex.ru
ORCID: 0000-0001-9716-2783

Аннотация. В статье рассматривается соотношение русскоязычного понятия «управление природопользованием» и пришедшего из англоязычного лексикона и со временем утвердившегося в профессиональной отечественной лексике термина «экологический менеджмент». Демонстрируется неприемлемость рассмотрения их как аналогов или разноязычных синонимов, указывается роль и место экологического менеджмента в практике управления природопользованием в историческом аспекте. Анализируются основные этапы его становления и тенденции развития в государственном и корпоративном управлении в сфере взаимодействия природы и общества. Особое внимание уделено рассмотрению особенностей становления управления природопользованием на национальном уровне в различных странах мира и становлению корпоративного экологического менеджмента как структурного компонента национальных систем управления природопользованием или экологического регулирования. Отмечается закономерный характер повышения значимости корпоративного экологического менеджмента в современных условиях, расширения функций и усиления его влияния. Экологический менеджмент из подчиненной системы управления, основной целью которой являлось обеспечение соблюдения компаниями установленных государством рамок воздействия на окружающую среду, трансформируется в инструмент, определяющий стратегию и тактику развития компании в соответствии с принципами устойчивого развития и «зеленой» экономики.

Ключевые слова: управление природопользованием, экологический менеджмент, устойчивое развитие, «зелёная» экономика, экологическое регулирование.

Поступила в редакцию: 09.09.2024
Принята к публикации: 20.10.2024

УДК 338.23
DOI: 10.24833/2949-639X-2024-4-10-62-75

Управление природопользованием - одно из относительно новых научных направлений, которое в последние десятилетия стремительно росло и развивалось, проделав путь от фактически полного отсутствия до обширной сферы общественных отношений, посвящённых оптимизации отношений человека и природы. За это время менялись подходы к управлению, формировались модели управления, дифференцировались его уровни, появлялись новые инструменты.

Термин «экологический менеджмент» часто используется как понятие, синонимичное в России и ряде других стран управлению природопользованием (УПП). Английский перевод обоих этих терминов зачастую звучит одинаково - «*environmental management*». При этом полной заменой друг другу они не являются. В англоязычной литературе существует достаточно много эквивалентов русскому термину «управление природопользованием»: «*environmental regulation*», «*environmental management*», «*nature management*», «*environmental governance*». Каждый из них отражает своего рода этап в смысловой эволюции этого понятия [1].

Собственно, экологический менеджмент (*Environmental Management, Nature Management*) общепринятого определения в зарубежной и российской литературе не имеет. В историческом контексте он проявил себя в основном двумя различными способами: во-первых, стал одним из закономерных этапов развития сферы государственного управления в области природопользования, а во-вторых, с момента появления первых атрибутов государственного регулирования экологический менеджмент являлся частью общего корпоративного менеджмента в тех странах, где его существование отвечало экономической модели развития. Как отраслевое направление нового государственного менеджмента (*New Public Management*) по вопросам природопользования, экологический менеджмент получил наибольшее развитие в зарубежных странах начиная с 1980-х гг., а в корпоративной практике управления стал использоваться примерно с конца 1960-х - начала 1970-х гг.

В последние десятилетия экологический менеджмент стал неременным элементом корпоративного управления и в нашей стране, заняв, в частности, важное место в ESG-повестке и корпоративной культуре в целом. Высокие экологические стандарты производства, соответствующие Целям устойчивого развития ООН, стали необходимым условием присутствия компаний на мировых рынках, что осознаётся и в сфере российского бизнеса, который все чаще на деле демонстрирует свою приверженность глобальной экологической и климатической повестке. Принятие Национальных целей развития России на период до 2036 года¹, среди которых присутствует цель достижения «экологического благополучия»

¹ Указ Президента Российской Федерации от 7 мая 2024 г. № 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года». Гарант.ру. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/408892634/?ysclid=lw4012v5zt802883447> (дата обращения: 02.12.2024).

ещё более повышает значимость совершенствования экологического менеджмента. В связи с этим особую актуальность приобретает осмысление исторических особенностей его развития в мире и выявление ценного опыта в прошлом.

Становление управления природопользованием на национальном уровне

В течение длительного периода времени, вплоть до начала XX века, общество не испытывало необходимости в такой отрасли государственного управления, как управление природопользованием. Этот период характеризуется лишь эпизодическим, фрагментарным контролем со стороны государства за использованием и сохранением природных благ, как правило, лишь наиболее значимых с точки зрения жизни населения.

К настоящему времени в мире почти не осталось стран, где до сих пор полностью отсутствовали бы первичные институты государственного управления природопользованием. Базовое законодательство, посвящённое хотя бы отдельным аспектам, связанным с природопользованием, есть уже практически во всех странах мира. Комплексное рамочное законодательство, определяющее общие подходы к управлению охраной окружающей среды или природными ресурсами, а также ответственный орган управления имеется почти во всех странах. Их отсутствие связано чаще всего с длительной политической нестабильностью, которая не позволяет создавать прочные институты и внедрять долгосрочные нормы в законодательство. Так, в Тунисе проект Экологического кодекса существует с 2013 г., но до реального утверждения так и не дошёл. Наиболее молодые институты созданы в таких странах, как Мьянма, где рамочный закон был принят в 2012 г., а министерство сформировано в 2016 г.; в Сомали в 2022 г. на основе директората создано министерство окружающей среды и изменения климата, а в 2024 г. принят закон об охране окружающей среды.

Впервые правовые основы в области охраны окружающей среды появляются в Европе в начале XX века: в Швеции (1909 г.), Норвегии (1910 г.), Дании (1917 г.), Финляндии (1923 г.), Польше (1934 г.), Эстонии (1935 г.). В это же время формируются первые ведомства, связанные с регулированием природопользования. Например, в Польше первым ведомством считается Государственный совет по охране природы, сформированный в 1925 г. [7].

В России аналогичной по своим функциям стала созданная по инициативе академика И.П.Бородина в 1912 г. Постоянная природоохранительная комиссия Императорского русского географического общества². Заслуженный авторитет членов комиссии и её «императорский» статус создавали надёжные предпосылки для её участия в решении вопросов экологической политики общегосударственного уровня. В постреволюционный период близкие по своей сути функции стало исполнять созданное в 1924 г. Всероссийское общество охраны природы (ВООП)³,

² Воссоздана в составе Русского географического общества в 2011 г.

³ Впоследствии аналогичные природоохранные общественные организации были созданы и в других союзных республиках СССР.

отметившее в текущем году свой 100-летний юбилей. Формально это была общественная организация, но в отсутствие соответствующей государственной структуры и в условиях реального запроса на координацию природоохранной деятельности в стране ВООП занималось фундаментальными вопросами охраны природы на государственном уровне. По существу, институты первой волны создавались, прежде всего, с целью охраны дикой природы и не претендовали на управление всей областью взаимодействия общества и природы.

Этап экологического регулирования. Первый этап становления собственно государственного управления природопользованием приходится в развитых странах на окончание 50-х начало 70-х гг. прошлого века. В это время интенсивная индустриализация приводит к росту проблем экологического характера, а в ряде случаев и катастрофам. В Японии череда вспышек заболеваемости и смертности от поступления тяжелых металлов и пестицидов в окружающую среду в период с 1912 по 1968 гг., известная как «четыре больших заболевания от загрязнения» (*Four Big Pollution Diseases*), повлекла за собой создание в 1971 г. агентства охраны окружающей среды и принятие строгих нормативов загрязнения. В странах мира начинают создаваться основы государственных систем управления природопользованием. Первые министерства, агентства и департаменты по охране окружающей среды появляются в Швеции, Великобритании, Франции, Сингапуре, Японии, Австрии, Норвегии, США, Канаде и др. В союзных республиках СССР формируются государственные комитеты по охране природы, а в Эстонской ССР - Министерство охраны среды (1966 г.). В период с 1957 по 1969 гг. были приняты базовые природоохранные законы в союзных республиках СССР, Норвегии, Польше и США (Рис. 1).

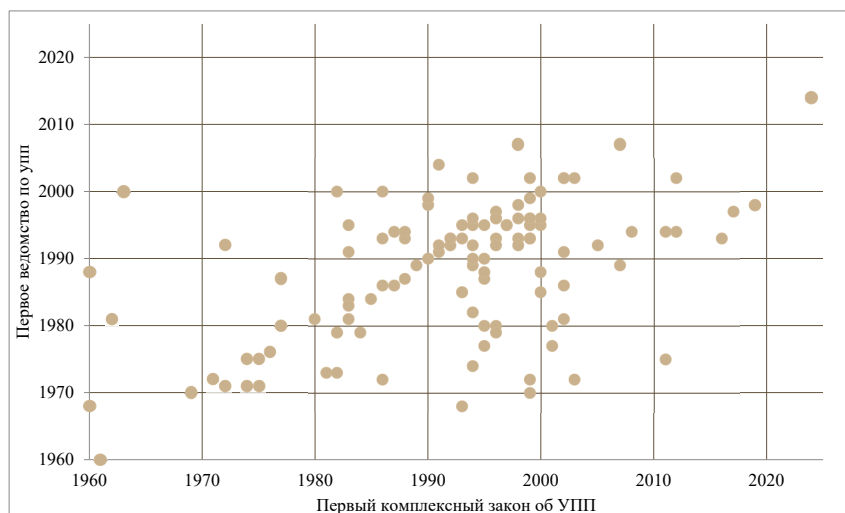

Рисунок 1. Ход создания национальных институтов управления природопользованием в странах мира.

Figure 1. Progress in Establishing National Environmental Management Institutions in Countries around the World.

Источник: составлено автором.

В этот период в теории управления преобладала самая стойкая и наиболее успешная в государственном секторе традиционная модель государственного регулирования, с характерными для нее строгими иерархическими принципами организации [10]. В управлении природопользованием доминировало административное регулирование, и наиболее активная деятельность велась в области создания систем законодательных ограничений хозяйственной деятельности, государственных стандартов качества окружающей среды и нормативов вредного воздействия.

Этап государственного менеджмента в природопользовании. Новый всплеск экономических и экологических проблем в конце 1970-х - начале 1980-х гг. спровоцировал в развитых странах недовольство сложившейся системой государственного управления. Косность, медлительность управленческой бюрократии, отсутствие мотивации у государственных служащих, массивный и затратный государственный аппарат стали предметом острой критики. В ответ на кризис традиционной модели в середине 1980-х гг. в тех странах происходит череда реформ государственного управления.

В государственном управлении возникает концепция нового государственного менеджмента (*New Public Management*), инновационный потенциал которой реализуется по трем основным направлениям: во-первых, взамен традиционных бюрократических принципов широко используются экономические теории и методы; во-вторых, ослабевает роль государства за счет передачи части его функций в область рыночного саморегулирования; в-третьих, реорганизуется сам стиль государственного управления, который заимствовал свои основные атрибуты у корпоративного менеджмента [10].

В секторе государственного управления природопользованием происходят значительные перемены. На смену прямому административному регулированию приходит экологический менеджмент (*Environmental Management*). Сфера использования природных благ предстает в виде совокупности услуг, которые природа может предоставить, а общество использовать (потребить). Государственное управление сосредотачивается на создании такой экономической среды, где достигается оптимальное соотношение между степенью использования услуг природной среды и ее возможностями такие услуги предоставлять [3].

В 1980-90-е гг. в развитых странах активно формируется экономический механизм природопользования, включающий экологические налоги, платежи, сборы, торговлю разрешениями и квотами. В полной мере начинают применяться принятые ранее законы о платежах за загрязнение в Японии, странах Северной Европы, Нидерландах, Франции, Германии [11]. В США законодательно оформляется система торговли разрешениями на выброс диоксида серы. Новая Зеландия переходит на рыночное регулирование рыбного промысла в форме индивидуальных экспортных квот [17].

При этом на фоне реформ, направленных на общее сокращение роли государства в пользу свободного рынка в управлении в целом, именно в секторе управления природопользованием оно в большинстве развитых стран сохранило свои позиции. Так, A.Jordan с коллегами заключают, что инициативы невмешательства государства, предпринятые в странах Западной Европы и Австралии, не привели к значительному сужению зоны охвата административного регулирования в сфере взаимодействия общества и природы [11]. В сфере природопользования рыночный механизм в чистом виде на практике оказался недостаточно эффективен в качестве основы для регулирования. Ущерб окружающей среде от хозяйственной деятельности стал хрестоматийным примером «провалов» рынка не только в экономике, но и в управлении. Поэтому, несмотря на активное распространение рыночных методов управления в секторе природопользования, в развитых странах они ограничиваются рамками административного регулирования [11,10]. Сфера природопользования - это тот случай, когда экономические методы являются необходимым, но не достаточным условием эффективного управления.

Этап экологического руководства. В 1990-х гг. в развитых странах намечается новая смена ключевой парадигмы государственного управления, в которой государственный экологический менеджмент уже не играет прежней доминирующей роли. При этом экономический механизм природопользования как элемент экологического менеджмента в государственной практике управления продолжает развиваться и совершенствоваться.

В качестве основы процессов управления на этот раз главную роль играет не экономическая эффективность, а концептуальная важность общественных институтов и социальных взаимодействий [12]. Первоочередной задачей управления становится создание адекватной структуры учреждений и институтов, которые находили бы баланс между конфликтующими интересами в сфере реализации прав на природные блага [14]. Появляется концепция сетевого управления, когда основой управления становятся саморегулирующиеся сети участников принятия решений. Бизнес и гражданское общество позиционируются как ключевые заинтересованные стороны в этом процессе [8].

Государство становится теперь равноправным партнёром в принятии решений наряду с бизнесом и гражданским обществом. Оно выступает в роли арбитра и организует процесс коммуникаций всех ключевых заинтересованных сторонам. При этом ни одна из сфер не обладает достаточными знаниями и полномочиями, чтобы доминировать в управлении [2,15]. Хотя роль государства размывается, это не трактуется как его слабость. Напротив, ему теперь принадлежат функции руководства (Governance) процессом коммуникаций и «подстраховки» участников управленческого процесса. Рычаги прямого вмешательства в управление государство может использовать в тех случаях, когда саморегулирование сетей становится неэффективным [13].

С конца 1990-х гг. в государственной сфере развитых странах возникает и продолжает формироваться принципиально новая модель управления природопользованием - экологическое руководство (*Environmental Governance*). Она вбирает в себя все достижения в области государственного управления за последние десятилетия: инструменты прямого экологического регулирования; экономический механизм природопользования в совокупности с элементами внутреннего менеджмента; широкий спектр участников процесса принятия решений, способных к саморегулированию; и государство, осуществляющее общее руководство процессом коммуникаций внутри сетей самоуправляющихся организаций [9].

Таким образом, экологический менеджмент в государственной практике управления природопользованием получил наибольшее развитие в 1980-е гг. в развитых странах. В более поздний период он сохранил свои позиции в сфере государственного управления в качестве отдельных его инструментов, но всеобщей основой управления так и не стал.

Корпоративный экологический менеджмент

Впервые экологический менеджмент как корпоративное явление появился по-видимому, в США в конце 1960-х начале 1970-х гг. Одной из главных причин его появления многие эксперты называют рост давления прямых законодательных ограничений на компании, имевший место в этот период, [16]. Поэтому первоначально это была часть внутреннего менеджмента компаний, направленная на обеспечение соблюдения законодательно установленных нормативов вредного воздействия на окружающую среду.

В конце 1970-х и в 1980-е гг. становление и совершенствование менеджмента в практике государственного управления развитых стран и связанного с ним экономического механизма природопользования позволило частично перенести бремя «внешних эффектов» на плечи компаний-загрязнителей. Планомерная реализация законодательного принципа «загрязнитель платит» в странах Европы, США, Японии и Австралии способствовала развитию деятельности по переосмыслению методов использования материальных ресурсов компании с целью минимизации расходов на компенсацию экологического ущерба.

В конце 1980-х гг. после серии аварий в промышленности, связанных с нанесением значительного ущерба окружающей среде (разлив радиоактивных веществ в Теннесси в 1981 г., Чернобыльская авария в 1986 г., пожар на складе завода «Шванцерхалле» химического концерна «Сандос» в швейцарском Базеле в 1986 г., разлив нефти с танкера «Eххон Valdez» в 1989 г. и др.), в ряде компаний экологический менеджмент стал рассматриваться как часть системы промышленной безопасности, включающей также вопросы охраны труда, техники безопасности и предотвращения аварий на производстве. Во многих промышленных компаниях появились департаменты здоровья, окружающей среды и безопасности (*HSE - Health, Safety and Environment*).

К началу 1990-х гг. экологический менеджмент уже более или менее сложился как неотъемлемая часть общей системы корпоративного управления. Его основной задачей было обеспечение выполнения компанией законодательных норм по воздействию на окружающую среду и использованию ресурсов. В дальнейшем интеграция экологических соображений в экономическую сферу способствовала тому, что некоторые компании начали рассматривать экологический менеджмент в качестве инструмента для получения финансовой экономии и конкурентных преимуществ. Сфера его применения стала включать вопросы более эффективного использования ресурсов и снижение рисков техногенных аварий с экологическими последствиями.

1990-е гг. стали для развития экологического менеджмента периодом кардинальных изменений. Конференция ООН по окружающей среде и развитию в Рио-де-Жанейро (1992 г.) привела к целому ряду существенных сдвигов в вопросах совершенствования корпоративного экологического менеджмента. Общим для них является то, что все они основаны на принципе добровольности проводимых изменений.

Во-первых, было отмечено, что бизнес и промышленные круги, в том числе транснациональные корпорации, «вносят основной вклад во все возрастающее процветание, которое является одной из основных целей процесса развития»⁴. Бизнес был признан одной из важнейших движущих сил развития как такового и устойчивого развития в частности, а экологический менеджмент (в английском варианте *Повестки 21*) или рациональное использование окружающей среды (в русском переводе того же документа) стали рассматриваться «в числе наиболее важных корпоративных приоритетов, а также в качестве ключевой предпосылки устойчивого развития»⁵.

В 1992 г. был организован форум «Совет бизнеса для устойчивого развития». Концепция экологической эффективности (*Eco-Efficiency*), рассмотренная в первой публикации форума «Смена курса: глобальная перспектива бизнеса по окружающей среде и развитию», была одобрена в Повестке дня на XXI век на саммите ООН в Рио-де-Жанейро в качестве новой управленческой идеологии для промышленных компаний. В 1995 г. форум был переименован во Всемирный Совет предпринимателей по устойчивому развитию (ВСПУР/WBCSD), объединяющий более 200 компаний по всему миру с совокупным доходом более 7 трлн долл. США⁶. Для компаний-членов совет является своего рода площадкой для обмена передовым опытом по вопросам устойчивого развития.

⁴ Повестка дня на XXI век. Принята Конференцией ООН по окружающей среде и развитию, Рио-де-Жанейро, 3–14 июня 1992 года. ООН. URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/agenda21.shtml (дата обращения: 02.12.2024).

⁵ Повестка дня на XXI век. Принята Конференцией ООН по окружающей среде и развитию, Рио-де-Жанейро, 3–14 июня 1992 года. ООН. URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/agenda21.shtml (дата обращения: 02.12.2024).

⁶ US BCSO initiates collaborative projects, platforms & partnerships to scale solutions to ecosystems, energy, carbon, materials, water and equity challenges. USBOSD. URL: <http://usbosd.org> (дата обращения: 02.12.2024).

Во-вторых, в 1992 г. вводится система добровольной сертификации экологического менеджмента. Она начинается с британского стандарта BS 7750, выпущенного в 1992 г. Затем в 1996 г. Международная организация по стандартизации (ISO) выпустила стандарт ISO 14001 (пересмотрен в 2004 г.), в котором определялись принципы функционирования систем экологического менеджмента. Стандарты призваны обеспечить соблюдение минимальных критериев к таким системам. Существенно, что согласно определению, заложенному в исходном стандарте ISO 14001, система экологического менеджмента включала, помимо прочего, «процедуры, процессы и ресурсы для разработки, внедрения, оценки достигнутых результатов реализации и совершенствования экологической политики, целей и задач» (ГОСТ Р ИСО 14001-98)⁷, то есть уже позиционировалась как инструмент экологической политики компании. В последующие годы был принят ещё ряд стандартов серии ISO 14000 по отдельным аспектам экологического менеджмента. По данным разработчиков, к концу 2008 г. стандарты серии ISO 14000 использовались организациями уже в 155 странах мира⁸.

Кроме того, появившаяся в государственном управлении развитых стран в 1990-х гг. концепция сетевого управления, а в дальнейшем и экологического руководства, подразумевала формирование широкого диапазона взаимосвязей между государством, обществом и бизнесом. Одним из новых инструментов экологической политики в тот период стал механизм добровольных соглашений (*Voluntary Agreements*). Они представляли собой взятые на себя компаниями односторонние обязательства или договорные отношения между органами государственной власти, общества и представителями бизнеса по различным вопросам, включающим обычно сокращение выбросов и сбросов загрязняющих веществ в окружающую среду, переработку и утилизацию отходов. Как правило, взятые на себя обязательства, были строже действующих на тот момент законодательных ограничений. Эта практика получила наиболее широкое распространение в странах Европы, особенно в Нидерландах, Германии и Греции. В этих трех странах к 1996 г. действовало около 270 таких соглашений, а в Европе в целом порядка 300⁹. Подобные подходы были реализованы также в США, Новой Зеландии и Австралии [4].

События в мировой политике 1990-х гг., инициирование процесса сертификации, политика добровольных соглашений обозначили очень важный этап в становлении корпоративного экологического менеджмента: он вышел за рамки государственной регламентации и стал инструментом стратегического

⁷ ГОСТ Р ИСО 14001-98. Системы управления окружающей средой. Требования и руководство по применению (принят и введён в действие Постановлением Госстандарта РФ от 21.10.1998 № 378). Гарант.ру. URL: <https://base.garant.ru/6177356/> (дата обращения: 02.12.2024).

⁸ Tackling environmental challenges with the ISO 14000 family of International Standards. ISO. URL: <https://www.iso.org/standards/popular/iso-14000-family> (дата обращения: 02.12.2024).

⁹ Environmental Agreements, Environmental Effectiveness. European Environmental Agency. URL: <https://www.eea.europa.eu/media/newsreleases/prenvag.html> (дата обращения: 02.12.2024).

планирования и внедрения собственной политики компаний, связанной с использованием природных ресурсов и воздействием на окружающую среду.

В 2000-х гг. процесс вовлечения бизнеса в управление природопользованием продолжился и распространился на уровень малых и средних предприятий. Серия встреч в рамках форума «Партнерство для будущего, которого мы хотим» в период проведения встречи на высшем уровне «Рио+20» в 2012 г. была посвящена включению экологических целей в бизнес-модели малых предприятий.

Инициативы «зелёного роста» и «зелёной экономики», появившиеся в тот же период, способствовали активизации инновационной деятельности в сфере экологизации бизнеса. Одной из наиболее заметных новых концепций стали «зелёные» модели бизнеса (*Green Business Models*). В отличие от простого производства «зелёной» продукции и рационализации использования ресурсов (например, экономии энергии), «зеленые» бизнес модели, подразумевают собой радикальные, системные преобразования, касающиеся самого подхода к ведению бизнеса [5]. Они способствуют развитию продуктов и услуг (систем) с экологическими выгодами, сокращению количества потребляемых ресурсов и объёмов образования отходов и при этом являются экономически жизнеспособными¹⁰. Примеры воплощения «зелёных» моделей как результат политики экойнноваций активно исследуются в настоящее время в странах-членах ОЭСР и странах Северной Европы. Сегодня существует уже достаточно большое разнообразие таких моделей. Это, например, модели функциональных продаж, услуг по сокращению энергопотребления, индустриального симбиоза, системные модели (концепция экогородов) и др. [5]. Применение «зелёных» моделей бизнеса способствует, помимо расширения функций собственно экологического менеджмента компаний, проникновению экологических приоритетов во все сферы корпоративного управления. Весь процесс управления производством и продвижения продукта должен теперь учитывать «зелёные» цели.

В последние два десятилетия стал активно развиваться тренд на ответственное инвестирование. Импульс ему придало подписанное в 2015 г. большинством стран Парижское соглашение по климату. Инвесторы стали проявлять интерес к вопросам снижения выбросов парниковых газов на корпоративном уровне, а также в целом к корпоративной политике в области устойчивого развития на корпоративном уровне. Формируются необходимые для этого атрибуты - система рейтингования, стандарты раскрытия информации и др. Базовой концепцией для ответственного инвестирования стала повестка ESG (*Environmental, Social and Governance*), которая включает набор анализируемых показателей по вопросам, связанным с охраной окружающей среды и климата, социальной политике, системе корпоративного управления и приверженности Целям устойчивого

¹⁰ Green paper. Danish Water Forum. URL: http://www.danishwaterforum.dk/activities/Water_and_green_growth/greenpaper_fora_211010_green_business%20models.pdf (дата обращения: 02.12.2024).

развития ООН. В связи с этими изменениями экологический менеджмент в компаниях, фокусирующихся на ESG, становится частью более масштабной системы корпоративного управления. Повышается его значимость, расширяются возможности влиять на принятие решений и способность формировать стратегические цели развития компаний. Во многих бизнес-структурах управленческие функции в этой сфере передаются директорам по устойчивому развитию. Сам факт появления такой позиции и близких по своим функциям подразделений в большинстве крупных компаний в последнее десятилетие стал отражением устойчивого тренда на экологизацию в системе с другими факторами обеспечения долговременной устойчивости производств и национальных экономик в целом.

Заключение

В наше время, в связи с осознанной в социуме необходимостью коренной трансформации общей мировой модели развития и перехода к «зелёной» экономике, управление природопользованием на уровне наиболее развитых стран испытывает фундаментальные изменения. Эти изменения связаны в значительной степени с переносом акцентов в управлении с государственной сферы на негосударственные институты.

Экологический менеджмент в государственном управлении наиболее развитых стран теряет свои доминирующие позиции, сменяясь с конца 1990-х гг. новой парадигмой - экологическим руководством (*Environmental Governance*), при котором обеспечивается участие в управлении всех заинтересованных сторон, прежде всего гражданского общества и бизнеса, с координирующей и руководящей ролью государства.

Непременным атрибутом системы управления природопользованием и одной из точек её опоры должен стать активный, хорошо организованный, социально ответственный бизнес. В связи с этим радикально повышается значимость корпоративного экологического менеджмента. Расширяются его функции и усиливается влияние. В этом смысле экологический менеджмент переживает свой второй «ренессанс» в практике управления природопользованием. Экологический менеджмент из подчинённой системы управления, основной целью которой являлось обеспечение соблюдения компанией установленных государством рамок воздействия на окружающую среду, трансформируется в инструмент, определяющий стратегию и тактику развития компании в соответствии с принципами устойчивого развития и «зелёной» экономики.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Васенькина Е.Ю., Мазуров Ю.Л. Управление природопользованием: географический контекст // Рациональное природопользование: теория, практика, образование. 2012. С. 32-39.
2. Сморгунов Л.В. Сетевой подход к политике и управлению // ПОЛИС. 2001. № 3. С. 103-112.
3. Barrow C.J. Environmental Management: Principles and Practice. L.: Routledge. 1999. 326 p.
4. Bayley I. New Environmental Policy Instruments in the European Union: Politics, Economics and the Implementation of the Packaging Waste Directive. Farnham: Ashgate Publishing. 2003. 223 p.
5. Beltramello A., Haie-Fayle L., Pilat D. Why New Business Models Matter for Green Growth. Paris: OECD Publishing. 2013. 107 p.
6. Bridge G., Perreault T. Environmental Governance. Walden: Wiley-Blackwell. 2009. 605 p.
7. Cole D.H. An Outline History of Environmental Law and Administration in Poland // Faculty Publications. 1995. No. 691. Pp. 297-358.
8. Desai U. Environmental Politics and Policy in Industrialized Countries. Massachusetts: MIT Press. 2002. 403 p.
9. Hempel L.C. Environmental Governance: the Global Challenge. Washington: Island Press. 1996. 291 p.
10. Hughes O.E. Public Management and Administration: an Introduction. N.Y.: Palgrave Macmillan. 2003. 303 p.
11. Jordan A., Wurzel R.K.W., Zito A.R. Environmental Governance... or Government? The International Politics of Environmental Instruments. Cheltenham: Edward Elgar Publishing Ltd. 2005. 560 p.
12. Lecours A. New Institutionalism: Issues and Questions. Toronto: Toronto Press Incorporated. 2005. 380 p.
13. Mayntz R. From Government to Governance: Political Steering in Modern Societies. L.: Routledge. 2006. 377 p.
14. Paavola J. Institutions and Environmental Governance: A Re-conceptualization // Ecological economics. 2007. No 63. Pp. 93-103.
15. Rhodes R.A.W. Understanding Governance. Policy Networks, Governance, Re-Flexibility and Accountability. L.: Open University Press. 1997. 235 p.
16. Sullivan R., Windham H. Effective Environmental Management: Principles and Case Studies. Crows Nest: Allen & Unwin. 2001. 264 p.
17. Yandle T. Developing a Co-management Approach in New Zealand Fisheries. Lanham: Rowman & Littlefield Publishers. 2004. 278 p.

ENVIRONMENTAL GOVERNANCE AND ENVIRONMENTAL MANAGEMENT: CURRENT RETROSPECTIVE OF TRENDS

E.Yu. Vasenkina

Candidate of Geographical Sciences, Expert Analyst at the Department Fuel and Energy Complex Research of the Institute of Natural Monopoly Problems, Moscow, Russia
e-mail: vaseslena@gmail.com
ORCID: 0009-0001-3684-6046

Yu.L. Mazurov

Doctor of Geographical Sciences, Professor at the Department of Rational Nature Management of the Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia
e-mail: jmazurov@yandex.ru
ORCID: 0000-0001-9716-2783

Abstract. The article examines the relationship between the Russian-language concept of “environmental governance” and the term “environmental management”, which came from the English lexicon and has become established in the professional domestic vocabulary over time. It demonstrates the inadmissibility of considering them as analogues or multilingual synonyms and indicates the role and place of environmental management in the practice of environmental governance from a historical aspect. The main stages of its formation and development trends in public and corporate management regarding the interaction between nature and society are analysed. Particular attention is paid to the detailed formation of environmental management at the national level in various countries of the world and the establishment of corporate environmental management as a structural component of national environmental governance systems or environmental regulation. The logical nature of the increase in the importance of corporate environmental management in modern conditions, the expansion of functions and strengthening of its influence is noted. Environmental management from a subordinate management system, the main purpose of which was to ensure the company’s compliance with the framework of environmental impact established by the state, is transformed into a tool that determines the strategy and tactics of the company’s development in accordance with the principles of sustainable development and the “green” economy.

Keywords: environmental management, sustainable development, green economy, environmental governance.

Submitted: December 05, 2024
Accepted: December 13, 2024

UDC 338.23
DOI: 10.24833/2949-639X-2024-4-10-62-75

REFERENCES:

1. Vasen'kina E.Ju., Mazurov Ju.L. Upravlenie prirodopol'zovaniem: geograficheskij kontekst [Environmental Management: Geographical Context]. *Racional'noe prirodopol'zovanie: teorija, praktika, obrazovanie* [Environmental Management: Theory, Practice, Education], 2012, pp. 32-39. (In Russ.).
2. Smorgunov L.V. Setevoj podhod k politike i upravleniju [A Network Approach to Policy and Management]. *POLIS* [POLIS], 2001, no. 3, pp. 103-112. (In Russ.).
3. Barrow C.J. *Environmental Management: Principles and Practice*. L., Routledge, 1999, 326 p.
4. Bayley I. *New Environmental Policy Instruments in the European Union: Politics, Economics and the Implementation of the Packaging Waste Directive*. Farnham, Ashgate Publishing, 2003, 223 p.
5. Beltramello A., Haie-Fayle L., Pilat D. *Why New Business Models Matter for Green Growth*. Paris, OECD Publishing, 2013, 107 p.
6. Bridge G., Perreault T. *Environmental Governance*. Walden, Wiley-Blackwell, 2009, 605 p.
7. Cole D.H. An Outline History of Environmental Law and Administration in Poland. *Faculty Publications*, 1995, no. 691, pp. 297-358.
8. Desai U. *Environmental Politics and Policy in Industrialized Countries*. Massachusetts, MIT Press, 2002, 403 p.
9. Hempel L.C. *Environmental Governance: the Global Challenge*. Washington, Island Press, 1996, 291 p.
10. Hughes O.E. *Public Management and Administration: an Introduction*. N.Y., Palgrave Macmillan, 2003, 303 p.
11. Jordan A., Wurzel R.K.W., Zito A.R. *Environmental Governance... or Government? The International Politics of Environmental Instruments*. Cheltenham, Edward Elgar Publishing Ltd., 2005, 560 p.
12. Lecours A. *New Institutionalism: Issues and Questions*. Toronto, Toronto Press Incorporated, 2005, 380 p.
13. Mayntz R. *From Government to Governance: Political Steering in Modern Societies*. L., Routledge, 2006, 377 p.
14. Paavola J. Institutions and Environmental Governance: A Re-conceptualization. *Ecological economics*, 2007, no. 63, pp. 93-103.
15. Rhodes R.A.W. *Understanding Governance. Policy Networks, Governance, Re-Flexibility and Accountability*. L., Open University Press, 1997, 235 p.
16. Sullivan R., Windham H. *Effective Environmental Management: Principles and Case Studies*. Crows Nest, Allen & Unwin, 2001, 264 p.
17. Yandle T. *Developing a Co-management Approach in New Zealand Fisheries*. Lanham, Rowman & Littlefield Publishers, 2004, 278 p.

ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫЙ КАПИТАЛ КАК ОБЪЕКТ ОЦЕНКИ И УПРАВЛЕНИЯ

Л.И. Цветкова

доктор экономических наук, доцент, профессор кафедры управления рисками и страхования МГИМО МИД России, Москва, Россия
e-mail: l.tsvetkova@inno.mgimo.ru
ORCID: 0000-0002-9851-3984

Аннотация. Статья посвящена поиску метода определения интеллектуального капитала как объекта управления и способу его однозначной оценки. Несмотря на то, что определение интеллектуального капитала является пока дискуссионным, этот термин в большинстве случаев рассматривается как совокупность знаний, навыков и производственного опыта, используемых в целях создания общественно полезных благ при максимизации прибыли и повышении других экономических и технических результатов. Невозможно управлять никаким объектом, если нет возможности его идентифицировать и контролировать уровень оценки. Имеющиеся в настоящее время методы оценки интеллектуального капитала опираются, как правило, на очевидные результаты его использования. В состав его овеществленной части включаются патенты, базы данных, программное обеспечение, товарные знаки и другие элементы так называемого структурного капитала в составе интеллектуального. Однако эта часть, как правило, не оценивается и потому не может анализироваться с точки зрения эффективности. Автором делается попытка дать стройное определение сущностного смысла интеллектуального капитала и его функций в управлении эффективностью экономической деятельности и предложить логичный метод его оценки. Выводы настоящей работы могут быть использованы линейными и высшими управлениями в целях повышения эффективности бизнес-процессов, осуществляемых предприятием.

Ключевые слова: интеллектуальный капитал, интеллектуальная собственность, эффективные решения, корпоративные стандарты, коэффициент Тобина, метод VAIC, формализуемые знания, неявные знания, западный и японский подходы к созданию корпоративного интеллектуального капитала.

Поступила в редакцию: 06.12.2024
Принята к публикации: 13.12.2024

УДК 330.142.2
DOI: 10.24833/2949-639X-2024-4-10-76-99

Введение

Широкое признание интеллектуального капитала как источника конкурентных преимуществ привело к необходимости разработки методов его измерения [11,13], поскольку традиционные финансовые инструменты не способны охватить все его аспекты.

Точно так же Эдвинссон и Мэлоун определили интеллектуальный капитал как знания, которые могут быть преобразованы в ценность [19]. Стюарт утверждал, что интеллектуальные ресурсы, такие как знания, информация и опыт, являются инструментами для создания богатства и определены как интеллектуальный капитал [24].

За последние два десятилетия произошло резкое увеличение инвестиций в интеллектуальный капитал по сравнению с общим объемом инвестиций компании. Исследователи называют такой рост смещением в сторону «экономики знаний» и объясняют рост производительности на макро- и фирменном уровне интенсивными инвестициями в интеллектуальный капитал. Считается, что резкое увеличение доли интеллектуальных активов по сравнению с общим объемом инвестиций компании является основной причиной явной ощутимой разницы между балансовой стоимостью компаний и рыночной стоимостью.

Однако инвестиции в развитие интеллектуального капитала считаются более рискованными по сравнению с материальными и финансовыми активами. Это объясняется высокой неопределенностью состава активов, составляющих интеллектуальный капитал, что делает затруднительным управление им как инструментом, способствующим получению будущих прибылей. Кроме того, расширение отдельных элементов интеллектуальных ресурсов становится причиной их взаимных противоречий, поскольку они развиваются и оплачиваются за счет ограниченных финансовых вложений.

Управлять этим противоречием можно лишь путем определения и создания исчерпывающего перечня объектов, воплощающих интеллектуальный капитал, и их квалифицированной оценки. В настоящее время существует немало методик оценки интеллектуального капитала. Однако эти методики носят косвенный характер, и суть этих методик состоит в определении наличия интеллектуального капитала по результатам его присутствия, без выявления включаемых в него активов. Такая косвенная оценка делает затруднительной установление как актуального состояния, так и целевого значения интеллектуального капитала фирмы как объекта управления.

Важно определить существование и сущность интеллектуального капитала как основу, источник, базу создания стоимости, в первую очередь для того, чтобы выделить его как объект для управления процессом его накопления.

Предложения по методике оценки интеллектуального капитала компании являются целью настоящей работы.

Исследование

Несмотря на разнообразие имеющихся определений интеллектуального капитала, они базируются на его оценке как комплексе знаний или как выражение экономических результатов его использования [33]. Значительное число ученых и практиков выделяют три его основных компонента:

- человеческий капитал (созидающие способности личности);
- структурный капитал (стратегия и культура, структуры и системы, организационные правила и процедуры, принятые фирмой);
- отношенческий (клиентский, реляционный) капитал как способность к установлению фирмой эффективных внешних и внутренних коммуникаций [40, 46, 55, 56, 52, 53].

В таблице 1 представлены наиболее часто используемые методы оценки интеллектуального капитала [13, 1].

Таблица 1. Краткая характеристика методов оценки интеллектуального капитала
Table 1. Short characteristic of methods of assessment of the intellectual capital

п/п	Метод оценки	Краткая характеристика
1.	Коэффициент Д. Тобина	Отношение рыночной стоимости объекта к стоимости его замены.
2.	Метод К.Э. Свейби	Интеллектуальный капитал оценивается по системе значений, упорядоченных в матрице; выстраивается график с областью значений компетенции персонала и эффективность работы.
3.	Система показателей Нортон и Кэплэна	Выделяется 4 блока показателей: финансовые; клиентские; внутренних процессов (инновационных); обучения.
4.	Индекс интеллектуального капитала	Методика, нацеленная на построение картины создания стоимости в компании. Подход объединяет стратегию, нефинансовые характеристики, финансы и добавленную стоимость.
5.	Метод Пулика	Определяет эффективность использования трех типов ресурсов фирмы: CEE, HCE и SCE.

Источник: составлено автором на основе: 48, 44, 3, 28, 39.

Представленные методы опираются на оценку результатов включения интеллектуального капитала в процесс создания стоимости как косвенные свидетельства его наличия и эффективности.

Из множества способов и подходов оценки интеллектуального капитала (см. Таблицу 1) наиболее распространенными является расчет «индекса Q» Джеймса Тобина [48] и метод оценки интеллектуального капитала Пулика [39].

«Индекс Q» - это отношение рыночной стоимости физических активов к затратам на их замещение. Он может быть исчислен двумя различными способами:

- в первом случае рыночная капитализация фирмы сопоставляется с величиной ее чистых активов (стоимостью замещения объекта);
- во втором случае сравнивается рыночная цена акций и облигаций фирмы с балансовой стоимостью активов фирмы.

При использовании первого подхода успешно функционирующая фирма имеет показатель $Q > 1$. Это означает, что рынок высоко оценивает (stock is overloaded) интеллектуальный капитал компании. Знания, навыки и способности работников в совокупности с эффективным менеджментом обеспечивают компании ее экономическую конкурентоспособность. Если же $Q < 1$, то рынок

не высоко оценивает компанию (stock is undervalued). Низкий Q-индекс является первым признаком того, что компания может быть поглощена своими прямыми конкурентами.

$$Q = \frac{\text{Рыночная стоимость объекта}}{\text{Стоимость замещения объекта}} \quad (1)$$

Однако, как показано у Филипа Х. Дибвига и Митча Варачки, применение данного метода ограничено, поскольку точность показателей, участвующих в расчете Q-фактора, имеют вероятностный характер, что снижает достоверность проведения на его основе теоретического и эмпирического анализа [18].

Упомянутые авторы доказали, что «индекс Q» Тобина является зависимым относительно масштаба фирмы, и поэтому в зависимости от величины фирмы меньший объем инвестиций сопровождается большим Q Тобина, что не всегда делает эффективными управленческие решения на его основе.

К недостаткам рассматриваемой методики также следует отнести включение в стоимость активов (замещающих средств) оборотных и нематериальных активов, хотя не все составляющие данных статей отражают наличие интеллектуального капитала, что делает оценку с использованием коэффициента Тобина неточной.

Второй метод расчета по Тобину основывается на определении всех затрат, которые необходимо будет совершить для создания интеллектуального капитала. В затраты включается заработная плата, обучение, поиск работников и т.д.

По этому методу оценки интеллектуального капитала (ИК) он определяется по формуле:

$$ИК = \text{рыночная стоимость объекта} - \text{балансовая стоимость объекта} \quad (2)$$

Однако в научной литературе вопрос неравенства рыночной и балансовой стоимостей рассматривается по-разному. Некоторые ученые уверены, что это проблема учетной политики, и ее необходимо решать посредством отражения неосязаемых активов на балансе компании. Однако ряд исследователей считает, что различие между этими стоимостями объясняется чем-то неявным, что и должно стать объектом изучения, анализа и оценки как объекта управления [35]. Частично и в настоящей работе делается попытка такого анализа.

Пулик разработал еще один популярный метод, измеряющий эффективность добавленной стоимости по корпоративным интеллектуальным способностям (интеллектуальный коэффициент добавленной стоимости, VAIC).

VAIC измеряет эффективность трех типов вводимых ресурсов: финансово-го капитала, человеческого капитала и структурного капитала, который также часто называют отношенческим или клиентским капиталом [17]. Это название предполагает, что в состав этого элемента интеллектуального капитала входят инструменты установления коммуникаций с участниками производственного цикла фирмы.

Метод VAIC отличается тем, что он представляет в качестве инструментов создания добавленной стоимости финансовый, человеческий и структурный капитал и косвенно измеряет его эффективность посредством измерения совокупной эффективности использования финансового капитала (VACA), эффективности человеческого капитала (HCE) и эффективности структурного капитала (SCE). Чем выше VAIC, тем лучше использование потенциала создания стоимости фирмы.

Таким образом, эффективность интеллектуального капитала определяется тремя составляющими: человеческий капитал, структурный капитал и фактический (финансовый) капитал.

$$VAIC = HSE + SCE + CEE, \quad (3)$$

где:

VAIC - представляет добавленную стоимость, созданную за счет использования интеллектуального капитала;

CEE - представляет добавленную стоимость, созданную за счет использования финансового капитала;

HCE - представляет добавленную стоимость, созданную за счет использования человеческого капитала;

SCE - представляет добавленную стоимость, созданную за счет использования структурного капитала.

Эта модель начинается со способности организации создавать добавленную стоимость.

Добавленную стоимость (VA) можно рассчитать по следующему уравнению:

$$VA = R - S, \quad (4)$$

где:

VA - добавленная стоимость;

R - доход;

S - затраты.

При этом коэффициент эффективности человеческого капитала (HCE) согласно методики рассчитывается так:

$$HCE = VA / HC, \quad (5)$$

где:

HCE - эффективность человеческого капитала;

VA - добавленная стоимость;

HC - расходы на сотрудников (заработная плата и оклад).

Эффективность финансового капитала (CEE) рассчитывается следующим образом:

$$CEE = VA / CE, \quad (6)$$

где:

CEE - добавленная стоимость/материальные активы;

CE - финансовые активы, которые оцениваются как разность общих и нематериальных активов;

VA - добавленная стоимость.

Эффективность структурного капитала (SCE) будет рассчитываться следующим образом:

$$SCE = SC / VA = (\text{структурный капитал}) / (\text{добавленная стоимость}), \quad (7)$$

где:

SCE - эффективность структурного капитала;

SC - структурный капитал, равный:

$$SC = VA - HC, \quad (8)$$

где:

VA - добавленная стоимость;

HC - расходы на сотрудников.

Данный метод позволяет оценить наличие и величину интеллектуального капитала косвенно, через результат его вложения: стоимость фирмы, эффективность создания новой стоимости и прочее. При этом справедливость такой косвенной оценки часто вызывает возражения, основанные на доводах об иных причинах роста предлагаемых индикаторов.

Например, эмпирическое исследование Д.Мадиноса и других [32] не подтвердило гипотезу о том, что инвесторы оценивают выше стоимость фирм с большим интеллектуальным капиталом (VAIC). При этом некоторые исследователи высказали мнение, что инвесторы, принимая инвестиционные решения при оценке реальной стоимости инвестируемой компании на самом деле опираются только на оценку ее человеческого капитала. В частности, результаты сравнительного анализа динамики VAIC и инвестиционной активности для различных фирм ясно показывают, что инвесторы по отдельности оценивают каждый из трех компонентов VAIC. Эффективность человеческого капитала оценивается отдельно от других компонентов.

Авторы Винарто, Хоанг и др., Ву и др., Батчимег, К.Сингх и др. доказывают, что статистический анализ зависимости инвестиционной активности с каждым из компонентов VAIC по отдельности дает те же результаты, что и анализ по VAIC, что делает бессмысленным сам коэффициент [10, 23, 51, 9, 42]. Кроме того, это может свидетельствовать просто о связи инвестиционных решений с эффективностью деятельности фирмы.

К тому же, по мнению ряда авторов, каждая составляющая VAIC, в конечном итоге, оценивает именно такую связь, которая, по их мнению, неочевидно связана с интеллектуальным капиталом [32].

Автору представляется очевидной потребность в таких показателях, которые фиксируют наличие и объем самого интеллектуального капитала как объекта управления, а не косвенные показатели его присутствия у фирмы.

Эта проблема стала предметом исследования Каила Л.Шана, предложившего в качестве такого показателя «Индекс интеллектуального капитала» (ICI), который призван оценить интеллектуальный капитал в масштабах национальной экономики [28]. Автор оценивает уровень интеллектуального капитала национальной экономики как уровень приобретаемых компетенций работающих в этой экономике специалистов. Согласно авторской трактовке, «индекс интеллектуального капитала (ICI) - это показатель способности стран извлекать выгоду из экономики знаний путем развития среды образования, творчества и привлечения талантов».

Проще говоря, показатель ICI предлагается использовать в качестве барометра уровня наличия у страны «умников» как носителей уникальных знаний, обеспечивающих конкурентоспособность всей национальной экономики. При этом не следует ассоциировать интеллектуальный капитал с обладанием большим объемом знаний, которому обучают национальные образовательные учреждения.

Совершенно справедливо считать, что помимо накопленных знаний именно творчество должно быть неотъемлемой частью любого измерения интеллектуального капитала. Авторы теории обращают внимание на глубоко личностные способности людей, поскольку обучение и запоминание становятся еще менее ценными в эпоху, когда компьютеры и роботы легко доступны.

Действительно, творчество - это то, что отделяет человека от роботов. Это ключ, который раскрывает силу образования. Значит, показатели уровня интеллектуального капитала, помимо человеческих способностей и приобретенных компетенций личности, должны включать эмоциональный интеллект (EQ) как способность к социальным коммуникациям и культурный интеллект (CQ) как способность к социальным коммуникациям.

Члены общества, обладающие этими видами интеллекта, Каил Л.Шан называет «умниками» - то есть теми, кто будет стимулировать экономику знаний. Поэтому страны, которые нацелены на форсирование и накопление именно такого интеллектуального капитала, будут лучше всего подготовлены к революции знаний, воплощенной в подъеме больших данных, облачных вычислений, искусственного интеллекта и т.д. Можно резюмировать, что в этом подходе основной составляющей интеллектуального капитала является человеческий капитал как капитал творческого использования знаний (рисунок 1), оценка которого весьма проблематична.

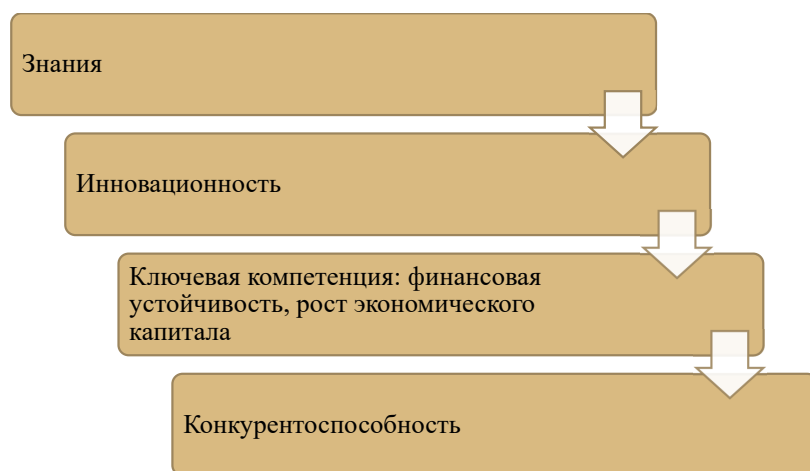

Рисунок 1. Структура влияния знаний на обеспечение конкурентоспособности экономики.

Figure 1. Structure of Influence of Knowledge on Ensuring Competitiveness of Economy.

Источник: составлено автором.

Именно проблемы оценки человеческого капитала заставляют оценивать уровень интеллектуального капитала через косвенные показатели.

Признание истинности этого взгляда на происхождение интеллектуального капитала остается открытым и требующим решения вопросом: как измерять и управлять приращением эмоционального (коммуникационного) и культурного капитала как на личностном уровне, так и на уровне организации или уровне всей экономики.

При попытке поиска ответов на поставленные в предшествующих работах вопросы в настоящем исследовании автором выдвигается гипотеза, которую предполагается обосновать.

Основная гипотеза

Интеллектуальный капитал воплощается в компетенциях по принятию новых эффективных решений, что является основой создания инноваций. Следовательно, интеллектуальный капитал любого экономического агента воплощается в стандарты принятия решений по организации или реализации созидательных процессов, имеющих форму интеллектуальной собственности.

Таким образом, в качестве стоимости интеллектуального капитала справедливо использовать стоимость прав на созданную интеллектуальную собственность, за которую она может быть реализована как у фирмы, так и на свободном рынке.

Гипотеза будет признана доказанной, если будет доказана связь роста добавленной стоимости (EVA) и стоимости интеллектуальной собственности, используемой фирмой, а также взаимозависимость роста рыночной стоимости фирмы и роста стоимости привлекаемой ею интеллектуальной собственности.

Обоснование гипотезы

Мысль Л.Эдвинсона о том, что «знания обеспечивают рост рентабельности использования всех прочих ресурсов» [7], по сути дела, означает, что такой эффект обеспечивает принятие решений на основе знаний, поскольку создание добавленной стоимости переводит включаемый в оборот ресурс в разряд капитала.

Остановимся на понимании интеллектуального капитала отдельной личности как на ее способности принимать эффективные решения в процессе созидательной деятельности. Это означает, что необходимость в принятии решений в некоторой ситуации возникает, если ранее возникшая проблема не решалась, и ее решение принимается впервые или заново. Если принятое решение эффективно, то оно является новым знанием, которое, будучи закрепленным, переходит в разряд интеллектуального капитала. Стоит вопрос: как определить и измерить стоимость обладания этим знанием и как определить форму его существования.

Знание может быть теоретическим, практическим, а также воплощать лучшие организационные практики. Еще одним категорийным делением, по мнению Альфреда Чендлера, Питера Хагстрема и Орджана Солвелла, является их деление на явные и скрытые [14]. Понимание разницы между явным знанием и скрытым знанием является основным отличием западного подхода к знаниям от японского.

Согласно западному подходу, получение знаний представляет собой процесс обучения результатам решений одних индивидов другими. При этом объектом изучения является база знаний, воплощенная в корпоративных стандартах и правилах, составляющих структурный и реляционный капитал как составных элементов интеллектуального. А мотивированность личностей в использовании корпоративных знаний и способность к созданию новых должна обеспечиваться менеджментом путем использования стандартов управления, также относящихся к реляционному, коммуникационному сегменту интеллектуального капитала фирмы. Возникшее и зафиксированное таким образом знание становится собственностью корпорации, ее капиталом.

Ронни Лессем, описывая процесс создания корпоративного интеллектуального капитала, выделяет три процесса, в ходе которых создаются знания компании [30].

Во-первых, новые знания в основном приобретаются в процессе деятельности при решении проблем. Это генеративный процесс, порождающий знания при принятии решений.

Во-вторых, это новое знание используется в продуктивном процессе, в качестве стандарта, обеспечивающего основу для создания новых предложений.

В-третьих, после декларирования знаний в форме корпоративных стандартов идет репрезентативный процесс, в котором знания, трансформированные в новые продукты, предлагаются потребителям.

Как отмечал Й. Шумпетер, ориентация на удовлетворение рыночных потребностей за счет предпринимательских инновационных подходов, оформленных как знания, обеспечит компаниям возможность установления рыночной цены, включающей дополнительную инновационную, квазимонопольную сверхренту, то есть обеспечивающей рост EVA [6].

Собственником интеллектуального капитала, производящего новую стоимость, при этом является фирма, внедряющая стандарт новых товаров, услуг и способов их производства и получающая добавленную стоимость за счет установления монопольно высокой цены [5] или за счет снижения затрат [4].

Обобщая приведенные рассуждения, можно сделать вывод, что в практическом менеджменте интеллектуальный капитал, согласно западному подходу, является корпоративной базой знаний, воплощаемой в стандарты принятия решений различного уровня.

Согласно этому подходу, интеллектуальный капитал не включает в себя эмоциональный и культурный интеллект, что составляет суть человеческого капитала. Предполагается, что личностные особенности могут быть воспитаны в процессе управления, а те, которые не могут быть воспитаны - должны быть стандартизированы. Владение не принадлежащим фирме интеллектуальным капиталом за отдельными личностями не предполагается, и все его элементы должны принадлежать корпорации. Отсюда следует вывод, что интеллектуальный капитал как объект управления - это корпоративная база знаний и мотивированный к ее изучению и использованию сотрудник.

Что касается японского подхода, то, в отличие от американского, здесь считается, что самые ценные знания - это знания «скрытые», заключенные в личном опыте человека.

Создание новых знаний, согласно японской теории, будучи динамическим процессом, в который включен человек, не может управляться с помощью командования и контроля. Наоборот, новые знания появляются, если создан контекст для взаимопонимания, порождающий преданность идее, идеалам, а также имеют место взаимоотношения, в которых важно социальное взаимодействие и креативность.

В рамках данного контекста создание нового знания представляет собой этапы преобразования «скрытых» знаний в «явные» в условиях творческого комфорта личности.

Основным носителем интеллектуального капитала, согласно японскому подходу, считается мотивированный сотрудник, опирающийся при принятии решений на знания в сочетании с эмоциями и интуицией, способный сформулировать и распространить среди коллег его результат.

Для приобретения фирмой прав этот результат в японских компаниях организуются неформальные собрания для детального обсуждения способов решения сложных проблем, возникающих при разработке новой продукции методом

«мозгового штурма». На подобные встречи может прийти любой сотрудник компании, заинтересовавшийся проектом. В ходе дискуссии существует одно табу - на неконструктивную критику. Результаты обсуждения кладутся в основу проектных решений.

Из проведенного анализа видно, что японский взгляд на происхождение интеллектуального капитала также состоит в том, что он формируется при решении задач, связанных с принятием новых решений, и возникает в процессе принятия решений. При этом японские компании считают, что выражаемое словами и цифрами знание - всего лишь верхушка айсберга, а знание в основном не формализовано, т.е. не является чем-то легко видимым и объясняемым. Неформализованное знание (tacit knowledge) существует на уровне индивидуума и формализации поддается плохо, что затрудняет его передачу кому бы то ни было и его использование кем-либо, кроме владельца.

Статичное знание, согласно японской теории, само по себе не представляет особенной ценности. Важна его применимость как инструмента для решения проблем. Такая применимость проявляется в процессе созидания, а эффективность такой применимости зависит от компетенций личности. Управляя предприятием, менеджмент фирмы, по сути дела, лишь управляет совокупностью индивидуальных интеллектуальных капиталов, не принадлежащих фирме, а арендованных ею [2].

Как было показано, вне зависимости от формализуемости или неформализуемости знаний как основы интеллектуального капитала фирмы, его наличие зависит от способности к принятию решений того персонала, который составляет человеческий капитал фирмы.

При этом формализуемое знание формализуется в стандартах деятельности фирмы, принадлежит ей и создает ей дополнительную стоимость.

Не формализуемое знание, обеспечивающее процесс принятия эффективных решений, воплощается в их результатах как «ноу-хау». Однако сам процесс такого решения осуществляется их авторами на основе не визуализируемых и не формализуемых характеристик личности, описываемых как ее эмоциональные и культурные особенности. Эти характеристики не могут быть транслированы к прочим участниками созидющего процесса, а следовательно, не могут быть включены в состав интеллектуального капитала корпорации, хотя являются составляющими интеллектуального капитала каждой личности и принадлежат им. Оригинальные решения, полученные за счет вложения этого индивидуального капитала в коллективный процесс, позволяют создать «ноу-хау», оформив на него право его создателей. Значит, стоимость интеллектуального капитала, основанного на неформализуемых знаниях, равна стоимости прав на созданное за счет него решение.

Поскольку такой интеллектуальный капитал принадлежит его собственнику как творцу эффективного и инновационного решения, то все заинтересованные фирмы могут приобрести у него права на его использование. Следует отметить,

что собственником в этом случае является тот, кто создал уникальное решение. Если такое решение было создано в рамках условий, созданных фирмой, то собственником будет фирма как организатор воплощения знаний своих специалистов.

Обобщая сказанное, сделаем вывод, что стоимость интеллектуального капитала фирмы можно определить как стоимость:

- объектов интеллектуальной собственности, таких как изобретения, разработки, образцы продукции, фирменные и коммерческие названия, товарные знаки, селекционные успехи, «ноу-хау»; стоимость составляющих этого сегмента интеллектуального капитала определяется стоимостью их обращения на рынке интеллектуальной собственности;
- объектов интеллектуальной собственности в форме корпоративных и отраслевых стандартов, являющихся результатом формализации лучших практик принятия решений, которые были наблюдаемы и описаны персоналом корпораций или специальных организаций, в целях присвоения этих практик как элементов интеллектуального капитала самой фирмой; стоимость составляющих этого сегмента интеллектуального капитала определяется стоимостью снижения затрат на производство продукции до и после внедрения стандартов, ростом соответствующих финансовых результатов деятельности или ростом добавленной стоимости.

В соответствии с этой гипотезой было выдвинуто предположение о зависимости интеллектуальной собственности, принадлежащей компании и ее рыночной капитализации.

Метод проверки гипотезы

Для проверки высказанной гипотезы о воплощении интеллектуального капитала как стандартных решений в форму интеллектуальной собственности анализировалась корреляционная зависимость значений экономической добавленной стоимости и стоимости интеллектуальной собственности, включаемой в ее создание. Наличие высокой прямой корреляционной зависимости этих показателей позволило бы утверждать, что стоимость интеллектуальной собственности является оценкой интеллектуального капитала, обращающегося в экономике¹.

Справедливость этой гипотезы была проверена на основе данных Всемирного банка о ежегодном объеме добавленной стоимости (EVA) и расходах на приобретение интеллектуальной собственности различных развитых и развивающихся экономик.

Анализ зависимости стоимости, включаемой в экономическую деятельность интеллектуальной собственности и ее рыночной капитализации, проводился путем сравнения средних темпов роста добавленной стоимости и рыночной капитализации в рамках национальных экономик в течение всего периода анализа.

¹ World Bank Group - International Development, Poverty, & Sustainability. World Bank. URL: <https://www.worldbank.org/en/home> (дата обращения: 07.11.2023)

При этом в анализ были включены страны Европы и Центральной Азии, а также данные по мировой экономике.

Результаты

Связь динамики EVA и стоимости участвующей в ее создании интеллектуальной собственности представлены на рисунках 2 и 3. В процессе анализа рядов названных данных был рассчитан их коэффициент корреляции, который, как можно увидеть, высоко значим.

На этих рисунках демонстрируется корреляция временных рядов объема интеллектуальной собственности и EVA как в экономиках Европы и Центральной Азии (корреляция 0,905) (рисунок 2), так и в масштабах всей мировой экономики (корреляция 0,99) (рисунок 3).

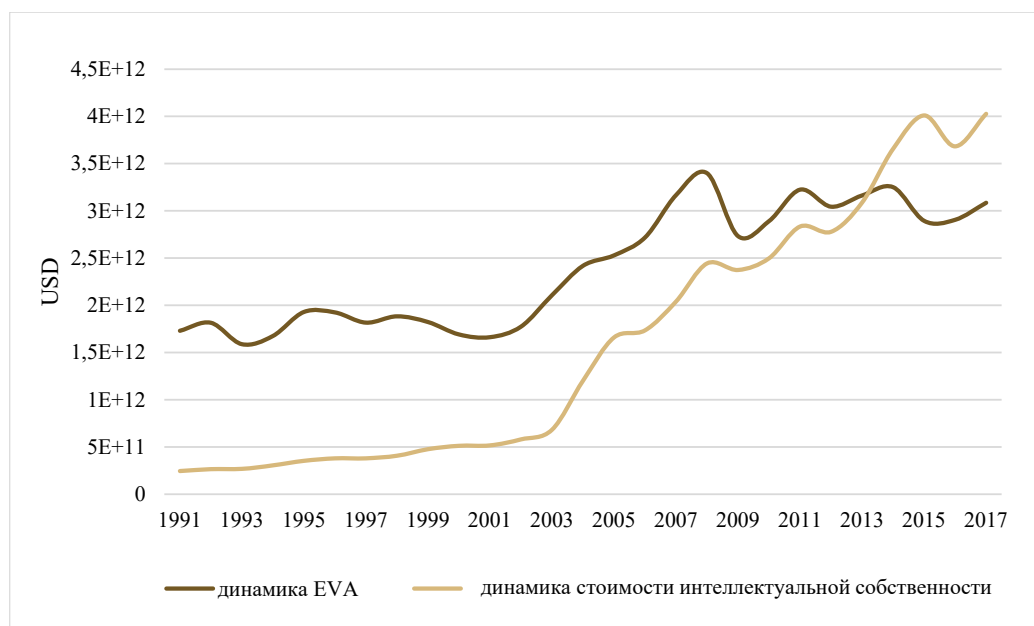

Рисунок 2. Совместная динамика показателей объема интеллектуальной собственности и EVA в экономики Европы и Центральной Азии (корреляция 0,905).

Figure 2. Joint Dynamics of Indicators of Volume of Intellectual Property and EVA in Economies of Europe and Central Asia (correlation 0,905).

Источник: составлено автором на основе: World Bank Group - International Development, Poverty, & Sustainability. World Bank. URL: <https://www.worldbank.org/en/home> (дата обращения: 07.11.2024).

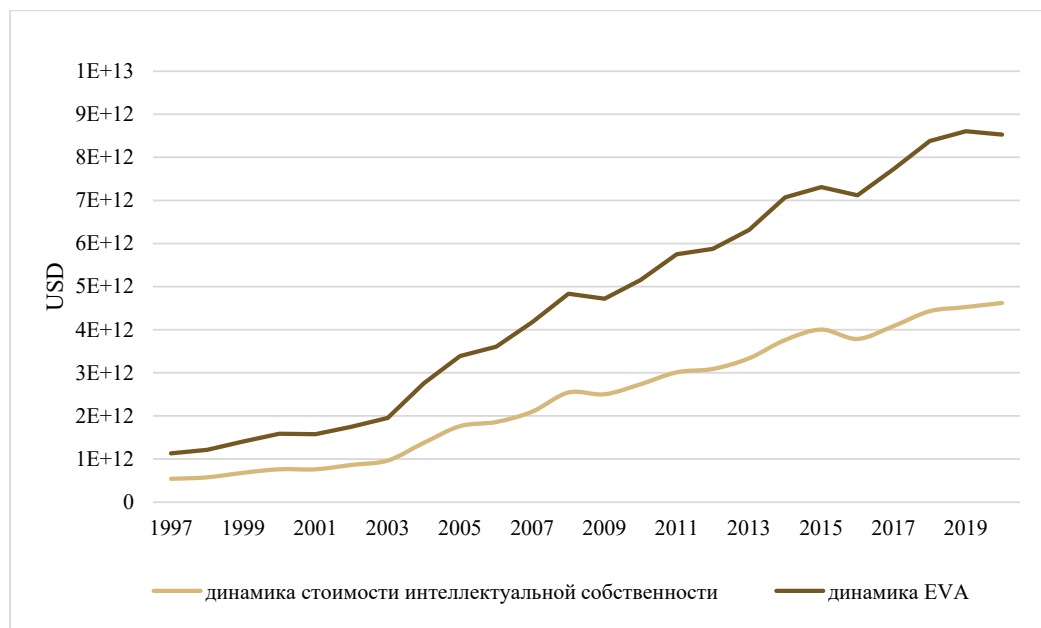

Рисунок 3. Совместная динамика показателей объема интеллектуальной собственности и EVA в масштабах всей мировой экономики (корреляция 0,99).

Figure 3. Joint Dynamics of Indicators of Volume of Intellectual Property and EVA in Scales of All World Economy (correlation 0,99).

Источник: составлено автором на основе: World Bank Group - International Development, Poverty, & Sustainability. World Bank. URL: <https://www.worldbank.org/en/home> (дата обращения: 07.11.2024).

Таким образом, можно считать доказанной зависимость добавленной стоимости и объема интеллектуальной собственности, обращающейся в экономике. Это вывод позволяет рассматривать в качестве объекта управления интеллектуальным капиталом его воплощение в интеллектуальной собственности, формально или по сути закрепляющей стандарты принятия решений по организации бизнес-процессов или созданию материальных благ. Стоимость этой собственности будет равна стоимости воплощенного в ней интеллектуального капитала, откуда следует необходимость использования этой стоимости как объекта управления и оценки интеллектуального капитала.

Исследования связи добавленной стоимости и стоимости, обращающейся на национальных рынках интеллектуальной собственности, подтвердили эти выводы (таблица 2). Таблица 2 содержит значения коэффициентов корреляции между добавленной стоимостью, создаваемой в рамках национальных экономик различных стран (преимущественно развитых), и обращающейся в них интеллектуальной собственностью.

Высокие коэффициенты корреляции временных рядов показателей EVA и стоимости интеллектуальной собственности подтверждают гипотезу о справедливости понимания интеллектуального капитала как оценки затрат на создание или приобретение интеллектуальной собственности.

Таблица 2. Взаимная зависимость роста добавленной стоимости и рыночной капитализации и интеллектуальной собственности, обращающейся на национальном рынке

Table 2. Interdependence of Growth of the Value Added and Market capitalisation and Intellectual Property Which is Traded on the National Market

п/п	Страна	Коэффициент корреляции временных рядов значений EVA и стоимости используемой интеллектуальной собственности	Среднегодовой темп роста стоимости используемой интеллектуальной собственности	Среднегодовой темпы роста рыночной капитализации в рамках национальной экономики
1.	Германия	0,776590491	0,998	0,995
2.	Российская Федерация	0,876741337	0,935	0,965
3.	Япония	0,081796994	0,998	1,019
4.	Китай	0,936841203	0,998	1,031
5.	Австралия	0,94811043	0,996	0,994
6.	США	0,951372359	0,994	1,0
7.	Индия	0,935948116	0,999	1,028
8.	Венгрия	0,77807948	0,989	0,976
9.	Австрия	0,93024898	0,971	0,969
10.	Испания	0,08517759	0,943	1,011
11.	Израиль	0,976937745	0,996	1,004
12.	Европа и Центральная Азия	0,90582369	1	1,012
13.	Мировая экономика	0,99066753	1,07	1,09

Источник: составлено автором на основе: World Bank Group - International Development, Poverty, & Sustainability. World Bank. URL: <https://www.worldbank.org/en/home> (дата обращения: 07.11.2024).

Резко выделяющимися являются значения коэффициентов корреляции рядов EVA и расходов на интеллектуальную собственность в экономике Японии и Испании.

Объяснения этому явлению предлагаются следующие.

Как было сказано выше, японский подход к управлению знаниями, обеспечивающими рост интеллектуального капитала фирмы, состоит в стимулировании сотрудников к передаче фирме своих скрытых знаний и компетенций путем оформления рационализаторских предложений. Эти предложения появляются вследствие личных инициатив сотрудников, и расходы на эту форму интеллектуального творчества не оформляются приобретением собственности или расходами компании на ее создание.

Экономика Испании характеризуется существенно более низкими темпами роста интеллектуальной собственности, чем рыночной капитализации. При этом зависимость EVA очень слабо зависит от интеллектуальных стандартов. Это наблюдение еще раз показывает взаимосвязь между расходами на интеллектуальную собственность, EVA и рыночной капитализацией.

Существенным результатом работы является показанная зависимость обращающейся в национальной экономике интеллектуальной собственности с рыночной капитализацией ее предприятий. В таблице 2 видно, что темпы роста рыночной капитализации практически совпадают с темпами роста интеллектуальной собственности, что подтверждает эффективность создания и использования интеллектуальных стандартов и интеллектуальной собственности в целях повышения капитализации предприятий.

Дискуссия

Как было неоднократно показано, в настоящее время, в условиях «экономики знаний», обладание интеллектуальным капиталом рассматривается большинством исследователей как основная компетенция [44, 22].

В связи с массовым интересом к проблеме существуют многочисленные определения этого понятия и разнообразные подходы для его измерения [12, 29, 54, 41, 43]. В течение всего периода исследований этой проблемы они проводились под углом зрения различных дисциплин, что имело следствием построение различных моделей [21, 47, 45, 15, 26, 37, 31, 36, 34]. К этим моделям могут быть отнесены претензии в связи с неадекватностью рассчитываемых в них показателей оценки стоимости интеллектуального капитала как реального и управляемого объекта [20].

Например, с точки зрения бухгалтерского учета некорректно оценивать интеллектуальный капитал как эффективность от его применения или как разность между стоимостью активов и рыночной стоимостью [17]. В настоящей работе продолжены поиски определения интеллектуального капитала таким образом, чтобы его объем мог быть доказанным при ведении бухгалтерии [16].

Проведенный анализ позволил объединить существующие подходы исследователей к оценке интеллектуального капитала в двух направлениях: [27,25]

- поэлементный подход;
- комплексный подход.

Поэлементный подход выделяет в интеллектуальном капитале его составляющие и оценивает их по отдельности. Поэлементный подход делит интеллектуальный капитал на компоненты, давая оценку каждого, и объединяет их сумму в единую стоимость.

Недостатком поэлементного подхода является отсутствие доказанного единства исследуемых элементов интеллектуального капитала [50], поскольку исследователи сосредотачиваются на измерении отдельных компонентов. Кроме того, трудно получить финансовую информацию об отдельных компонентах. На-

конец, включены только те аспекты компонентов, которые измеримы, но, возможно, многие другие аспекты остаются, размеры которых невозможно точно определить.

Комплексный подход оценивает интеллектуальный капитал на базе произведенной с его участием рыночной стоимости [38]. Зависимость этих показателей подтверждена автором в настоящей работе.

Недостатком комплексного подхода является то, что он основывается на предположении об исключительной зависимости рыночной стоимости компании только от интеллектуального капитала, хотя, безусловно, в ее формировании участвует также материальный и финансовый капитал. Кроме того, этот метод оценивает стоимость интеллектуального капитала, объем производимой им EVA, которая по сути является косвенной, но не прямой его оценкой.

Сведения компании об элементах, которые могут быть отнесены к интеллектуальному капиталу, - это особая проблема, поскольку многие компании не публикуют информацию на эту тему и принципы его оценивания.

В работе Тайскбо [49] показано, как некоторые шведские предприятия обладают и управляют своим интеллектуальным капиталом, однако ознакомиться с его составом по их финансовым отчетам весьма сложно [8]. Причина такого положения дел в том, что существует опасение снижения рыночной цены компании в связи с открытым доступом к содержанию ее интеллектуального капитала. Особенно такие опасения касаются первичного размещения акций (IPO).

Заключение

Предложенный метод оценки интеллектуального капитала как стоимости стандартов и решений по инновационным методам управления и производства, закрепленных за их владельцем, облегчает проблему отражения интеллектуального капитала в бухгалтерском учете по затратному или доходному методу. Например, при затратном подходе это затраты на создание и внедрение стандартных решений, а при доходном подходе - стоимость приращения EVA или доход от реализации созданных или усовершенствованных технологий.

Разработанный в настоящей работе подход базируется на взгляде на интеллектуальный капитал как на сформулированные и оформленные технологии принятия эффективных решений в ходе созидательной деятельности. Документы, оформляющие эти технологии, могут быть представлены в форме корпоративных стандартов, если они были разработаны как результат профессиональной деятельности сотрудников. Индивидуальная инициатива отдельных лиц может быть выражена в создании интеллектуальных объектов, оформляемых как принадлежащая создателям интеллектуальная собственность.

Совершенно очевидно, что фирма заинтересована в оформлении этих объектов в корпоративную собственность, поэтому инициирует рассмотрение идей своих сотрудников как рационализаторских предложений, которые

рассматриваются специалистами и внедряются, если оцениваются как эффективные. Такой подход характерен для японской методики управления человеческим капиталом.

Если сотрудники оформляют разработанные ими в процессе созидательной деятельности технологии принятия решений как свою интеллектуальную собственность, фирма будет вынуждена приобретать эти технологии, в связи с чем чрезвычайно важно и эффективно поощрять сотрудников к разработке рационализаторских предложений.

Приобретение таких разработок обеспечивает фирме возможность приращение своего интеллектуального капитала путем присвоения результатов использования «индивидуального», «личностного» капитала, который, до его фиксирования в форме интеллектуальной собственности принадлежит только его носителю и не может быть присвоен фирмой без участия этого носителя в процессе производственной деятельности.

Создаваемая или приобретаемая интеллектуальная собственность как выражение наилучшей практики принятия решений формирует и может быть оценена как интеллектуальный капитал фирмы.

ЛИТЕРАТУРА:

1. *Абрамова О.В., Гришина Т.А., Савченко А.О.* Применение модели интеллектуального коэффициента добавленной стоимости для анализа влияния интеллектуального капитала на результаты деятельности предприятий. Пермь: ПФ ГУ-ВШЭ. 2012. 9 с.
2. *Величенко Н., Адлер Ю.* Канбан и «точно вовремя» на Toyota. Менеджмент начинается на рабочем месте. М.: Альпина паблишер. 2023. 214 с.
3. *Каплан Р., Нортон Д.* Сбалансированная система показателей. От стратегии к действию. 2-е изд. М.: Олимп-Бизнеса. 2003. 320 с.
4. *Робинсон Дж.* Экономическая теория несовершенной конкуренции. М.: Прогресс. 1986. 471 с.
5. *Чемберлин Э.Х.* Теория монополистической конкуренции: реориентация теории стоимости. М.: Экономика. 1996. 349 с.
6. *Шумпетер Й.* Теория экономического развития. М.: Эксмо. 2007. 861 с.
7. *Эдвинсон Л.* Интеллектуальный капитал. Определение истинной стоимости компаний. М.: Academia. 1999. 448 с.
8. *Alcaniz L., Gomez-Bezares F., Ugarte J.V.* Efficiency in Initial Public Offerings and Intellectual Capital Disclosure // *European Journal of Finance*. 2017. No. 23. Pp. 1129-1149.
9. *Batchimeg B.* Financial Performance Determinants of Organizations: The Case of Mongolian Companies // *Journal of Competitiveness*. 2017. No. 9(3). Pp. 22-33.
10. *Berliana M., Gaol L., Gandi H.M., Christnova P.A., Hutagalung J.F.* The Determinants of Manufacturer in Indonesia Stock Exchange // *SULTANIST: Jurnal Manajemen dan Keuangan*. 2023. No. 11(2). Pp. 149-160.
11. *Bontis N.* Intellectual Capital: an Exploratory Study that Develops Measures and Models // *Management Decision*. 1998. No. 36(2). Pp. 63-76.
12. *Bontis N., Keow W.C.C., Richardson S.* Intellectual Capital and Business Performance in Malaysian Industries // *Journal of Intellectual Capital*. 2000. No. 1. Pp. 85-100.

13. Burr R., Girardi A. Intellectual Capital: more than the Interaction of Competence & Commitment // Australian Journal of Management. 2002. No. 27. Pp. 77-87.
14. Chandler A.D. The Dynamic Firm. The Role of Technology, Strategy, Organization and Regions. Oxford: Oxford University Press. 1994. 217 p.
15. Chen J., Zhu Z., Yuan X.H. Measuring Intellectual Capital: a New Model and Empirical Study // Journal of Intellectual Capital. 2004. No. 5. Pp. 195-212.
16. Dumay J. Reflections on Interdisciplinary Accounting Research: The State of the Art of Intellectual Capital // Accounting, Auditing & Accountability Journal. 2014. No. 27. Pp. 1257-1264.
17. Dumay J., Cai L. A Review and Critique of Content Analysis as a Methodology for Inquiring into IC Disclosure // Journal of Intellectual Capital. 2014. No. 15. Pp. 264-290.
18. Dybvig P.H., Warachka M. Tobin's q Does not Measure Firm Performance: Theory, Empirics, and Alternatives // S&P Global Market Intelligence. 2015. Pp. 14-27.
19. Edvinsson L. Developing Intellectual Capital at Skandia // Long Range Planning. 1997. No. 30(3). Pp. 366-373.
20. Garcia-Meca E., Parra I., Larran M., Martinez I. The Explanatory Factors of Intellectual Capital Disclosure to Financial Analysts // European Accounting Review. 2005. No. 14. Pp. 63-94.
21. Goebel V. Estimating a Measure of Intellectual Capital Value to Test its Determinants // Journal of Intellectual Cap. 2015. No. 16. Pp. 101-120.
22. Guthrie J., Petty R., Johanson U. Sunrise in the Knowledge Economy // Accounting, Auditing & Accountability Journal. 2001. No. 14. Pp. 365-384.
23. Hoang T.V.H., Dang N.H., Tran M.D., Vu T.T.V. Determinants Influencing Financial Performance of Listed Firms: Quantile Regression Approach // Asian Economic and Financial Review. 2019. No. 9(1). Pp. 78-90.
24. Holton E.E., Yamkovenko B. Strategic Intellectual Capital Development: a Defining Paradigm for HRD? // Human Resource Development Review. 2008. No. 7(3). Pp. 270-291.
25. Huang S.Y. Intellectual Capital Measures: Literature review // Management of Engineering & Technology (PICMET). 2014. Pp. 8-21.
26. Hunter L., Webster E., Wyatt A. Measuring Intangible Capital: A Review of Current Practice // Australian Accounting Review. 2005. No. 15. Pp. 4-21.
27. Janosevic S., Dzenopoljac V., Bontis N. Intellectual Capital and Financial Performance in Serbia // Knowledge and Process Management. 2013. No. 20. Pp. 1-11.
28. Kai L. Chan Intelligence Capital Index // World Monitor. 2017. No. 5. Pp. 62-69.
29. Kaufmann L., Schneider Y. Intangibles: a Synthesis of Current Research // Journal of Intellectual Capital. 2004. No. 5. Pp. 366-388.
30. Lessem R. Management Development through Cultural Diversity. L.: Routledge. 1998. 432 p.
31. Macerinskiene I., Aleknavičiute R. Comparative Evaluation of National Intellectual Capital Measurement Models // Business: Theory and Practice. 2015. No. 16. Pp. 1-14.
32. Maditinos D., Chatzoudes D., Tsairidis Ch., Theriou G. The Impact of Intellectual Capital on Firms' Market Value and Financial Performance // Journal of Intellectual Capital. 2011. No. 12(1). Pp. 132-151.
33. Mavridis D.G., Kyrmizoglou P. Intellectual Capital Performance Drivers in the Greek Banking Sector // Management Research News. 2005. No. 28(5). Pp. 43-62.
34. Molloy J.C., Chadwick C., Ployhart R.E., Golden S.J. Making Intangibles "Tangible" in Tests of Resource Based Theory: A Multidisciplinary Construct Validation Approach // Journal of Management. 2011. No. 37. Pp. 1496-1518.

35. *Montequin V.R., Fernandez F.O., Cabal V.A., Gutierrez, N.R.* An Integrated Framework for Intellectual Capital Measurement and Knowledge Management Implementation in Small and Medium-Sized Enterprises // *Journal of Information Science*. 2006. No. 32(6). Pp. 525-538.
36. *Mouritsen J.* Classification, Measurement and the Ontology of Intellectual Capital Entities // *Journal of Human Resource Costing & Accounting*. 2009. No. 13. Pp. 154-162.
37. *Nazari J.A., Herremans I.M.* Extended VAIC Model: Measuring Intellectual Capital Components // *Journal of Intellectual Capital*. 2007. No. 8. Pp. 595-609.
38. *Petty R., Guthrie J.* Intellectual Capital Literature Review: Measurement, Reporting and Management // *Journal of Intellectual Capital*. 2000. No. 1. Pp. 155-176.
39. *Pulic A.* VAIC - an Accounting Tool for IC Management // *International Journal of Technology Management*. 2000. No. 20(5). Pp. 702-714.
40. *Ruta C.D.* HR Portal Alignment for the Creation and Development of Intellectual Capital // *International Journal of Human Resource Management*. 2009. No. 20(3). Pp. 562-577.
41. *Sanchez P., Chaminade C., Olea M.* Management of Intangibles - An Attempt to Build a Theory // *Journal of Intellectual Capital*. 2000. No. 1. Pp. 312-327.
42. *Singh K., Misra M., Kumar M.* A Study on the Determinants of Financial Performance of US Agricultural Cooperatives // *Journal of Business Economics and Management*. 2019. No. 20(4). Pp. 633-664.
43. *Stewart T.* Intellectual Capital: The New Wealth of Organizations. N.Y.: Doubleday Dell Publishing Group. 1997. 320 p.
44. *Sveiby K.E.* The New Organizational Wealth: Managing & Measuring Knowledge-Based Assets. San Francisco: Berrett-Koehler Publishers. 1997. 275 p.
45. *Sydler R., Haefliger S., Pruksa R.* Measuring Intellectual Capital with Financial Figures: Can We Predict Firm Profitability? // *European Management Journal*. 2014. No. 32. Pp. 244-259.
46. *Tayles M., Pike R., Sofian S.* Intellectual Capital, Management Accounting Practices and Corporate Performance // *Accounting, Auditing & Accountability Journal*. 2007. No. 20(4). Pp. 522-548.
47. *Tawy N.El., Tollington T.* Intellectual Capital: Literature Review // *International Journal of Learning and Intellectual Capital*. 2012. No. 9. Pp. 241-242.
48. *Tobin J.* A General Equilibrium Approach to Monetary Theory // *Journal of Money, Credit and Banking*. 1969. No. 1(1). Pp. 15-29.
49. *Tyskbo D.* Managers' Views on How Intellectual Capital is Recognized and Managed in Practice: A Multiple Case Study of Four Swedish Firms // *Journal of Intellectual Capital*. 2019. No. 20. Pp. 282-304.
50. *Van der Meer-Kooistra J., Zijlstra S.M.* Reporting on Intellectual Capital // *Accounting, Auditing & Accountability Journal*. 2001. No. 14. Pp. 456-476.
51. *Vu T.H., Nguyen M.T.H., Vuong Q.H.* Determinants of Vietnamese Listed Firm Performance: Competition, Wage, CEO, Firm Size, Age, and International Trade // *Journal of Risk and Financial Management*. 2019. No. 12(2). Pp. 62-74.
52. *Wall A.* The Measurement and Management of Intellectual Capital in the Public Sector // *Public Management Review*. 2007. No. 7(2). Pp. 289-303.
53. *Walsh K., Enz C., Canina L.* The Impact of Strategic Orientation on Intellectual Capital Investments in Customer Service Firms // *Journal of Service Research*. 2008. No. 10(4). Pp. 300-317.
54. *Wiig K.M.* Integrating Intellectual Capital and Knowledge Management // *Long Range Planning*. 1997. No. 30. Pp. 399-405.

55. *Yang C.C., Lin C.Y.Y.* Does Intellectual Capital Mediate the Relationship between HRM and Organizational Performance? Perspective of a Healthcare Industry in Taiwan // *International Journal of Human Resource Management*. 2009. No. 20(9). Pp. 1965-1984.
56. *Zerenler M., Gozlu S.* Impact of Intellectual Capital on Exportation Performance: Research on the Turkish Automotive Supplier // *Journal of Transnational Management*. 2008. No. 13(4). Pp. 318-341.

INTELLECTUAL CAPITAL AS OBJECT OF ASSESSMENT AND MANAGEMENT

L.I. Tsvetkova

Doctor of Economic Sciences, Associate Professor, Professor at the
Department of Risk Management and Insurance of the Moscow State Institute
of International Relations (MGIMO-University), Moscow, Russia
e-mail: l.tsvetkova@inno.mgimo.ru
ORCID: 0000-0002-9851-3984

Abstract. Article is devoted to the search of a method of defining intellectual capital as an object of management and a way of its unambiguous assessment. In spite of the fact that definition of the intellectual capital is still debatable, this term is, in most cases, considered to be a set of knowledge, skills, and know-how used for the creation of the socially useful benefits, while maximising profit and increasing other economic and technical results. It is impossible to manage any object if there is no opportunity to identify it and control its assessment level. The methods currently available typically rely on the obvious results of its use. Its substantiated part, which includes patents, databases, software, trademarks, and other elements of the so-called structural capital, as a part of intellectual capital, is often estimated and cannot be analysed from the point of view of efficiency. The author attempts to provide a harmonious definition of the intrinsic sense of the intellectual capital and its functions in management of economic activity efficiency, as well as to offer a logical method of its assessment becomes. The conclusions of this work can be used by line and upper managers to increase the efficiency of the business processes carried out by the enterprise.

Keywords: intellectual capital, intellectual property, effective decisions, corporate standards, Tobin's coefficient, VAIC method, formalisable knowledge, implicit knowledge, Western and Japanese approaches to creation of the corporate intellectual capital.

Submitted: December 06, 2024
Accepted: December 13, 2024

UDC 330.142.2
DOI: 10.24833/2949-639X-2024-4-10-76-99

REFERENCES:

1. Abramova O.V., Grishina T.A., Savchenko A.O. *Primenenie modeli intellektual'nogo kojefficienta dobavlennoj stoimosti dlja analiza vlijanija intellektual'nogo kapitala na rezul'taty dejatel'nosti predpriyatij [Application of the Intellectual Value-added Coefficient Model to Analyze the Impact of Intellectual Capital on the Performance of Enterprises]*. Perm, PF GU-VShJe, 2012, 9 p. (In Russ.).
2. Velichenko N., Adler J. *Kanban i «tochno vovremja» na Toyota. Menedzhment nachinaetsja na rabochem meste [Kanban and «Just in Time» on Toyota. Management Begins at the Workplace]*. Moscow, Alpina publisher, 2023, 214 p. (In Russ.).
3. Kaplan R., Norton D. *Sbalansirovannaja sistema pokazatelej. Ot strategii k dejstvu. 2-e izd. [A Balanced Scorecard. From Strategy to Action. 2nd ed.]*. Moscow, Olimp-Biznesa, 2003, 320 p. (In Russ.).
4. Robinson D. *Jekonomicheskaja teorija nesovershennoj konkurencii [The Economic Theory of Imperfect Competition]*. Moscow, Progress, 1986, 471 p. (In Russ.).
5. Chamberlin J.H. *Teorija monopolisticheskoy konkurencii: reorientacija teorii stoimosti [The Theory of Monopolistic Competition: Reorientation of the Theory of Value]*. Moscow, Economy, 1996, 349 p. (In Russ.).
6. Shumpeter J. *Teorija jekonomicheskogo razvitija [Theory of Economic Development]*. Moscow, Eksmo, 2007, 861 p. (In Russ.).
7. Edvinson L. *Intellektual'nyj kapital. Opredelenie istinnoj stoimosti kompanii [Intellectual Capital. Determining the True Value of a Company]*. Moscow, Academia, 1999, 448 p. (In Russ.).
8. Alcaniz L., Gomez-Bezares F., Ugarte J.V. Efficiency in Initial Public Offerings and Intellectual Capital Disclosure. *European Journal of Finance*, 2017, no. 23, pp. 1129-1149.
9. Batchimeg B. Financial Performance Determinants of Organizations: The Case of Mongolian Companies. *Journal of Competitiveness*, 2017, no. 9(3), pp. 22-33.
10. Berliana M., Gaol L., Gandi H.M., Christnova P.A., Hutagalung J.F. The Determinants of Manufacturer in Indonesia Stock Exchange. *SULTANIST: Jurnal Manajemen dan Keuangan*, 2023, no. 11(2), pp. 149-160.
11. Bontis N. Intellectual Capital: an Exploratory Study that Develops Measures and Models. *Management Decision*, 1998, no. 36(2), pp. 63-76.
12. Bontis N., Keow W.C.C., Richardson S. Intellectual Capital and Business Performance in Malaysian Industries. *Journal of Intellectual Capital*, 2000, no. 1, pp. 85-100.
13. Burr R., Girardi A. Intellectual Capital: more than the Interaction of Competence & Commitment. *Australian Journal of Management*, 2002, no. 27, pp. 77-87.
14. Chandler A.D. *The Dynamic Firm. The Role of Technology, Strategy, Organization and Regions*. Oxford, Oxford University Press, 1994, 217 p.
15. Chen J., Zhu Z., Yuan X.H. Measuring Intellectual Capital: a New Model and Empirical Study. *Journal of Intellectual Capital*, 2004, no. 5, pp. 195-212.
16. Dumay J. Reflections on Interdisciplinary Accounting Research: The State of the Art of Intellectual Capital. *Accounting, Auditing & Accountability Journal*, 2014, no. 27, pp. 1257-1264.
17. Dumay J., Cai L. A Review and Critique of Content Analysis as a Methodology for Inquiring into IC Disclosure. *Journal of Intellectual Capital*, 2014, no. 15, pp. 264-290.
18. Dybvig P.H., Warachka M. Tobin's q Does not Measure Firm Performance: Theory, Empirics, and Alternatives. *S&P Global Market Intelligence*, 2015, pp. 14-27.
19. Edvinsson L. Developing Intellectual Capital at Skandia. *Long Range Planning*, 1997, no. 30(3), pp. 366-373.

20. Garcia-Meca E., Parra I., Larran M., Martinez I. The Explanatory Factors of Intellectual Capital Disclosure to Financial Analysts. *European Accounting Review*, 2005, no. 14, pp. 63-94.
21. Goebel V. Estimating a Measure of Intellectual Capital Value to Test its Determinants. *Journal of Intellectual Cap*, 2015, no. 16, pp. 101-120.
22. Guthrie J., Petty R., Johanson U. Sunrise in the Knowledge Economy. *Accounting, Auditing & Accountability Journal*, 2001, no. 14, pp. 365–384.
23. Hoang T.V.H., Dang N.H., Tran M.D., Vu T.T.V. Determinants Influencing Financial Performance of Listed Firms: Quantile Regression Approach. *Asian Economic and Financial Review*, 2019, no. 9(1), pp. 78-90.
24. Holton E.E., Yamkovenko B. Strategic Intellectual Capital Development: a Defining Paradigm for HRD? *Human Resource Development Review*, 2008, no. 7(3), pp. 270-291.
25. Huang S.Y. Intellectual Capital Measures: Literature review. *Management of Engineering & Technology (PICMET)*, 2014, pp. 8-21.
26. Hunter L., Webster E., Wyatt A. Measuring Intangible Capital: A Review of Current Practice. *Australian Accounting Review*, 2005, no. 15, pp. 4-21.
27. Janosević S., Dzenopoljac V., Bontis N. Intellectual Capital and Financial Performance in Serbia. *Knowledge and Process Management*, 2013, no. 20, pp. 1-11.
28. Kai L. Chan Intelligence Capital Index. *World Monitor*, 2017. no. 5. pp. 62-69.
29. Kaufmann L., Schneider Y. Intangibles: a Synthesis of Current Research. *Journal of Intellectual Capital*, 2004, no. 5, pp. 366-388.
30. Lessem R. *Management Development through Cultural Diversity*. London, Routledge, 1998, 432 p.
31. Mačerinskienė I., Aleknavičiūtė R. Comparative Evaluation of National Intellectual Capital Measurement Models. *Business: Theory and Practice*, 2015, no. 16, pp. 1-14.
32. Maditinos D., Chatzoudes D., Tsairidis Ch., Theriou G. The Impact of Intellectual Capital on Firms' Market Value and Financial Performance. *Journal of Intellectual Capital*, 2011, no. 12(1), pp. 132-151.
33. Mavridis D.G., Kyrmizoglou P. Intellectual Capital Performance Drivers in the Greek Banking Sector. *Management Research News*, 2005, no. 28(5), pp. 43-62.
34. Molloy J.C., Chadwick C., Ployhart R.E., Golden S.J. Making Intangibles “Tangible” in Tests of Resource Based Theory: A Multidisciplinary Construct Validation Approach. *Journal of Management*, 2011, no. 37, pp. 1496-1518.
35. Montequin V.R., Fernandez F.O., Cabal V.A., Gutierrez, N.R. An Integrated Framework for Intellectual Capital Measurement and Knowledge Management Implementation in Small and Medium-sized Enterprises. *Journal of Information Science*, 2006, no. 32(6), pp. 525-538.
36. Mouritsen J. Classification, Measurement and the Ontology of Intellectual Capital Entities. *Journal of Human Resource Costing & Accounting*, 2009, no. 13, pp. 154-162.
37. Nazari J.A., Herremans I.M. Extended VAIC Model: Measuring Intellectual Capital Components. *Journal of Intellectual Capital*, 2007, no. 8, pp. 595-609.
38. Petty R., Guthrie J. Intellectual Capital Literature Review: Measurement, Reporting and Management. *Journal of Intellectual Capital*, 2000, no. 1, pp. 155-176.
39. Pulic A. VAIC - an Accounting Tool for IC Management. *International Journal of Technology Management*, 2000, no. 20(5), pp. 702-714.
40. Ruta C.D. HR Portal Alignment for the Creation and Development of Intellectual Capital. *International Journal of Human Resource Management*, 2009, no. 20(3), pp. 562-577.

41. Sanchez P., Chaminade C., Olea M. Management of Intangibles - An Attempt to Build a Theory. *Journal of Intellectual Capital*, 2000, no. 1, pp. 312-327.
42. Singh K., Misra M., Kumar M. A Study on the Determinants of Financial Performance of US Agricultural Cooperatives. *Journal of Business Economics and Management*, 2019, no. 20(4), pp. 633-664.
43. Stewart T. *Intellectual Capital: The New Wealth of Organizations*. New York, Doubleday Dell Publishing Group, 1997, 320 p.
44. Sveiby K.E. *The New Organizational Wealth: Managing & Measuring Knowledge-Based Assets*. San Francisco, Berrett-Koehler Publishers, 1997, 275 p.
45. Sydler R., Haeffliger S., Pruksa R. Measuring Intellectual Capital with Financial Figures: Can We Predict Firm Profitability? *European Management Journal*, 2014, no. 32, pp. 244-259.
46. Tayles M., Pike R., Sofian S. Intellectual Capital, Management Accounting Practices and Corporate Performance. *Accounting, Auditing & Accountability Journal*, 2007, no. 20(4), pp. 522-548.
47. Tawy N.El., Tollington T. Intellectual Capital: Literature Review. *International Journal of Learning and Intellectual Capital*, 2012, no. 9, pp. 241-242.
48. Tobin J. A General Equilibrium Approach to Monetary Theory. *Journal of Money, Credit and Banking*, 1969, no. 1(1), pp. 15-29.
49. Tyskbo D. Managers' Views on How Intellectual Capital is Recognized and Managed in Practice: A Multiple Case Study of Four Swedish Firms. *Journal of Intellectual Capital*, 2019, no. 20, pp. 282-304.
50. Van der Meer-Kooistra J., Zijlstra S.M. Reporting on Intellectual Capital. *Accounting, Auditing & Accountability Journal*, 2001, no. 14, pp. 456-476.
51. Vu T.H., Nguyen M.T.H., Vuong Q.H. Determinants of Vietnamese Listed Firm Performance: Competition, Wage, CEO, Firm Size, Age, and International Trade. *Journal of Risk and Financial Management*, 2019, no. 12(2), pp. 62-74.
52. Wall A. The Measurement and Management of Intellectual Capital in the Public Sector. *Public Management Review*, 2007, no. 7(2), pp. 289-303.
53. Walsh K., Enz C., Canina L. The Impact of Strategic Orientation on Intellectual Capital Investments in Customer Service Firms. *Journal of Service Research*, 2008, no. 10(4), pp. 300-317.
54. Wiig K.M. Integrating Intellectual Capital and Knowledge Management. *Long Range Planning*, 1997, no. 30, pp. 399-405.
55. Yang C.C., Lin C.Y.Y. Does Intellectual Capital Mediate the Relationship between HRM and Organizational Performance? Perspective of a Healthcare Industry in Taiwan. *International Journal of Human Resource Management*, 2009, no. 20(9), pp. 1965-1984.
56. Zerenler M., Gozlu S. Impact of Intellectual Capital on Exportation Performance: Research on the Turkish Automotive Supplier. *Journal of Transnational Management*, 2008, no. 13(4), pp. 318-341.

INDO-RUSSIAN ECONOMIC COLLABORATION IN THE ARCTIC REGION

A.Bhatnagar

Deputy Director General at the International Affairs Division of the Amity
University, Noida, India
e-mail: abhatnagar1@amity.edu

Abstract. India is undergoing the most unprecedented transformation in human history of the free world. The scale and pace of this transformation are truly remarkable. Maintaining such a steep, ascending growth trajectory will require additional resources, make new alliances, and revitalised existing partnerships. Russia, a time-tested strategic partner with its resource-rich Arctic region, can play a pivotal role in India's continued growth. With vast reserves of hydrocarbons, rare earth metals, and strategic minerals becoming accessible due to the melting ice in the Arctic region, and with Russia being a key player in that region, the need for India to collaborate with Russia in the Arctic region is greater than ever before. Although India (as British India) is the original signatory of the Svalbard Treaty and has a research station, Himadri, in Svalbard, its focus on the region has increased only recently and has expended well beyond the traditional interest in scientific exploration. Indo-Russian collaboration in the Arctic is progressing in many fields. In addition to the ongoing collaborations scientific research, development of the Northern Sea Route, oil exploration, India's energy security needs, increased connectivity, training of Indian seafarers for Arctic navigation, and enhanced trade, there are multiple areas, such as green energy initiatives, hydrographic surveys, polar research vessel construction, focused research on the effects of changing Arctic conditions on the monsoon weather system, and many more, that have the potential for collaboration between India and Russia.

Keywords: Arctic, Indian Economy, China, Northern Sea Route, Polar Research Vessel, Energy Security, Non-Arctic States.

Received: November 28, 2024
Accepted: December 13, 2024

UDC 332.132
DOI: 10.24833/2949-639X-2024-4-10-100-115

Introduction

It is the aim of every nation to bring prosperity, happiness, and well-being to its people. Nations strive to achieve this stated or understood aim through various means. These means may vary depending on the ideological leanings of each nation. Some nations may be more capitalist in their approach, while others may be socialist. Some may look for well-being through spiritual pathways, while others may consider a mix of all these approaches. However, the lowest common denominator in all approaches is the economic development of the country, and through that, the well-being of its citizens. In this regard, India is no different.

Indian Economy - Growth Trajectory

During medieval period, when Western Europe combined owned 10-15% of global GDP, India held about 25% of global GDP¹ for over one thousand years, until the eighteenth century prior to colonisation of the country. Unfortunately, India came under the control of the East India Company in the 18th century and thereafter became a British colony. From then until we attained independence from the British in 1947, our share of world GDP fell to 2%, making India one of the poorest countries in the world². Although our economy has grown over the years, it has done so at a slow pace. Even in 1991, the Indian economy was smaller than that of cities like London and Paris. However, today India's economy is larger than that of the UK and France. This has been possible mainly because, over the last decade or so, the Indian economy has grown at over 7% annually, becoming the fastest-growing major economy in the world. India has moved up from the 10th largest to the 5th largest economy in the world, valued at 4.15 trillion dollars³. This economic growth has led to India undergoing the most unprecedented transformation in the history of the free world. With a sharp focus on improving connectivity, India is spending a mammoth 1.5 trillion dollars⁴ (more than the economy of most countries) on infrastructure development from 2019 to 2025 and has the largest number of mega projects under construction in the world. Apart from having a demographic advantage, India is among the five most industrialised countries, with an industrial production of almost 750 billion dollars⁵ in 2023. We are the largest producers of hardware and software and have recently overtaken the US to become the second most attractive manufacturing destination⁶. In short, today India is the fastest-growing major economy, fastest-growing real estate market, fastest-growing start up ecosystem, and fastest-growing stock market in the world. Such a steep growth trajectory is difficult to maintain without access to additional resources, making new alliances, and revitalising existing ones. Russia, a time-tested strategic partner with its resource-rich Arctic region, can play a pivotal role in India's continued growth.

¹ History of Indian Economy. Consulate General of India. URL: https://cgijeddah.gov.in/web_files/267622636-History-of-Indian-Economy.pdf (accessed 13 August 2024).

² 1947: India in Numbers - What Was the Country's GDP, Population, Per-Capita Income? Etnownews.com. URL: <https://www.timesnownews.com/business-economy/economy/article/1947-india-in-numbers-what-was-the-country-s-gdp-population-per-capita-income/636908#:~:text=under%20British%20rule-,When%20India%20declared%20its%20independence%20in%201947%2C%20its%20GDP%20was,of%20the%20world%27s%20total%20GDP.> (accessed 13 August 2024).

³ India: Gross Domestic Product (GDP) in Current Prices from 1987 to 2029. Statista. URL: <https://www.statista.com/statistics/263771/gross-domestic-product-gdp-in-india/> (accessed 13 August 2024).

⁴ Estimated Investments within the National Infrastructure Pipeline (NIP) scheme in India from financial year 2020 to 2025, by sector. Statista. URL: <https://www.statista.com/statistics/1232624/india-estimated-value-of-nip-investments-by-sector/> (accessed 13 August 2024).

⁵ India-Industrial Production, Constant US\$. Trading Economics. URL: [https://tradingeconomics.com/india/industrial-production-constant-us\\$-wb-data.html](https://tradingeconomics.com/india/industrial-production-constant-us$-wb-data.html) (accessed 13 August 2024).

⁶ India Overtakes US to Become Second-Most Sought-After Manufacturing Destination. Business Today. URL: <https://www.businesstoday.in/latest/economy/story/india-overtakes-us-to-become-second-most-sought-after-manufacturing-destination-305048-2021-08-24> (accessed 13 August 2024).

India and the Arctic

India's first connection to the Arctic can be traced back to the 1903 book *The Arctic Home in the Vedas*, written by Bal Gangadhar Tilak, a prominent leader in India's Independence Movement. In this work, Tilak proposed that the ancestors of India's ancient Vedic civilisation once lived in the Arctic region [6]. Though his theory of Aryan migration was later contested, with a shift towards the idea that Indian civilisation originated in India and moved westward, Tilak's Arctic research provides a historical legacy that should be celebrated as part of our knowledge heritage.

The next step in our journey was the Svalbard Treaty, when India, as a dominion nation under the British, was one of its 14 original signatories in 1920⁷. This gave India rights to undertake scientific exploration and economic activities in the region. Unfortunately, no much happened until the first Indian scientific expedition in 1991. This first expedition is not very well known and was conducted in collaboration with the Soviet Army, focusing on the effect of extreme cold and long hours of darkness on Indian soldiers. The next scientific expedition came in 2007, which was followed by the setting up of Himadri⁸, India's scientific research station at Svalbard, in 2008.

In 2012, India was elected to the Council of the International Arctic Science Committee (IASC)⁹, and in May 2013, India was granted observer status in the Arctic Council¹⁰. India marked another milestone in its Arctic engagement in March 2018 with the arrival of its first shipment of LNG from the Russian Arctic via the Northern Sea Route. In 2019, India was re-elected as an observer to the Arctic Council. As an observer, India has made important contributions, including to the Arctic Migratory Birds Initiative (AMBI), which led to the Gandhinagar Declaration.

Today, India has even more to offer the Arctic Council. Its *Arctic Policy - Building a Partnership for Sustainable Development*, published in 2022¹¹, outlines India's growing role in the region. Under its G20 Presidency, India has promoted the idea of setting aside differences among Arctic Council countries to collaborate on the sustainable development of the fragile Arctic ecosystem, as they did during the Cold War era.

⁷ India's Arctic Engagement: Shifting from Scientific to Strategic Interests. South Asian Voices. URL: <https://southasianvoices.org/indias-arctic-engagement-shifting-from-scientific-to-strategic-interests/> (accessed 08 August 2024).

⁸ Himadri Station. NCPOR. URL: <https://ncpor.res.in/app/webroot/pages/view/340-himadri-station> (accessed 08 August 2024).

⁹ India. Facts & Figures. The Arctic Institute. Center for Circumpolar Security Studies. URL: <https://www.thearcticinstitute.org/country-backgrounders/india/> (accessed 08 August 2024).

¹⁰ India and Asian Observers: Need for Coordination in the Arctic Council. Manohar Parrikar Institute for Defence Studies and Analyses. URL: <https://demo.idsa.in/publisher/india-and-asian-observers-need-for-coordination-in-the-arctic-council/> (accessed 08 August 2024).

¹¹ India's Arctic Policy. Government of India. URL: https://library.arcticportal.org/2015/1/Indias_Actic_Policy.pdf (accessed 08 August 2024).

Research

Emerging geopolitical landscape of the Arctic region

Multipolar world order. Following the end of the Cold War, the United States emerged as the world's sole superpower, a position it held for about a decade. However, Russian President Vladimir Putin's speech at the Munich Security Conference in March 2007 made it clear that, fifteen years after the collapse of the Soviet Union, Russia was once again seeking great-power status on the global stage¹². Meanwhile, China's economic rise was gaining momentum. Although China began its economic reforms in 1979, their full impact became apparent to the world at the turn of the century. Between 1979 and 2018, China's economy doubled in size in real terms every eight years¹³. In the more recent past, India has shown great resilience to global challenges, including reduced economic growth in other major economies, and has emerged as yet another power centre as the undeclared leader of the Global South. As a result, the global geopolitical landscape has undergone a dramatic transformation, shifting from a unipolar world to a multipolar one. This shift has introduced new dynamics, particularly in the Arctic region and the Arctic Ocean.

The Arctic was a region of great power rivalry post-World War II through the Cold War. However, in October 1987, President Mikhail Gorbachev launched a series of policy changes that marked the beginning of the end of the Cold War era in the Arctic. The Norwegian slogan "High North, Low Tension" also gained traction in the 1990s. These developments transformed the Arctic from being a sensitive military theatre to a "zone of peace". President Gorbachev proposed the establishment of a nuclear weapons-free zone in Northern Europe, restrictions on naval activities in Arctic seas, and the development of transborder cooperation in resource development, scientific exploration, indigenous people's affairs, environmental protection, and marine transportation [1].

Major Players in the Arctic. The Arctic is often compared with the Antarctic. While the Antarctic is a proverbial "no man's land", most of the area in the Arctic region is claimed by some country or another [6]. The dynamics of the region are therefore very different. The region has eight countries that have a part of their landmass within the Arctic Circle, and six of these have a coastline in the Arctic Ocean. Although all of them are part of the Arctic Council, the major players in the region are enumerated in the succeeding paragraphs.

¹² Overview: Moscow Flexes Political Muscle. NPR. URL: <https://www.npr.org/2007/03/05/7697684/overview-moscow-flexes-political-muscle> (accessed 26 August) 2024.

¹³ China's Economic Rise: History, Trends, Challenges, and Implications for the United States. EveryCRSReport.com. URL: https://www.everycrsreport.com/reports/RL33534.html#_Toc12530866 (accessed 26 August 2024).

Russia. While Russian (later Soviet) interest in the Arctic goes back many centuries, its focus on the region has increased manifold post discovery of natural gas and oil in 1953 and 1960, respectively¹⁴. However, Russia has given greater impetus and strategic thought to the Arctic under the able leadership of President Putin. Sustained and concerted efforts have ensured that Russia is far ahead of all other Arctic nations in almost all domains of development in the region. These include marine infrastructure along the Northern Sea Route, oil and natural gas exploration in the region, the number of icebreakers, scientific research, and collaboration with non-Arctic countries.

USA. It is surprising that, over the years, the United States has not paid sufficient attention to the polar regions. This concern was highlighted by Rear Admiral R.H. Cruzen of the U.S. Navy in a 1948 address at the U.S. Naval War College in Newport, Rhode Island, where he remarked, “Before the war, little or no consideration was given to the strategic potential of the Polar Regions, either north or south. As a result, our pre-war strategic thinking and military and naval training were largely focused on the tropic and temperate zones” [2]. More than seven decades later, the U.S. still lacks adequate strategic focus on the Arctic.

China. Although not an Arctic country, there are a number of reasons why China is showing keen interest in the region. The biggest beneficiary of the Northern Sea Route will be China. The time taken to traverse the sea route from Rotterdam to Dalian via Suez is 48 days, while it is only 35 days via the Northwest Passage [4]. Using the Northern Sea Route enables China to avoid major choke points like Gibraltar, the Suez Canal, Bab-el-Mandab, and Malacca. Investing in the Arctic will bolster China’s claim exploration and extraction of abundant natural resources in the region, as well as support its acceptance as a “near Arctic nation”. These reasons, coupled with the void created by the lack of interest shown by the U.S., have spurred China to focus on the Arctic over the last decade or so.

Although Russia and the U.S. have long competed in the Arctic, China’s involvement has introduced a new dynamic. China’s significant investments in resource exploration and extraction, the development of marine infrastructure along the Northern Sea Route (NSR)¹⁵, and its growing icebreaker fleet, along with joint military exercises with Russia in the Arctic Ocean, have raised major concerns, particularly for the U.S. In response, the U.S. administration is considering a “polar pivot” in its policy, strategy, and military capabilities to counter or deter potential malign actions by both China and Russia in the Arctic¹⁶. As a result, the region has become a focal point in the global power struggle between the U.S., Russia, and China¹⁷.

¹⁴ The Formation and Evolution of the Soviet Union’s Oil and Gas Dependence. Carnegie Endowment for International Peace. URL: <https://carnegieendowment.org/posts/2017/03/the-formation-and-evolution-of-the-soviet-unions-oil-and-gas-dependence?lang=en>

¹⁵ China and Russia Establish Feeder Line on the North Sea Route. Safty4Sea. URL: <https://safty4sea.com/china-and-russia-establish-feeder-line-on-the-northern-sea-route/> (accessed 29 August 2024).

¹⁶ China and Russia Establish Feeder Line on the North Sea Route. Safty4Sea. URL: <https://safty4sea.com/china-and-russia-establish-feeder-line-on-the-northern-sea-route/> (accessed 29 August 2024).

¹⁷ Deepening Competition in Arctic Region: US-China-Russia. ANKASAM. URL: <https://www.ankasam.org/anka-analyzer/deepening-competition-in-arctic-region-us-china-russia/?lang=en> (accessed 26 August 2024).

Other Non-Arctic Countries. In a landmark decision, the Arctic Council awarded Observer Status to six countries in 2013. It is noteworthy that five out of these six countries are in the Indo-Pacific region, geographically well displaced from the Arctic. These are China, India, Japan, South Korea, and Singapore, with Italy being the only non-Indo-Pacific nation. The move marked a turning point in the ongoing internationalisation of Arctic affairs, as more governments, including in Asia, formally recognised the emerging economic, scientific, and strategic value of the region. Each of the Asian countries have displayed keen interest in the Arctic through their intended involvement in governance, resource extraction, shipping, scientific research, and sustainable development in the Arctic [3]. All the Asian members of the Arctic Council have published white papers and policy documents on the Arctic.

Ongoing Indo-Russian collaboration in the Arctic

With 53% of the Arctic coastline¹⁸, 1.2 million sq km of Arctic EEZ, 41% of the Arctic oil, 70% of natural gas, large deposits of rare earth and strategic minerals, the largest chunk of Arctic landmass, and 50% of the Arctic human population¹⁹, Russia is undoubtedly the biggest player in the region. In addition, a significant portion of its own land (28% - 4.8 million sq km) and EEZ (15.8% - 1.2 million sq km) is in the Arctic region. This, combined with the farsightedness and strategic outlook of its leadership, has made Russia to give the required attention and focus to the region. As a result, numerous actions have been taken by the Russian government to develop the area. Initiatives include making the region more accessible by increasing connectivity, developing the area in terms of marine infrastructure, undertake sustainable resource extraction, constructing an adequate number of icebreakers, and encourage more people to settle in the region. It is well known that the other Arctic nations have not given the required attention to the region, which has given Russia greater importance in the Arctic.

Indo-Russian collaboration has been a long-standing, multifaceted, and mutually beneficial relationship, encompassing a wide range of areas such as political and strategic ties, military and security cooperation, trade and investment, energy, science and technology, nuclear power, space exploration, as well as cultural, educational, and humanitarian exchanges²⁰. Since India was granted Observer Status in the Arctic Council in 2013, the Indo-Russian partnership has gradually and steadily expanded into this new area of cooperation. The Arctic holds the potential for a truly mutually beneficial partnership, offering a win-win opportunity for both countries, as will be discussed in more detail later in the paper.

¹⁸ Arctic Council Report. The Russian Federation. Arctic Council. URL: <https://arctic-council.org/about/states/russian-federation/#:~:text=Russia%20stretches%20over%2053%20percent%20of%20the%20Arctic%20Ocean%20coastline.> (accessed 26 August 2024).

¹⁹ Projected Population Trends in the Arctic. European Environment Agency. URL: https://www.eea.europa.eu/en/analysis/maps-and-charts/projected-population-trends-in-the-arctic#tab-chart_1 (accessed 14 August 2024).

²⁰ Joint Statement following the 22nd India-Russia Annual Summit India-Russia: Enduring and Expanding Partnership. President of Russia. URL: <http://en.kremlin.ru/supplement/6168/print> (accessed 14 August 2024).

Russia's Arctic strategy for 2020-2035, which was amended on 21 February 2023, emphasises on the "development of relations with foreign states on a bilateral basis... taking into account its national interests in the Arctic". This indicates Russia's pursuit of the "Easternization" of the Arctic and the opening of new ways for investments coming from Asian countries, including India. Considering this, the areas of collaboration that are being progressed include, but are not limited to, scientific research, India's energy security, policy formulations, infrastructure development, the Northern Sea Route, the Chennai-Vladivostok Corridor, the Russian Far East, oil exploration, and resource extraction. Let us discuss some of the salient aspects of these ongoing collaborative initiatives.

Northern Sea Route. Compared to other Arctic shipping routes, this route is expected to become ice-free first, making it the most commercially promising. This route also happens to be the shortest, reducing the distance between East Asia and Western Europe by 8.200 km (21.000 km via the Suez Canal and 12.800 km via the NSR) and transit time by 10-15 days.²¹ It is not surprise, therefore, that Russia is actively developing the Northern Sea Route (NSR), with trade along the route projected to rise by more than four times to 150 million tonnes in the future, as mentioned by Russian President Vladimir Putin on 07 June 2024, at the plenary session of St. Petersburg International Economic Forum (SPIEF)²². Russia and India have agreed to cooperate in this domain and have included this in their Joint Statement on completion of the 22nd Indo-Russian Annual Summit, which stated that, "The Sides support cooperation in developing shipping between Russia and India via the Northern Sea Route"²³.

Scientific Research. India has an annual budget of about 100 million rupees earmarked for Arctic research²⁴ and has a research station at Himadri in Svalbard. Research at this station is centred on studying Arctic ice systems and glaciers, as well as the impact of Arctic melting on the Himalayas and the Indian monsoon. Additionally, scientists from National Centre for Polar and Ocean Research (NCPOR) in Goa and the Arctic and Antarctic Research Institute (AARI) in St. Petersburg regularly collaborate on potential scientific partnerships between the two nations. Russian experts are also working with colleagues from Arctic Council observer members, including China, India, and Brazil, to establish the Snezhinka Arctic station - an autonomous, year-round

²¹ Polar Shipping Routes. The Geography of Transport Systems. URL: <https://transportgeography.org/contents/chapter1/transportation-and-space/polar-shipping-routes/#:~:text=The%20Northern%20Sea%20Route%20%28NSR%29%20along%20the%20Arctic,12%2C800%20km%2C%20cutting%20transit%20time%20by%2010-15%20days.> (accessed 08 August 2024).

²² Northern Sea Route Could be a Game-changer for Russia-India Ties. Sputnik India. URL: <https://sputniknews.in/20240607/northern-sea-route-could-be-a-game-changer-for-russia-india-ties-7564012.html> (accessed 06 August 2024).

²³ Joint Statement following the 22nd India-Russia Annual Summit. Ministry of External Affairs. URL: <https://www.mea.gov.in/bilateral-documents.htm?dtl/37940/Joint+Statement+following+the+22nd+IndiaRussia+Annual+Summit> (accessed 08 August 2024).

²⁴ Time to Redraw India's Arctic Investments. The Sunday Guardian. URL: <https://sundayguardianlive.com/investigation/time-to-redraw-indias-arctic-investments#:~:text=However%2C%20with%20an%20annual%20expenditure,Indian%20investments%20need%20a%20revisit.> (accessed 12 August 2024).

facility that will be powered by renewable energy sources and hydrogen energy in the Yamal-Nenets Autonomous Area (YNAA)²⁵. Russian scientists are working with the support of a unique vessel - an ice-resistant platform, which has the most modern equipment and technology for scientific work in high latitudes²⁶ - and they have invited India to undertake joint research. India has shown great interest in this project.

Training of Indian Seafarers. During the meeting in September 2023 in Vladivostok, Shri Sarbananda Sonowal (Minister of Shipping) and A.O. Chekunkov (Minister of the Far East and Arctic) agreed to get Indian sailors trained in operations in Polar and Arctic waters at the Russian Maritime Training Institute in Vladivostok²⁷. This initiative will help improve the availability of skilled manpower for operations through the NSR and provide meaningful employment to Indian youth.

Connectivity. The key to economic development and free flow of goods is connectivity. India and Russia have taken concrete steps to enhance connectivity between the two countries. This has opened multiple routes for a seamless and unhindered flow of trade between India and Russia in particular, and the Eurasian space in general. In the Joint Statement following the 22nd India-Russia Annual Summit, Prime Minister Modi and President Putin specifically shared a vision for collaboration on three projects - the International North-South Transport Corridor (INSTC), the Chennai-Vladivostok Corridor, and the Northern Sea Route (NSR), also known as the Polar Route²⁸. The two sides also agreed to establish a joint working group as part of Indo-Russian Inter-Governmental Commission on Trade, Economic, Scientific, and Technological Cooperation (IRIGC-TEC) for cooperation in the NSR.

Increased Trade. India and Russia have seen a marked increase in bilateral trade²⁹. This trade has involved commodities as well as services. India has traditionally imported timber and wood from countries such as Malaysia, Myanmar, Ghana, Ecuador, Costa Rica, Côte d'Ivoire, the Solomon Islands, and Papua New Guinea. However, securing raw materials has become challenging for the industry, especially as supplies of teak from Myanmar - a major supplier - have dwindled due to log export restrictions. This shortage could be offset by imports from Russia, which holds vast timber resources. Russian forests cover over 20% of the world's total forest area, far exceeding that of leading timber-exporting countries like the U.S., Canada, China, Sweden, and

²⁵ The Arctic project "Snezhinka" Is Being Implemented in Any Case. RIA Novosti. URL: <https://ria.ru/20220615/arktika-1795372600.html?in=t> (accessed 08 August 2024).

²⁶ India, Russia in Talks for Arctic Project Comparable to International Space Station: Scientist. Sputnik India. URL: <https://sputniknews.in/20240428/india-russia-in-talks-for-arctic-project-comparable-to-international-space-station-scientist-7238069.html> (accessed 12 August 2024).

²⁷ Russia to Train Indian Seafarers for Polar and Arctic Waters. The Economic Times. URL: <https://economictimes.indiatimes.com/industry/transportation/shipping/-transport/russia-to-train-indian-seafarers-for-polar-and-arctic-waters/articleshow/103676639.cms?from=mdr> (accessed 12 August 2024).

²⁸ Modi's Visit to Boost India-Russia Cooperation in Far East, Indian Ocean: Experts. Sputnik India. URL: <https://sputniknews.in/20240710/modis-visit-to-boost-india-russia-cooperation-in-far-east-indian-ocean-experts-7817713.html> (accessed 06 August 2024).

²⁹ India-Russia Trade. Drishti. URL: <https://www.drishtiiias.com/daily-updates/daily-news-analysis/india-russia-trade> (accessed 28 November 2024).

Finland³⁰. In the diamond sector, Russia accounts for 32% of global production³¹, with nearly half of its diamonds mined in the Yakut Arctic. Specifically, the Anabar National ulus (region) in the Arctic zone of the Republic of Sakha (Yakutia) holds over 64% of Russia's explored and ready-for-industrial-development alluvial diamond deposits. In January 2020, India's Minister of oil, natural gas, and steel, Dharmendra Pradhan, confirmed that India would participate in the Vostok Oil project, with Russian Foreign Minister Sergey Lavrov highlighting that India would become "the first non-Arctic state to engage in mineral extraction in the Arctic" through this collaboration.

Oil Exploration. There is a lot of potential in this domain of collaboration, and some steps have already been taken towards this. India's involvement with oil exploration in the Arctic and the Russian Far East started in 2001, when ONGC Videsh Ltd (OVL) collaborated with Rosneft and acquired a 20% stake in the Sakhalin-I oil and gas project. Later, OVL also acquired 11% stake in Vankorneft, which is a subsidiary of Rosneft and produces hydrocarbons in Siberia (Vankor cluster). This will increase OVL's stake in Vankorneft to 26%, and once the deals are completed, the combined Indian holding in the production company will be 49.9%³³. India's involvement in oil exploration in the Russian Arctic is summarised in the table below (Table 1).

Table 1. India's participation in oil exploration in the Russian Arctic?, %

Name of the Project in Russia	Participating Companies and Their Share
Sakhalin-I, Offshore	ONGC, Videsh - 20% Exxon Mobil - 30% (Operator) Sodeco - 30% Rosneft subsidiaries - 20%
Imperial Energy, Russia	ONGC Videsh - 100%
Vankorneft	Rosneft - 50.1% ONGC Videsh Vankorneft Pvt. Ltd. - 26% Vankor India Pvt Ltd. - 23.9% each
Tass-Yuryakh	Rosneft - 50.1% British Petroleum - 20.0% Tass India Pvt Ltd. - 29.9%
License 61	OIL - 50%, Petroneft - 50%

Source: Overseas Alliance and JVs. Oil India. URL: <https://www.oil-india.com/overseas-alliance> (accessed 07 August 2024).

³⁰ Using Timber to Bridge India and the Russian Far East. Invest India. URL: <https://www.investindia.gov.in/team-india-blogs/using-timber-bridge-india-and-russian-far-east> (accessed 12 August 2024).

³¹ Diamond production in Russia and major projects. Mining Technology. URL: <https://www.mining-technology.com/data-insights/diamond-in-russia/> (accessed 12 August 2024).

³² New Delhi Confirms Indian Stake in Rosneft's New Arctic Oil Project. The Barents Observer. URL: <https://www.thebarentsobserver.com/climate-crisis/new-delhi-confirms-indian-stake-in-rosnefts-new-arctic-oil-project/132246> (accessed 07 August 2024).

³³ New Delhi Confirms Indian Stake in Rosneft's New Arctic Oil Project. The Barents Observer. URL: <https://www.thebarentsobserver.com/climate-crisis/new-delhi-confirms-indian-stake-in-rosnefts-new-arctic-oil-project/132246> (accessed 07 August 2024).

India's Energy Security. The rapidly growing Indian economy will witness a growing demand for energy needed to fuel its expansion. Such needs will have to come from reliable and diverse sources, including those in the Russian Arctic.

Crude Oil. India is heavily dependent on imports for its energy requirements. Of its total consumption, India imports 85% of crude oil³⁴, 45% of LNG³⁵, and 21% of coal³⁶. It is, therefore, important that India diversifies its sources and ensures that the sources chosen are located in geographical areas that are conflict-free and reliable. It is also important that we import at the lowest cost per barrel. Keeping all these factors in mind, India has increased its imports from Russia. In 2021-2022 (fiscal year), the Russian share of oil imports by India was a mere 2%, with Iraq as the top supplier, followed by Saudi Arabia and the UAE. However, in 2023, Russia became the biggest supplier of crude to India, accounting for more than 30% of imports. This has benefited both countries. Russia has been able to sell crude at a price that is higher than stipulated by the West and is trading in Indian Rupee and Rubles. On the other hand, India is not only getting cheaper oil, but it has also been able to increase its export of refined oil to Europe³⁷, as depicted in the graph. Russia will continue to be the largest crude supplier to India in 2024, despite the crisis in West Asia and the Red Sea.

Consequently, supplies from other countries, like Saudi Arabia, have reduced to 31.3%, amounting to 1.55 billion dollars in January 2024. Among the top five suppliers, although the United Arab Emirates saw a 6.7% rise, all the others registered a decline, and U.S. supplies of crude oil to India slumped by 91% in January 2024³⁸. The good part is that Russia is also investing in the Indian oil industry. The Vadinar refinery has received the highest FDI of nearly 13 billion dollars in the oil and gas sector in India from Rosneft. This was also Russia's highest FDI to date. No other country has made such a significant investment in this vital sector in India.

Coal Imports from the Arctic. As far as coal is concerned, although India imports about 60% of its coal from Indonesia, a good chunk (about 10%) also comes from Russia³⁹. India's imports of coking coal from Russia were at 14% of total coking coal imports last year. In a historic event, coal from Kuzbass in Siberia was dispatched

³⁴ India's crude oil import bill falls, but import dependency hits new high. The Hindu. URL: <https://www.thehindu.com/business/Economy/indias-crude-oil-import-bill-falls-but-import-dependency-hits-new-high/article68075642.ece> (accessed 14 August 2024).

³⁵ India LNG Scenario. Petronetlng. URL: <https://petronetlng.in/india-lng-scenario> (accessed 14 August 2024).

³⁶ Decline in Share of Coal Import. Government of India. Press Information Bureau. URL: <https://pib.gov.in/Press-ReleasePage.aspx?PRID=2016108#:~:text=There%20has%20been%20a%20reduction,corresponding%20period%20of%20previous%20year.> (accessed 12 August 2024).

³⁷ India-Russia Oil Trade and Investments - an Evolving Facet of the Historical Bilateral. URL: <https://www.orfonline.org/expert-speak/india-russia-oil-trade-and-investments-an-evolving-facet-of-the-historic-bilateral> (accessed 28 November 2024).

³⁸ Russia Remains India's Top Crude Supplier, Imports Rise 14% in January. Mint. URL: <https://www.livemint.com/industry/energy/russia-remains-indias-top-crude-supplier-imports-rise-14-in-january-11710750138911.html> (accessed 07 August 2024).

³⁹ Distribution of Coal Imported into India in 2024, by Country of Origin. Statista. URL: <https://www.statista.com/statistics/1237506/coal-import-share-india-by-country/> (accessed 12 August 2024).

on 24 June 2024 by rail through the International North-South Transport Corridor⁴⁰ for India via Bandar Abbas in Iran.

Import of LNG from the Arctic. India is already importing LNG from the Russian Arctic and received the first shipment from Yamal in June 2021. The shipment travelled through the Northern Sea Route, the Pacific Ocean, and the Indian Ocean to reach the Dabhol terminal of Gas Authority of India Ltd.⁴¹

It is, therefore, evident that while exercising its strategic autonomy and placing its national interests above geopolitical compulsions, India is importing greater amounts of crude, LNG, and coal from Russia now than ever before. This is certainly in the larger interest of both India and Russia and presents a win-win situation for both countries.

Recommendations

As has been mentioned earlier in the paper, India and Russia have been partnering in myriad fields for a long time. However, there are some additional areas that can be targeted. These new areas of collaboration are enumerated in the succeeding paragraphs as recommendations.

Green Energy Initiative. India and Russia can collaborate with observer nations Japan and South Korea to develop a strategic Asian Hydrogen Energy Technology Roadmap. This roadmap could emphasise the exchange of hydrogen fuel and energy technologies to support industries such as transportation, chemicals, fertilisers, electricity generation, and oil refining. Additionally, India's leadership in the International Solar Alliance positions it to help countries produce the cleanest "green" hydrogen using solar energy, reinforcing India's commitment to securing its energy and trade interests in the Arctic region while adhering to internationally accepted environmental safeguards.

Hydrographic Survey. India possesses significant expertise in conducting hydrographic surveys and preparing electronic charts. Although hydrography is typically a restricted field, India could potentially collaborate with Russia in developing electronic charts for the Northern Sea Route, where chart availability is currently limited.

Polar Research Vessel. India currently operates three research base stations in the polar regions, and continuous access to these stations is essential for conducting various research activities, especially those related to climate change. To support these stations, India is building its own Polar Research Vessel at an estimated cost of 310 million dollars⁴², which is likely to be commissioned by 2028. Since Russia owns the largest number of such vessels and has more experience in the Arctic than any other country in the world, India should collaborate with Russia on this project.

⁴⁰ INSTC: In A Historic First, Russian Coal Reaches India Via Iran Using Int. North-South Transport Corridor. The Eurasian Times. URL: <https://www.eurasiantimes.com/in-a-historic-first-russian-coal-reaches/> (accessed 12 August 2024).

⁴¹ India Receives First Direct Shipment of Russian LNG under Long-Term Contract. The Economic Times. URL: <https://economictimes.indiatimes.com/industry/energy/oil-gas/india-receives-first-direct-shipment-of-russian-lng-under-long-term-contract/articleshow/87287564.cms?from=mdr> (accessed 12 August 2024).

⁴² India is Planning Its Own Polar Research Ship. Polar Journal. URL: <https://polarjournal.ch/en/2023/11/08/india-is-planning-its-own-polar-research-ship/> (accessed 13 August 2024).

Skilled Manpower. India has a demographic advantage over most countries in the world, including Russia. The Arctic is sparsely populated and does not have adequate skilled manpower required to develop the area at a fast pace. With Arctic-specific training, Indian youth could fill the void and, in the bargain, secure lucrative employment.

Russian Presence in IOR. To make Indo-Russian collaboration more mutually beneficial, India is keen and is already encouraging a Russian presence in the Indian Ocean Region (IOR) through multiple engagements, including the promotion of the Chennai-Vladivostok Corridor. Further engagement could involve the inclusion of Russia in Security and Growth for All in the Region (SAGAR), increased visits of Russian ships to Indian ports, and an enhanced number of naval exercises. As of now, Russia has participated in Exercise Indira since 2003, MILAN since 2022, and Indian Naval International Fleet Reviews. These naval interactions can be further increased by India and Russia conducting multilateral/trilateral exercises in the IOR/Indo-Pacific with other countries in the region, such as France, South Africa, Iran, Vietnam, Indonesia, Japan, etc. This will not only increase the Russian presence in the IOR but will also indicate India's commitment to its strategic relationship with Russia.

Leadership Role in Observer Nations. India is one of the 13 Observer Members of the Arctic Council⁴³. India can take the lead in forming a consortium of Asian Arctic Observer nations to help develop the Northern Sea Route. This could be done through investment in creation of marine infrastructure, creating navigation aids along the route, creating a transshipment hub, etc.

Ice Breaker LNG Carrier. Geological surveys have indicated that about 30% of untapped natural gas and 90 billion barrels (13%) of crude oil reserves are in the Arctic⁴⁴. These reserves translate into a supply of 10 % of oil and 25% of natural gas globally⁴⁵. India has already started importing LNG from the Arctic. Since GAIL (India) Ltd. has a long-term (20-year) LNG contract with the Russian gas company Gazprom⁴⁶, the supply of LNG from Russia will continue. It is, therefore, important to invest in an icebreaker LNG carrier, which will eliminate the need for both an icebreaker and an LNG carrier for movement through the NSR. Russian collaboration on this project would be extremely helpful.

Long Term Investment in the Arctic. To ensure India's energy security, there is a need to commit greater resources in the exploration and extraction of hydrocarbons in the Arctic. In addition to the ongoing projects mentioned earlier, there is a need for ONGC and/or GAIL to make long-term investments in projects such as the Arctic LNG 2 project.

⁴³ List of Arctic Council Observers. Arctic Council. URL: <https://arctic-council.org/about/observers/> (accessed 13 August 2024).

⁴⁴ Arctic Oil and Natural Gas Resources. U.S. Energy Information Administration. URL: <https://www.eia.gov/todayinenergy/detail.php?id=4650> (accessed 13 August 2024).

⁴⁵ Oil and Gas. WWF. URL: <https://www.arcticwwf.org/threats/oil-and-gas/> (accessed 13 August 2024).

⁴⁶ India Received First Direct Shipment of Russian LNG Under Long Term Contract. The Economic Times. URL: <https://economictimes.indiatimes.com/industry/energy/oil-gas/india-receives-first-direct-shipment-of-russian-lng-under-long-term-contract/articleshow/87287564.cms?from=mdr> (accessed 13 August 2024).

Addressing Russian Repatriation of Funds Problem. A recent Bloomberg news report revealed that Russia is amassing up to 1 billion dollars each month in Indian rupees, which its companies are struggling to repatriate⁴⁷ due to currency restrictions resulting from the sanctions imposed by the U.S. and the EU following Russia's attack on Ukraine in February 2022. A potential solution could involve India partnering with Russia to develop Arctic resources, fostering bilateral economic benefits and advancing scientific progress for humanity.

Scientific and Academic Research. India has been involved in polar research at Himadri station in Svalbard. However, collaborative scientific research with Russia is not being conducted at the desired level. Indian universities, like Amity University, can partner with the Northern Arctic Federal University at Arkhangelsk to carry out joint research in this field. Organising joint seminars, exchanging research scholars, and sending Indian scholars onboard the Northern Arctic Federal Floating University⁴⁸ ship would greatly enhance cooperation in scientific research.

Research Projects in Climate Change and Global Warming. India, being a peninsular nation with 1.382 islands, out of which about 122 are inhabited⁴⁹, needs to be concerned about the melting of the Arctic ice cap due to global warming, including the ice in Greenland, and the concomitant rise in sea levels. The effect that this has on the monsoon weather system is equally important. This highlights the need for a joint research project between India and Russia in the domain of climate change and global warming.

Viability of future Indo-Russian collaboration in the Arctic

India, especially in the last 10 years, has been exercising its strategic autonomy in favour of national interests and has not been cowed down by geopolitical compulsions. One therefore sees, on one hand, India importing S-400 Air Defence System⁵⁰ and Russian oil, and on the other hand, maintaining close ties with the U.S., converting its relationship into Major Defence Partnership; NASA providing Deep Space Network antenna support⁵¹ for its Chandrayaan-1 mission, and training Indian Air Force pilots for manned space flight, etc. On the one hand, India signed a 10-year contract with Iran for operating Chabahar Port⁵², and on the other hand, the Adani Group, an Indian

⁴⁷ Russia Doesn't Know What to Do with the \$1 Billion in Rupees it is Amassing in India Each Month. Business Insider. URL: <https://www.businessinsider.com/dedollarization-russia-dollar-yuan-billions-india-struggle-use-ru-ble-2023-6> (accessed 13 August 2024).

⁴⁸ Arctic Floating University. Russian Geographical Society. URL: <https://www.rgo.ru/en/projects/expeditions/arctic-floating-university> (accessed 13 August 2024).

⁴⁹ Gujarat Island Development Authority - Government of Gujarat. The Gujarat Infrastructure Development Board (GIDB). URL: <https://www.gidb.org/island/about.html> (accessed 13 August 2024).

⁵⁰ Russia to Deliver Remaining 2 S-400 Air Defence Missiles to India by Q3 of 2026: Sources. Business Today. URL: <https://www.businesstoday.in/india/story/russia-to-deliver-remaining-2-s-400-air-defence-missiles-to-india-by-q3-of-2026-sources-422331-2024-03-21> (accessed 23 August 2024).

⁵¹ India-US Bilateral Relations. Ministry of External Affairs, Government of India. URL: https://www.mea.gov.in/Portal/ForeignRelation/Bilateral_Brief_as_on_09.10.2023.pdf (accessed 23 August 2024).

⁵² India, Iran sign 10-year contract for Chabahar port operation. The Hindu. URL: <https://www.thehindu.com/news/national/india-iran-sign-long-term-bilateral-contract-on-chabahar-port-operation/article68171624.ece> (accessed 23 August 2024).

multinational conglomerate, obtained two-third ownership of Haifa port in Israel⁵³. On one hand, India is collaborating with Iran in the International North-South Transport Corridor (INSTC), and on the other, it is importing Rafael fighter jets from France⁵⁴. India is part of QUARD and SCO at the same time. In the first half of 2024, while China remained India's largest import supplier, the U.S. became the largest trading partner of the country⁵⁵. Therefore, it is evident that India is exercising its strategic autonomy in almost every sphere. However, that may not be possible always and every time.

With Sweden and Finland joining NATO⁵⁶ in 2024 and 2023, respectively, seven out of the eight members of the Arctic Council are now members of a military alliance that is allegedly (and with good reason) against Russia. In any case, for various reasons, the Arctic Council is as good as defunct⁵⁷. Against the backdrop of this geopolitical realism, India will have to navigate through turbulent seas if it wishes to collaborate with Russia, especially in the Arctic region. The various areas of collaboration with Russia in the Arctic region proposed earlier in the paper may therefore need greater deliberation, as some of the proposals will not find favour with the West. Collaborating in benign areas like climate change, scientific research, and academics will be easier. However, cooperation in areas such as investment in development of the NSR or continued import of Russian oil and LNG from the Arctic region are contentious propositions, which are likely to encounter headwinds requiring deft handling at the diplomatic level, especially considering the emerging geopolitical landscape of the Arctic region discussed earlier in the paper.

Conclusion

In the recent past, India has become more active on different matters connected to the Arctic. This proactiveness goes well beyond its traditional focus on scientific research. On the occasion of the release of India's Arctic Policy on 17 March 2022, Shri Jitendra Singh, India's Minister of Earth Sciences, said, *"India's Arctic policy will play an essential role in preparing the country for a future where humankind's biggest challenges,*

⁵³ India Controlling Israel's 'Strategic' Haifa Port Is A Part Of New Evolving Regional Strategy To Keep China At Bay. The Eurasian Times. URL: <https://www.eurasiantimes.com/edited-india-controlling-israels-haifa-port-is-a-part-of-evolving/> (accessed 23 August 2024).

⁵⁴ France Has Delivered All 36 Rafale Jets to India: French Envoy. The Hindu. URL: <https://www.thehindu.com/news/national/france-has-delivered-all-36-rafale-jets-to-india-french-envoy/article65643887.ece> (accessed 23 August 2024).

⁵⁵ India's Trade: US Top Partner, China Highest Deficit (Jan-June 2024). Rediff Moneywiz. URL: <https://money.rediff.com/news/market/india-s-trade-us-top-partner-china-highest-deficit-jan-june-2024/14677020240823> (accessed 23 August 2024).

⁵⁶ What Does Finland and Sweden's Membership to NATO Mean for Race to Arm the Arctic? Euronews. URL: <https://www.euronews.com/my-europe/2024/05/31/what-does-finland-and-swedens-membership-to-nato-mean-for-race-to-arm-the-arctic> (accessed 03 September 2024).

⁵⁷ The Arctic Council is Dead. Long Live the Arctic Council. High North News. URL: <https://www.highnorthnews.com/en/arctic-council-dead-long-live-arctic-council#:~:text=As%20a%20meeting%20place%20between,that%20the%20council%20will%20survive.> (accessed 03 September 2024).

such as climate change, can be addressed through collective will and effort”⁵⁸. The focus of this policy is to strengthen India’s cooperation with the countries in the Arctic and combat climate change. Here, “strengthening cooperation” is not exclusively scientific collaboration but also fostering partnerships in the economic and investment areas with trusted partners like Russia.

At this point, there is a mutually beneficial opportunity for Russia and India to collaborate in the Arctic. India requires Russia’s help to access the vast energy resources in the Arctic, as Russia controls nearly 80% of the oil and gas reserves under the Arctic shelf⁵⁹ - essential to meeting the energy demands of India’s growing economy. Conversely, Russia needs a strategic partnership with India in the Arctic to leverage India’s strong political and business ties with Western countries, helping to mitigate the impact of the sanctions imposed against Russia⁶⁰. This Indo-Arctic construct with Russia can be utilised to counterbalance the Indo-Pacific construct with the U.S. - yet another example of India exercising its strategic autonomy.

REFERENCES:

1. Atland K. Mikhail Gorbachev, the Murmansk Initiative, and the Desecuritisation of Interstate Relations in the Arctic. *Cooperation and Conflict: Journal of the Nordic International Studies Association*, 2008, vol. 43(3), pp. 289-311.
2. Burke R., Jahara L.C. The Polar Trap: China, Russia, and American Power in the Arctic and Antarctica. *Journal of Indo-Pacific Affairs*, 2021, pp. 1-32.
3. Nordquits M.H., Long R. *Marine Biodiversity of Areas beyond National Jurisdiction*. Leiden, Brill Publishers, 2021, 341 p.
4. Sulistiyono H., Lye L.M., Khan F., Yang M. Estimating Design Service Temperature in Arctic Environments: A New Approach. *Conference OCEANS’14 MTS/IEEE*, 2014, pp. 1-6.
5. Tilak B.G. *The Arctic Home in the Vedas*. Poona, Messrs. TILAK BROS. Gaikwar Wada, 1903, 300 p.
6. Zellen B.C. *Arctic Doom, Arctic Boom the Geopolitics of Climate Change in the Arctic*. Westport, Praeger Publishers, 2009, 248 p.

⁵⁸ Union Minister Dr. Jitendra Singh Releases India’s Arctic Policy in New Delhi Today. Ministry of External Affairs. URL: https://www.mea.gov.in/press-releases.htm?dtl/34983/Union_Minister_Dr_Jitendra_Singh_releases_Indias_Arctic_Policy_in_New_Delhi_today (accessed 02 September 2024).

⁵⁹ Mazagon Dock soars after partnership with Russia’s Zvezda for commercial ships. Business Standard. URL: https://www.business-standard.com/article/news-cm/mazagon-dock-soars-after-partnership-with-russia-s-zvezda-for-commercial-ships-121090300803_1.html (accessed 03 September 2024).

⁶⁰ Arctic: An Emerging Region of India-Russia collaboration. Centre for Land Warfare Studies. URL: <https://www.claws.in/arctic-an-emerging-region-of-india-russia-collaboration/> (accessed 27 December 2023).

ИНДО-РОССИЙСКАЯ ЭКОНОМИЧЕСКАЯ КОЛЛАБОРАЦИЯ В АРКТИЧЕСКОМ РЕГИОНЕ

А. Бхатнагар

заместитель руководителя отдела международных отношений Amity University, Ноида, Индия

e-mail: abhatnagar1@amity.edu

Аннотация. Индия переживает самую беспрецедентную трансформацию в истории свободного мира. Масштабы и темпы этих преобразований поистине поразительны. Для того чтобы поддерживать такую стремительную и восходящую траекторию роста, стране понадобятся дополнительные ресурсы, создание новых альянсов и активизация существующих партнерств. Россия как проверенный временем стратегический партнер, обладающий богатыми ресурсами Арктического региона, может сыграть ключевую роль в дальнейшем экономическом развитии Индии. С учетом того, что таяние ледников в Арктике открывает доступ к огромным запасам углеводородов, редкоземельных металлов и стратегических минералов, а Россия является ключевым игроком в этом регионе, необходимость сотрудничества Индии с Россией в Арктическом регионе велика как никогда. Хотя Индия (еще в качестве Британской Индии) изначально подписала договор о Шпицбергене и имеет там исследовательскую станцию «Химадри», ее внимание к этому региону усилилось лишь недавно и вышло далеко за рамки традиционного интереса к научным исследованиям. Индо-российское сотрудничество в Арктике развивается во многих областях. В дополнение к текущему сотрудничеству в области научных исследований, развития Северного морского пути, разведки нефти, обеспечения энергетической безопасности Индии, расширения коммуникаций, подготовки индийских моряков для арктической навигации и расширения торговли существует множество областей, таких как инициативы в области зеленой энергетики, гидрографические исследования, строительство полярных исследовательских судов, целенаправленные исследования влияния меняющихся арктических условий на муссонную погодную систему и многие другие, которые имеют потенциал для сотрудничества между Индией и Россией.

Ключевые слова: Арктика, индийская экономика, Китай, Северный морской путь, полярное исследовательское судно, энергетическая безопасность, неарктические государства.

Поступила в редакцию: 28 ноября 2024

УДК 332.132

Принята к публикации: 13 декабря 2024

DOI: 10.24833/2949-639X-2024-4-10-100-115

«НЕСТАНДАРТНО МЫСЛИТЬ И ВЕРИТЬ В ТО, ЧТО ДЕЛАЕШЬ»: РОМАН БАТАЛОВ - О РОССИЙСКОМ БИЗНЕСЕ, ВАЖНОСТИ КОММУНИКАЦИИ И ЛЮБВИ К ALMA MATER

Р.А. Баталов

предприниматель, соучредитель группы компаний Mantera Group

*Внутренний рынок с каждым годом становится все более важным, и прежние бизнес-подходы необходимо адаптировать к этим изменениям. В этом уверен **Роман Баталов**, предприниматель и меценат, входящий в совет директоров Группы Мантера - компании, которая объединила лучшие курорты России в единую экосистему гостеприимства. Какие вызовы стоят сегодня перед российским бизнесом, и что помогает выстраивать эффективное взаимодействие внутри команды? Об этом и о многом другом **Роман Баталов** рассказал в интервью журналу «Международный бизнес».*

Поступила в редакцию: 02.12.2024

Принята к публикации: 07.12.2024

- В 2005 году вы окончили факультет международного бизнеса и делового администрирования МГИМО. Какие знания и навыки, которые вы получили во время учебы, больше всего помогли вашему профессиональному росту?

- Пожалуй, одним из самых полезных оказался навык подходить к проблеме с разных точек зрения. Работа в бизнесе подразумевает, прежде всего, коммуникацию с людьми, чей взгляд на ситуацию или чьи убеждения могут не совпасть с вашими. Посмотреть на происходящее с разных сторон - значит избежать недопонимания и не допустить развития возможного конфликта. Лекции ведущих топ-менеджеров российских и зарубежных компаний, которые мы посещали во время учебы, со временем помогли мне найти ответы на самые разные вопросы. Например, какими качествами должен обладать лидер? В чем секрет успешного бизнеса? В итоге я определил для себя три навыка, определившие мой дальнейший профессиональный рост. Это гибкое мышление, так как в критической ситуации важно быстро, а главное - нестандартно мыслить, адаптируясь к новым условиям. Это эмоциональный интеллект, который позволяет понимать эмоции

и состояние собеседника. И это устойчивость, которая способна поддержать нужный уровень мотивации и помочь быстрее восстановиться, когда все трудности останутся позади.

- Как строилась ваша карьера? Что повлияло на выбор будущей профессии?

- Я родился в Красноярске и уже в старших классах точно знал, что хочу поступать в МГИМО. Ведь только здесь можно получить и классную подготовку по специальности (в моем случае - международный бизнес и деловое администрирование)¹, и в совершенстве овладеть как минимум двумя иностранными языками. Конечно, на мой выбор повлияли и родители - успешные в городе предприниматели. Именно от них я узнал об этом вузе.

Поступить было непросто, но я усердно готовился, так как школьный уровень знаний не позволял мне сдать экзамены без дополнительной подготовки. Могу сказать, что учеба в МГИМО значительно расширила мой кругозор, повлияв и на мои взгляды, и на мою жизнь в целом. Там же я познакомился с будущей женой. «Это наш институт, это наше клеймо, и другого вовеки не нужно», - эта строчка из гимна МГИМО, пожалуй, лучше всего отражает мое отношение к alma mater.

- Сегодня у вашего бизнеса много направлений - недвижимость, ритейл, туристические объекты, агропромышленный сектор, ресторанная деятельность. Как вам удастся развивать столько направлений одновременно? Какие проекты вы бы хотели выделить?

- Бизнес - это система, которую невозможно выстроить, будучи непоследовательным. Ситуация на рынке меняется каждый день, здесь важно быстро принимать решения и адаптироваться к новым условиям. Благодаря разным направлениям деятельности неопределенность проживается гораздо легче, что позволяет сконцентрироваться непосредственно на задачах и их решении. Через трудности проходят все предприниматели, и зачастую в кажущихся безвыходными ситуациях спасает только оптимизм и вера в то, что делаешь. Понимать современные тренды, учиться на своих ошибках, уметь ждать, в конце концов, - все это помогает не останавливаться на достигнутом.

Само собой, справиться со всеми функциями в одиночку невозможно. Поэтому важно уметь делегировать задачи, нанимая компетентных специалистов. Мне повезло: люди, с которыми я работаю, способны грамотно организовывать рабочие процессы, эффективно распределять время и ресурсы, разрабатывать продукты, которые будут пользоваться спросом.

¹ В 2022 году факультет международного бизнеса и делового администрирования (МБДА) был переименован в факультет международного бизнеса (МБ).

- Какие новые идеи и инициативы вы собираетесь реализовать в ближайшей перспективе?

- Меня привлекает идея развития туристической инфраструктуры высочайшего уровня - то, чем славится Группа Мантера. География ее активов широка и разнообразна: от Краснодарского края и Карачаево-Черкесии до Ленинградской области и Дальнего Востока. Помимо управления интегрированными курортами, компания реализует уникальные проекты эногастрономического туризма. Мне подобные инициативы очень близки.

- У вас богатый опыт работы в разных компаниях. Как вы выстраиваете эффективную систему взаимодействия между всеми членами команды?

- Взаимодействие в команде - это не просто обмен информацией. Это процесс, в котором люди стремятся достичь общих целей, и моя задача как руководителя вдохновить их на это. Существует множество стратегий, которые помогают улучшить взаимодействие внутри команды. Однако какой бы ни была эта стратегия, в ее основе всегда будет общее понимание и видение конечного результата наших действий. Мое представление об эффективности команды держится на трех китах. Во-первых, на открытости коммуникации - без доверия и сотрудничества в этом деле никак. Во-вторых, на полноценной обратной связи от коллег, которая помогает членам команды понять, что они делают хорошо, а какие знания необходимо подтянуть, чтобы стать лучше. И, в-третьих, на использовании в работе современных технологий - например, платформ для обмена информацией и приложений по управлению рабочими процессами. Мой опыт показывает, что такой подход позволяет команде работать слаженно и эффективно, давая возможность при этом каждому почувствовать свою значимость. Безусловно, важна и критика. Однако для того чтобы способствовать профессиональному росту сотрудников, она должна быть открытой и конструктивной.

- Как, на ваш взгляд, изменилась российская бизнес-среда за последние годы? Какие вызовы и возможности стоят сегодня перед предпринимателями?

- Вызовов, прямо скажем, предостаточно, но за прошедшее время многие компании научились искать выход и адаптироваться к изменениям. Кто-то меняет логистику и перестраивает цепочки поставок. Кто-то пересматривает инвестиционные планы. Кто-то занимается разработкой альтернатив зарубежному программному обеспечению. В итоге многим предприятиям удалось не просто остаться на плаву, но и развить импортозамещение и выйти на новые рынки. Российские предприниматели, наконец, осознали необходимость инвестировать в технологии: все-таки цифровизация - это важнейший фактор развития и конкурентоспособности бизнеса. Еще одно наблюдение: на фоне восстановления доходов населения начал увеличиваться внутренний спрос, потребители начали

уделять особое внимание качеству. Причем это касается всего: и качества товаров, и качества услуг. Поэтому участники рынка стали внимательнее относиться к запросам аудитории.

Думаю, что в приоритетах большинства бизнесменов сегодня - внедрение цифровых технологий и решение кадрового вопроса при помощи новых образовательных проектов. Таких, например, как Академия «Мантера», при формировании образовательных программ которой была сделана ставка на внутреннюю экспертизу.

- Какую роль, по вашему мнению, играет государственная поддержка в развитии частного бизнеса в России?

- Совершенно точно одну из ключевых. Насколько мне известно, сегодня в приоритете у государства - промышленность и ИТ-индустрия, а также улучшение экологической обстановки и развитие внутреннего туризма. Компании автоматически продлевают лицензию, получают льготные кредиты и отсрочку по уплате страховых взносов. Конечно, для разных направлений бизнеса и меры поддержки разные. Компенсация части затрат по строительству инновационных технопарков, поддержка авиа- и судостроения, субсидии для сельхозпроизводителей - разве все эти меры не могут положительно повлиять на состояние экономики?

- Какие привычки и навыки стоит выработать будущим предпринимателям?

- На мой взгляд, особое внимание стоит уделить коммуникационным навыкам. То, как вы общаетесь с клиентами, инвесторами и даже рядовыми сотрудниками, напрямую влияет на ваш статус. Важны и навыки убеждения, так как выступления перед публикой для предпринимателя так же неизбежны, как для политика. Для того чтобы управлять вниманием аудитории и грамотно доносить до нее нужную информацию, не обойтись без ораторского искусства. Еще один ценный навык в бизнесе - умение заводить нужные связи. Ну и, конечно, эмпатия. Если вы способны сопереживать другим людям, понимать их чувства и нужды, то ваш бизнес будет процветать, несмотря на внешние обстоятельства.

МБ